

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. Б. Попова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул).

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 15.08.22.
Выход в свет 31.08.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 16,9.
Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 500 экз. Заказ 404.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

12+

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANÉPA, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. B. Popova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences”
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-66312

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *O. E. Shishmarenkova*

Approved for printing 15.08.22.
Date of publication 31.08.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 16.9.
Ac.-publ. sh. 14.5.
Circulation 500 copies.
Order 404. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ, ЯЗЫКОВ РОССИИ И ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

- Басовская Е. Н., Воронцова Т. А.* Безоценочная экспрессия и неэкспрессивная оценочность:
попытка выживания в медиатексте 7
- Бускунбаева Л. А.* Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир
(на материале монологических текстов восточного диалекта) 17
- Зайрова К. М.* Этнокультурная характеристика наименований одежды и обуви
в каракалпакском языке 27
- Таскаева А. В., Питуна С. А.* О репрезентативности корпусного изучения лингвокультурного
концепта герой как составляющей русскоязычной картины мира 37
- Харлова Н. М.* О грамматических свойствах глагольного компонента во фразеологизмах
модели V+N₄/N₂ 43

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Богоявленская Ю. В.* Этапы экспертного анализа в информационной системе «Лингвистика»
(на примере исследования политических метафор) 52

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Большак А. В., Волошина К. С.* Современные американские реалии и способы перевода
их номинаций на русский язык 64
- Жуманиёзов З. О.* О характеристике слова «аккредитация» (на материале немецкого, русского
и узбекского языков) 70
- Моради М.* Изучение синтаксических и семантических особенностей междометий
в персидском и русском языках 76
- Пасечная Л. А., Щербина В. Е.* К вопросу о моделях образования неологизмов языка
немецкоязычных геймеров 85

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ДИСКУРСОЛОГИИ

- Желтухина М. Р., Парамонова Д. В.* Американская и британская вербальная специфика
медиатрансляции образа государства: Россия в медиасобытийном аспекте
«внешняя политика» 92
- Ионкина Е. Ю., Бганцева И. В., Глебова Е. А.* Коммуникативный барьер в интервью-портрете:
психолингвистические особенности и способы преодоления (на материале
немецкой прессы) 103
- Песина С. А., Солончак Т. Ю.* Антропоцентрическая и антропоморфическая парадигмы
в современной лингвистике 113

Попова Н. Б., Бобнев Б. А. Геополитические признаки в типологическом освещении языковых контактов	120
Фалева А. В. Тематическая дифференциация коллоквиализмов с имплицитным значением в лексикографических источниках	128
Яковлев А. А. О динамическом и статическом подходе к изучению языкового сознания	137

CONTENTS

PROBLEMS OF RUSSIAN STUDIES, LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LANGUAGES OF THE EURASIAN LANGUAGE SPACE

- Basovskaya E. N., Vorontsova T. A.* Unbiased expression and non-expressive evaluation:
an attempt to survive in media-text. 7
- Buskunbaeva L. A.* Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs
(based on the the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language). 17
- Zayrova K. M.* Ethnocultural characteristics of names of the clothes in the Karakalpak language. 27
- Taskaeva A. V., Pitina S. A.* Corpus study of the concept hero as a component of the Russian
linguistic and cultural picture of the world. 37
- Kharlova N. M.* On grammatical properties of the verb component in phraseological units
of the model V+N₄/N₂. 43

CORPUS LINGUISTICS

- Bogoyavlenskaya Y. V.* Stages of expert analysis in the information system “Linguistics” (using
the example of political metaphor research) 52

COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES AND DISCOURSES, TRANSLATION STUDIES

- Bolshak A. V., Voloshina K. S.* Modern American realia and ways of translating their nominations
into Russian. 64
- Jumaniyozov Z. O.* On the characteristics of the word “accreditation” in the German, Russian
and Uzbek languages 70
- Moradi M.* Syntactic and semantic features of interjections in Persian and Russian. 76
- Pasechnaya L. A., Shcherbina V. E.* On the models of neologisms formation in the language
of German-speaking gamer 85

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS

- Zheltukhina M. R., Paramonova D. V.* American and British verbal specificity
of media broadcast of the state image: Russia in the media event aspect
“foreign policy”. 92
- Ionkina E. Yu., Bgantseva I. V., Glebova E. A.* The communicative barrier in the portrait interview:
psycholinguistic features and ways of overcoming (based on the material
of the German press). 103
- Pesina S. A., Solonchak T. Yu.* Anthropocentric and anthropomorphic paradigms in modern
linguistics 113
- Popova N. B., *Bobnev B. A.* Geopolitical features in the typological coverage of language contacts 120

Faleeva A. V. Thematic differentiation of colloquialisms with implicit meanings in lexicographic sources. 128

Yakovlev A. A. On the dynamic and static approaches to the study on language consciousness. 137

**ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ, ЯЗЫКОВ РОССИИ
И ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

**PROBLEMS OF RUSSIAN STUDIES,
LANGUAGES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND LANGUAGES OF THE EURASIAN LANGUAGE SPACE**

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 7—16.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):7-16. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 811.161.1'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701

**БЕЗОЦЕНОЧНАЯ ЭКСПРЕССИЯ И НЕЭКСПРЕССИВНАЯ
ОЦЕНОЧНОСТЬ: ПОПЫТКА ВЫЖИВАНИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ**

Евгения Наумовна Басовская¹, Татьяна Александровна Воронцова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, jeni_ba@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования в современном газетном тексте русских лексем особого типа — лишенных экспрессивного компонента названий качеств и неэмоциональных экспрессивных прилагательных. На материале текстов, опубликованных в 2021—2022 гг. в различных с точки зрения идеологической направленности и стилистики изданиях: «Российская газета», «Завтра», «Новая газета», — авторы демонстрируют различные лингвопрагматические возможности указанных лексических групп. Неэкспрессивные эмотивы и неэмоциональные экспрессивы способны сохранять в речи свои языковые свойства и содействовать таким образом объективному, сдержанному тону повествования, максимально востребованному в новостной журналистике. В эмоционально насыщенной авторской публицистике названные прилагательные подвергаются воздействию микроконтекста, что приводит к коннотативнымращениям и трансформации «холодных» определений в выразительные средства эмфатической речи. Такое разнообразие возможностей обеспечивает относительно невысокую, но стабильную востребованность данных типов слов современным медиатекстом.

Ключевые слова: эмоциональность, оценочность, экспрессивность, прагматика словоупотребления

Для цитирования: Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Безоценочная экспрессия и неэкспрессивная оценочность: попытка выживания в медиатексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 7—16. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701.

Original article

**UNBIASED EXPRESSION AND NON-EXPRESSIVE EVALUATION:
AN ATTEMPT TO SURVIVE IN MEDIA-TEXT**

Evgenia N. Basovskaya¹, Tatyana A. Vorontsova²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, jeni_ba@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

²Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

Abstract. The article is about a special type of lexemes functioning in modern newspaper text: qualitative adjectives without an expressive component and unemotive expressive adjectives. The authors demonstrate various language and pragmatic abilities of the mentioned lexical groups on the material of the texts published in 2021—2022 in different from the ideological point of view newspapers, such as Rossiyskaya Gazeta, Zavtra, Novaya Gazeta. Non-expressive emotives and non-emotive expressives can preserve their language peculiarities in speech and in this way can attribute to the narration objective reserved tone which is of maximum demand in modern journalism. In emotional individual journalism the above-mentioned adjectives undergo the influence of micro-context which leads to connotative additions and transformations of neutral, “cold” attributes into expressive means of emphatic speech. Such a variety of possibilities provides a relatively small but stable demand of the given types of words by the modern media-text.

Keywords: emotiveness, evaluation, expressiveness, pragmatics of word usage

For citation: Basovskaya EN, Vorontsova TA. Unbiased expression and non-expressive evaluation: an attempt to survive in media-text. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):7-16. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10701.

Введение

Изучение оценочной лексики имеет долгую историю в русской лексикологии, лексикографии и стилистике — от первых разрозненных наблюдений, сделанных в начале XX в. и относившихся к словам с уменьшительно-ласкательными суффиксами [9], до фундаментальных работ Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, В. Н. Телии, Т. А. Трипольской [1; 4; 17; 18] и новейших исследований [7; 10].

На протяжении всего периода рассмотрения различных аспектов формирования оценочной лексики, ее существования в языке и функционирования в речи специалисты периодически обращались к вопросу о разнице между тремя группами слов.

Первую составляет, по выражению Л. А. Булаховского, «органически эмоциональный речевой материал» [3. С. 56] — наименования эмоций и качеств (*гнев, любовь, добрый, злой, хороший, скучный* и др.), которые, как отмечает Н. Н. Никольский, «сами могут быть эмоционально нейтральны» [14. С. 24]. Лексемы, отражающие отношение к предмету и при этом лишённые экспрессии, можно обозначить как **номинативно-эмоциональные**.

От слов, описательно характеризующих отношение говорящего к обозначаемому объекту, принципиально отличаются номинативные единицы, обладающие коннотациями — «дополнительными элементами значения», экспрессивными, стилистическими и оценочными [6. С. 138]. Такая лексика образует в принятой нами классификации вторую и третью группы.

Ко второй относятся лексемы, у которых оценочность входит в состав понятийного ядра. В. А. Марьянчик называет их «**словами с включенным оценочным значением**» (*подхалим, злобствовать, бесшабашный*) [11. С. 102]. Уровень экспрессии таких лексических единиц значительно варьируется. По наблюдению Л. А. Булаховского,

относительно «холодные» оценочные слова нередко имеют в языке эмоционально-экспрессивные синонимы (например, *дерзкий* — *дерзновенный* — *нахальный*) [3. С. 55].

К третьей группе принадлежат лексемы, обладающие «**прикрепленным оценочным значением**» [11. С. 102]. Их оценочное поле определяется не столько понятийным ядром, сколько культурной и речевой традицией и относится к области стилистической окраски. Как справедливо замечает Е. Ф. Петрищева, обозначаемое явление не всегда «заслуживает» закрепившейся за его названием оценки [15. С. 39—41] (такова негативная коннотация существительных *теща, юнец* и некоторых других).

Если номинативно-эмоциональные единицы и слова с включенным оценочным значением представляют собой прежде всего факт языка и их оценочность в малой степени зависит от контекста, то позитивная или негативная коннотация может быть явлением речевым и определяться особенностями мировоззрения и вкуса конкретного носителя языка или социальной группы (так, слово *либерал* позитивно окрашено в текстах «Новой газеты» и негативно — в публикациях газеты «Завтра»).

Несколько меньшее внимание исследователей привлекает к себе условная четвертая группа — лексический пласт, состоящий из **экспрессивных единиц, не выражающих** вне контекста ни положительной, ни отрицательной **оценки**. Мы имеем в виду такие прилагательные, как *грандиозный, колоссальный* и им подобные, глаголы *мчатся, обожать* и др. Такого рода обозначения не могут быть признаны нейтральными, поскольку передают высокую интенсивность признаков и действий (обладают, как пишет Т. В. Матвеева, «семами интенсивности» [12. С. 15]). Оценочность в самих этих словах отсутствует и «присоединяется» к их значениям под влиянием контекста: *грандиозный*

успех — грандиозный провал, колоссальные достижения — колоссальные разрушения; он несся, не замечая преград, на помощь другу — куда ты так несешься?

Представленное разнообразие типов слов приводит нас к вопросу о том, каковы закономерности взаимодействия системных эмоциональных и экспрессивных свойств лексемы с условиями контекста. Для решения этой проблемы мы рассматриваем функционирование неэкспрессивных названий качеств, а также неэмоциональных экспрессивов в современном публицистическом тексте. Этот эмпирический материал мы считаем показательным, поскольку публицистике в соответствии с самой ее природой свойственна социальная оценочность [16. С. 313], для достижения которой журналисты активно используют различные языковые ресурсы.

Материалы и методы исследования

Источником исследования стали интернет-версии издания «Завтра», «Новой газеты» и «Российской газеты» за январь 2022 г. Выбор СМИ обусловлен их сопоставимостью (общественно-политические медиа с высокой периодичностью, затрагивающие актуальные темы, относящиеся к сфере внутренней и внешней политики, общественной жизни и культуры). При этом источники представляют три типа изданий: государственная «Российская газета» отражает преимущественно официальную точку зрения и придерживается объективного стиля изложения; оппозиционные «Новая газета» и «Завтра» — либеральное и имперско-националистическое издания — культивируют яркую авторскую публицистичность.

В ходе анализа методом сплошной выборки были вычленены микроконтексты, в которых функционируют неэкспрессивные обозначения оценки *хороший* и *плохой*, а также безоценочные экспрессивы *грандиозный* и *крошечный* (*крохотный*). С опорой на толковые словари русского языка изучалась стилистическая окраска компонентов ближайшего словесного окружения названных лексем и, соответственно, характеризовались эмоционально-экспрессивные приращения, отличающие их контекстуальный смысл от словарного значения.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку число вхождений неэкспрессивных оценочных прилагательных *хороший* и *плохой* в материалах «Российской газеты» очень велико (более 600 за месяц), для рассмотрения были отобраны случаи функционирования данных слов в заголовках и лидах статей: шесть и восемь примеров

соответственно. Показательно, что слова *хороший* и *плохой* типичны для информационных материалов, в которых журналист не оценивает явления самостоятельно, а транслирует оценку, уже существующую в сознании других людей или общества в целом. Упоминаются *хорошая вирус-нейтрализация*, *хорошая форма*, *хорошая проходимость*, *хороший знак*, *хороший профиль безопасности*, *хорошие отношения с ребенком*; *плохая уборка снега*, *«плохой» холестерин* (два раза), *плохое настроение*, *плохие родители*, *плохая примета*, *плохая погода*. Обращает на себя внимание присутствие фразеологизированных конструкций (*хороший знак*, *плохая примета* и т. п.). Их использование подтверждает предположение об ослабленной, стертой оценочности слов, называющих эмоции.

Установлено, что определение *хороший* в текстах «Российской газеты» типично для описания медицинских препаратов и технических средств. В материале о спасении замерзающих людей в Иране с применением российских боевых машин не только качества БМП сдержанно оцениваются как *хорошие* — остальные позитивизмы тоже имеют клишированно-объективный характер: «В Иране традиционно высоко ценят нашу легкую бронетехнику» (Российская газета. Специальный проект «Русское оружие». 21.01.2022).

Прилагательное *плохой* в «Российской газете» используется, в частности, для критики работы коммунальных служб: «В Петербурге возбуждено 55 административных дел за *плохую уборку мусора и снега на улицах города*»; «В Краснодаре 110 управляющих компаний оштрафуют за *плохую уборку снега*... Из-за *плохой уборки снега* появилась и другая проблема — мусоровозы не смогли пробраться по сугробам к мусорным контейнерам, в результате своевременно не вывозились отходы» (Российская газета. 08.01.2022; 25.01.2022).

В микроконтекстах, включающих в себя определения *хороший* и *плохой*, отсутствует ярко экспрессивная лексика, поэтому коннотативных приращений фактически не происходит.

В «Новой газете» случаи использования прилагательных *хороший* и *плохой* единичны: 12 и 6 вхождений в январе 2022 г. Лексемы фигурируют только в текстах, не попадая в заголовки и лиды. Важно отметить, что количественно преобладает применение данных определений не в авторской речи, а в репликах интервьюируемых лиц и цитатах: «В районе Аэропорт, как рассказывает мундеп Анна Щербаченко, ее для беседы пригласил зампрефекта — Гаджимурад Изутдинов. “Сразу

после выборов он приглашал каждого на личный разговор, во время которого дипломатично пытался нас чем-то заинтересовать. Мне, например, предложил **хорошую работу**» (Новая газета. 12.01.2022); «У нас **хороший губернатор от плохого** отличается тем, что **хороший** может выбивать деньги у Москвы, а **плохой** не может (Дмитрий Алексеев — № 154 в рейтинге богатейших бизнесменов страны)» (Новая газета. 16.01.2022).

В отдельных случаях характеристика **хороший**, звучащая из уст персонажа, оценивается автором публикации иронически. Так, рассказывая о молодой мурманской чиновнице, допускающей на письме большое число ошибок, журналист добавляет: «Губернатор поступил как джентльмен, защитив юного министра от укусов журналистов: “Зато она очень, **очень хороший специалист!** Уж поверьте!”». Прилагательное **хороший** интерпретировано здесь как слово чужого словаря, показательный элемент чиновничьего дискурса. Это подчеркивается с помощью применения такого редкого в современной публицистике приема, как несобственно-прямая речь: «Сегодня пришла новость: Анна Головина (Восемь Ошибок) вернулась в правительство. Теперь она возглавляет министерство внутренней политики... Злые языки, правда, говорят, что должность эта временная, и прочат Анну в ректоры одного из местных вузов. **Хороший ведь специалист**, как сказано выше» (Новая газета. 24.01.2022).

В собственно журналистском тексте слово **хороший** выступает как единица с ослабленной оценочностью, контекстуально синонимичная определению *подходящий* (*хороший повод, хороший сценический партнер*).

Прилагательное **плохой** в некоторых материалах тоже отсылает к официальному стилю: «Как сообщили “**Новой**” в пресс-службе ведомства, специалисты смотрели, насколько хорошо очищены придомовые территории от снега и наледи. В результате по фактам **плохой уборки** Государственная жилищная инспекция возбудила 107 административных дел со штрафами на 9,23 млн рублей» (Новая газета. 18.01.2022).

В авторской журналистской речи определение **плохой**, как и **хороший**, лишено экспрессии (на это указывает и отсутствие других ярких эмфатических средств в ближайшем контексте) и подчеркивает объективный тон публикации: «**Без поднятия культуры владения домашними животными и ответственного отношения к тем, кого мы приручили, новое поголовье разведется в очень короткие сроки. А убийство как способ решения социальной**

проблемы — **плохой фундамент** для создания гуманного гражданского общества» (Новая газета. 25.01.2022).

Частотность лексем **хороший** и **плохой** в издании «Завтра» находится приблизительно на том же уровне, что и в «Новой газете»: 5 и 6 употреблений за месяц. Правда, прилагательное **хороший** дважды возникает в заголовках (статьи принадлежат одному и тому же автору): «**Человек хороший**», «**Хороший и очень добрый**» (Завтра. 08.01.2022; 25.01.2022). Уже сами по себе эти названия, в одном из которых использована инверсия, в другом — усилительное наречие, свидетельствуют об эмоциональной стилистике материалов.

В статьях газеты «Завтра» прилагательное **хороший** функционирует как оценочное средство, причем чаще всего оно помещено в экспрессивный контекст: «...*Осматривать какие-либо музеи или картинные галереи и нагонять там, среди экспонатов, на себя тоску, я не хотел; у меня было **слишком хорошее настроение**, чтобы портить его... Кроме того, стояла **роскошная осенняя благодатная пора**, теплая, солнечная, в которую город был по-особенному **восхитителен и хорош**»; «**Про товарища**. Волны танцуют вальс на камнях и создают **кружевные узоры** для памяти, чтобы помнили и не забывали хорошее слово ТОВАРИЩ... Время было советское, **замечательное**, и нам всем **солнце ярко по утрам светило!**.. Мужиком он был **настоящим** и пытался помочь всем, кто в этом нуждался. Жизнь ушла, но мы его по-прежнему помним, потому что **человеком он был хорошим и очень добрым**, наши товарищ...» (Завтра. 08.01.2022).*

Прилагательное **плохой** тоже используется в оценочных высказываниях, преимущественно относящихся к зарубежным политическим деятелям, и обретает эмоциональное звучание в эмфатическом контексте: «**Политолог Герман Куликовский: “Вся эта история с ‘эвакуацией’ части европейских дипломатов из Украины напоминает **плохой спектакль**”**»; «**Плохой танцор**. Борис Джонсон пошел ва-банк на внутреннем и внешнем направлении»; «**Не устраивать же войну просто потому, что Зеленский **плохой политик!****» (Завтра. 24.01.2022; 27.01.2022).

Существенная разница в частотности прилагательных в «Российской газете», с одной стороны, и «Новой газете» и «Завтра» — с другой позволяет рассматривать слова **хороший** и **плохой** как своего рода маркеры экспрессивности медиаречи. В эмоционально напряженной авторской публицистике они встречаются значительно реже, чем в текстах

информационного характера и стилистически объективной аналитике. При этом эмоционально насыщенный текст способен как отторгать «холодные» названия, превращать их в показатель чуждого журналисту дискурса, так и принимать их, насыщая дополнительной экспрессией.

Безоценочные экспрессивы *крошечный* и *грандиозный* в рассматриваемых медиаисточниках имеют разное количество вхождений. Возможно, это объясняется разной периодичностью изданий: «Российская газета» выходит ежедневно, «Новая газета» — три раза в неделю, «Завтра» — еженедельное издание. Кроме того, очевидно, что употребительность рассматриваемых прилагательных в публицистическом тексте значительно ниже, чем у лексем *хороший* и *плохой*. Так, определение *грандиозный* в источниках за январь 2022 г. имеет следующую частотность: «Российская газета» — 27 вхождений, «Завтра» — 5, «Новая газета» — 2; *крошечный*: «Российская газета» — 16 вхождений, «Завтра» — 3; «Новая газета» — 1.

Для получения достоверных результатов для изданий «Завтра» и «Новая газета» в сферу анализа включен материал за 2021 г. За весь год в газете «Завтра» отмечено 13 случаев употребления прилагательного *грандиозный* и 8 — слова *крошечный*, в «Новой газете» — 8 и 11 соответственно, то есть общее количество вхождений этих прилагательных в данных изданиях за 2021 и 2022 гг. меньше, чем количество вхождений в «Российской газете» за январь 2022 г.

В «Российской газете» прилагательное *крошечный* может употребляться как безоценочный экспрессив со значением очень малого размера или количества (восемь примеров), а также иметь как положительную (два примера), так и отрицательную оценочную коннотацию (два примера). Семь из 16 вхождений встречаются в научно-популярных текстах. В шести текстах научно-популярной тематики имеет место безоценочное употребление прилагательного: *крошечное, но очень плотное ядро; крошечный бутон, множество крошечных бриллиантов, крошечные кристаллы граната, самый крошечный спутник Сатурна, крошечный комочек*.

В двух случаях можно говорить о наличии контекстуально сформированной положительной коннотации. Первая статья посвящена безопасности и эффективности вакцин от коронавируса: «Врач проанализировал основные мифы о вакцинации против коронавируса»: *«Вакцины содержат крошечные фрагменты болезнетворного микроорганизма или программы для создания этих крошечных фрагментов (так называемый антиген). Они*

также содержат другие ингредиенты, необходимые для обеспечения безопасности и эффективности вакцины» (Российская газета. 04.01.2022). Обратим внимание на то, что слово *крошечный* дважды повторяется в одном предложении. За счет этого акцентируется смысловая цепочка, создающая положительную коннотацию: *крошечный фрагмент — безопасность — эффективность*.

Во второй статье — о новых видах российского вооружения — положительная оценочность прилагательного *крошечный* также формируется контекстуально: «...Такие беспилотники могут быть весьма эффективны для уничтожения вражеской инфраструктуры — в первую очередь, складов с боеприпасами. Крошечные коптеры способны оставаться незамеченными для ПВО и наносить удары внезапно» (Российская газета. 14.01.2022). Положительная оценка создается за счет логической импликации: *крошечные коптеры* — это хорошо, так как именно размер делает их незаметными, а значит, эффективными.

Употребление прилагательного *крошечный* с негативной коннотацией наблюдается в двух разных по тематике контекстах и создается при помощи различных средств и приемов. Так, в одном из контекстов негативную оценочность данное прилагательное приобретает за счет эмоционально-оценочного обобщения (*нелепость*), которое характеризует явление в целом: *«Между тем положение водителя — нелепость: педали крошечные, руль не имеет регулировки положений, а для того, чтобы переключить передачу, нужно иметь гибкость акробата»* (Российская газета. 02.01.2022).

Если в данном случае негативная оценка субъективна (автор описывает свои впечатления, которые необязательно совпадают с мнением других людей), то *крошечный* в значении *не соответствующий установленным нормам* приобретает характер объективированной оценки: *крошечный* — это плохо с точки зрения всего социума. Ср.: *«Поставщик объяснил крошечные порции в школьной столовой Чувашии (заголовок). Фотографии крошечных порций салата, сделанные школьниками, появились накануне в социальных сетях»* (Российская газета. 20.01.2022). Социальная значимость негативной оценки «активируется» через описание реакции официальных органов: *«...отделом образования... в школе проводится внутренняя проверка. ...Если в ходе проверки выявятся нарушения, будут приняты меры прокурорского реагирования»*.

Прилагательное *грандиозный* в «Российской газете» имеет достаточно большое количество вхождений — 27. Однако абсолютно большая часть сло-

воупотреблений (22) встречается не в журналистском тексте, а в прямой речи интервьюируемых лиц или при косвенном цитировании: «Участвовавший в четырех Олимпийских играх **Евгений Плющенко** заявил, что в отличие от чемпионата мира, чемпионата Европы и других соревнований **Олимпийские игры — самое важное и грандиозное спортивное событие в мире**» (Российская газета. 28.01.2022); «Шоу расскажет о последствиях **грандиозной битвы** между фантастическими существами, **сообщается на сайте компании**» (Российская газета. 21.01.2022).

В журналистских текстах прилагательное *грандиозный* в трех статьях употребляется как безоценочный экспрессив. Ср.: «**Организаторы в полной мере используют объекты, оставшиеся от летних Олимпийских игр 2008 года, что позволяет значительно сократить расходы и избежать грандиозной стройки в Пекине**» (Российская газета. 17.01.2022).

В двух случаях употребление прилагательного *грандиозный* с положительной коннотацией встречается в юбилейных статьях. Первая посвящена 80-летию артиста балета и педагога Юрия Владимировича, который «**имел грандиозный успех во время зарубежных гастролей Большого театра**» (Российская газета. 01.01.2022). Вторая — Бишкекской детской художественной школе: «**Юбилей учебного заведения отметили грандиозной выставкой**» (Российская газета. 26.01.2022). Очевидно, что положительная коннотация прилагательного *грандиозный* в обоих случаях задана стандартами жанра и соответствующей сочетаемостью.

В газете «**Завтра**» за январь 2022 г. прилагательные *крошечный* и *грандиозный* имеют крайне низкую частотность: три и пять соответственно, за весь 2021 г. — восемь и тринадцать, то есть эти прилагательные используются в данном издании относительно редко.

У прилагательного *крошечный* положительная коннотация присутствует в двух примерах. Данное определение использовано в научно-популярном контексте для описания научно-технического артефакта: «**Теоретически крошечные микроскопические нанороботы можно использовать для сканирования и наблюдения за внутренними органами человека, чтобы выявлять проблемы со здоровьем**» (Завтра. 28.01.2022). Положительная оценка создается за счет импликатуры: маленькое «устройство» обладает большими возможностями и удобно для человека, следовательно, *крошечный* — это хорошо. Плеонастическое сочетание *крошечные микроскопические* призвано усилить

данную импликацию. Аналогичное употребление данного прилагательного есть также в тексте за 2021 г.: «**Вскоре женщины с высокой степенью риска беременности смогут носить крошечную, постоянно работающую электронную “татуировку” для мониторинга состояния плода**» (Завтра. 15.09.2021).

Прилагательное *крошечный* неоднократно применяется как определение по отношению к словам, обозначающим геополитические объекты: *остров, государство, страна* (всего пять примеров: один — за 2022 г. и четыре — за 2021 г.). В трех случаях экспрессив *крошечный* используется для создания смыслового контраста *маленькая страна — большие достижения*. Ср.: «**Создатель Сингапура и его многолетний бессменный руководитель (что, без сомнения, пошло лишь на пользу этому крошечному, но экономически мощному государству и его жителям) Ли Куан Ю писал о Гарварде в 1968 году...**» (Завтра. 17.01.2022); «**Единственным исключением являются крошечные Коста-Рика и Уругвай, в которых есть сильные демократические институты и медианный возраст составляет около 30 лет**» (Завтра. 13.12.2021). В данных контекстах экспрессив *крошечный* усиливает положительную оценку объекта и таким образом участвует в создании позитивной коннотации референта (ср.: *мал да удал, мал золотник да дорог*).

В остальных случаях (восемь примеров) прилагательное *крошечный* используется как безоценочный экспрессив: *крошечный ларек, крошечные различия, крошечные компании* и т. д.

Лексема *грандиозный* употребляется в данном медиаисточнике как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. С положительной оценочностью слово используется при обозначении событий и реалий прошлого России и Советского Союза. Ср.: «**Великое историческое достижение СССР — грандиозный научный прорыв, которого достигла страна в послевоенный период**»; «**Русская Победа — это грандиозные, длящиеся веками труды... Бескрайняя Россия — это подарок и время, делающие русский народ самым трудолюбивым народом в мире**» (Завтра. 22.01.2022; 26.01.2022). Положительная оценка в этом случае обеспечивается не только соответствующим контекстом, но и «стилистической традицией»: лексема *грандиозный* входит в словосочетания, представляющие собой клише публицистического стиля советского периода: *грандиозный проект, грандиозный фестиваль, грандиозные планы* и т. п. Традиционно данные клише использовались для характеристики советских реалий и включались

в контекст с положительной оценочностью [13. С. 138].

Негативная оценочная коннотация, поддерживаемая микроконтекстом, наблюдается в тех случаях, когда данное прилагательное относится к современным российским и западным реалиям: «**Грандиозная разводка миллионов людей. 90-е годы сумели прикинуться чем-то “объективным”**»; «...**Фикция, которая маскирует наличие грандиозного пространства тотального Обмена, созданного в эпоху великих перемен, и великого Обмана. По сути, это пространство и есть та реальность, что зовется Рынком**»; «**Каждый день в информационном пространстве всплывает и лопается малый пузырик, порождающий бурю комментариев... противоречащих одно другому, создающих грандиозный вселенский абсурд**»; «**Америка есть грандиозный рынок сбыта, куда закачены¹ активы российских банков и корпораций, где громоздятся их дворцы и виллы**» (Завтра. 19.07.2021; 25.01.2021; 15.01.2022; 20.01.2022). Отрицательная оценочность прилагательного *грандиозный* определяется сочетаемостью с арготической лексемой *разводка* (от *разводить* — «обманывать, стараться обхитрить, лгать с целью обмана») [5. С. 392], с негативизмами *фикция*, *обман*, *абсурд*, *громоздиться* [2].

В газете «Завтра» прилагательное *грандиозный* с положительной оценочной коннотацией неоднократно встречается также в материалах, связанных с культурными реалиями (пять вхождений). Важно отметить, что во всех случаях речь идет о русской культуре: «**Грандиозный фестиваль Мариинского театра в честь юбилейных дней года памяти русского гения Игоря Стравинского** (заголовок); «**грандиозное произведение**» (об оратории «Под стягом Александра», посвященной 800-летию Александра Невского); «**лучшие грандиозные соборы в Византии и на Руси**» (Завтра. 05.04.2021; 13.12.2021; 29.01.2021).

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном медиаисточнике употребление прилагательного *грандиозный* с оценочной коннотацией явно преобладает: безоценочных употреблений всего два из 18. При этом позитивная/негативная оценочность прилагательного имеет четкую тенденцию к противопоставлению по двум основаниям: *свой/чужой* и *прошлое/настоящее*, что в полной мере соответствует политической направленности данного издания.

В «**Новой газете**» за 2022 г. единственный пример со словом *крошечный* встречается в прямой

речи интервьюируемого, то есть не относится к собственно журналистскому тексту. Из 11 вхождений за 2021 г. данное прилагательное в журналистской речи встречается девять раз, из них семь примеров — это безоценочное употребление: *крошечный поселок, крошечный городок, крошечный офис, крошечный кабинет* и т. п.

Два примера оценочного употребления аналогичны случаям, которые представлены в «Российской газете». В первом прилагательное *крошотный* приобретает негативную коннотацию за счет контекстуальной семы «неудобный» (см. выше *крошечные педали*). Ср.: «**А возвращаясь к неувловимым реквизитах, скажу: обнаружить их все-таки удалось. ...И только в третьем подразделе раздела “частые вопросы” обнаруживаю крошотный значок NEW в начале строчки с очень мелким шрифтом**» (Новая газета. 26.12.2021).

Второй пример ситуативно также схож с микроконтекстом из «Российской газеты», когда *крошотный* приобретает дополнительное значение *не соответствующий принятым нормам*, то есть негативная оценка объективирована и носит социальный характер. Ср.: «**Что за порции? Покажите норму выхода продуктов, — отнес я на кухню тарелку. На тарелке был крошотный кусочек масла и два папиросных листа ветчины. Прибежала администратор. Вынесли новую тарелку — с большим куском масла и толстыми пластами ветчины. По норме. На другой день в тарелках опять лежали воровские порции**» (Новая газета. 23.04.2021). Однако в отличие от «Российской газеты» в данном случае ситуация представлена через призму личного восприятия журналиста, а социальная негативная оценка прилагательного *крошотный* эксплицирована в словосочетании *воровские порции*.

Прилагательное *грандиозный* за весь период имеет всего девять вхождений (два в 2022 г., семь в 2021 г.). О наличии оценочной коннотации у данного слова можно с уверенностью говорить применительно к пяти случаям употребления. В словосочетании *грандиозный скандал* (два примера) на негативную оценочность указывает определяемое слово, положительная коннотация в словосочетании *грандиозный скачок науки* обусловлена позитивной социальной оценкой явления в целом. В других случаях оценочная коннотация создается за счет различных стилистических приемов и формируется контекстуально.

Особого внимания заслуживает пример, в котором положительная коннотация прилагательного *грандиозный*, изначально заложенная в словосочетании, контекстуально нивелируется и фактически

¹ Орфография оригинала.

превращается в отрицательную: «*Грандиозный успех российской пропагандистской машины* состоялся в конечном счете лишь потому, что, действуя локально, она попала в такт с глобальным запросом на миф» (Новая газета. 13.11.2021). Слово сочетание *грандиозный успех российской пропагандистской машины* представляет собой своеобразный оценочный оксюморон, где *грандиозный успех* имеет исходную положительную оценочность, а *российская пропагандистская машина* — отрицательную. Оценочная импликатура данного фрагмента очевидна: *грандиозный успех российской пропагандистской машины* — это плохо.

Таким образом, у прилагательных *крошечный* и *грандиозный* во всех медиаисточниках можно обнаружить как положительные, так и отрицательные коннотации, которые определяются в зависимости от разных факторов: сочетаемости, использования определенных дискурсивных приемов, «стилистической традиции», которая создает социальную оценку, характера контекста, жанра публикации.

Заключение

В отличие от идеологем с «мерцающей коннотацией» («со смешанным аксиологическим модулем» [8. С. 37], таких как *революция, демократ, либерал*, «стилистические хамелеоны», которыми следует признать «холодные» обозначения эмоций и не имеющие собственной оценочности экспрессивы, представляют собой универсальное лексическое средство. Они могут функционировать в тексте любой идейной направленности и стилистической тональности, причем в равной степени способны как сохранять в речи свою коннотатив-

ную неполноту (оставаясь лишенными экспрессивности или оценочности), так и компенсировать ее за счет контекстуальных семантических приращений. Относительно низкая частотность подобных прилагательных в авторском публицистическом тексте определяется тем, что они не наделены (или наделены лишь в малой степени) собственной выразительностью и способствуют обезличиванию и усреднению оценки. Для наполнения подобных лексем дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками от журналиста требуются определенные дополнительные речевые усилия. В то же время такие слова, как *хороший* и *плохой, крошечный* и *грандиозный*, удобны как средство объективации медиатекста, что определяет, на наш взгляд, не самый высокий, но стабильный «спрос» на них в современных изданиях, существенно различающихся по своим идеологическим и стилистическим характеристикам.

Проведенный анализ представляет собой первый шаг в изучении названных лексических групп и открывает исследовательские перспективы. Они связаны, во-первых, с расширением перечня лексем, в который необходимо включить глаголы — названия эмоциональных состояний (*любить, ненавидеть*), а также обозначения интенсивных действий (*мчаться, ликовать*). Во-вторых, может быть увеличен объем корпуса источников — как при добавлении в него не рассматривавшихся ранее медиа, так и при использовании диахронного подхода к текстам одного СМИ. Все это будет способствовать созданию целостной картины функционирования неэкспрессивных названий эмоций и неэмоциональных экспрессивов в медиатексте и пониманию их места и роли в современной публичной коммуникации.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 130—274.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 12.02.2022).
3. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: пособие для студентов ун-тов, педвузов и для преподавателей сред. шк. Харьков: Радянська шк., 1935. 305 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
5. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.) // Грамота.ру. 2002. URL: http://gramota.ru/slovari/argo/53_11498 (дата обращения 12.02.2022).
6. Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001. 399 с.
7. Малевинский С. О., Ахмадзаи С. А. Критериальная оценочность в русской речи. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2016. 394 с.
8. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.

9. Манделъштам И. Е. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июль. С. 34—66.
10. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП, 2013. 297 с.
11. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: Либроком, 2013. 272 с.
12. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. Семантика. Тематика. Средства выражения. Лексикография. Saarbrücken: Palmarium Acad. Publ., 2013. 173 с.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
14. Никольский Н. Н. Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию. Вып. 1. М.: Высш. парт. шк., 1954. 95 с.
15. Петрищева Е. Ф. Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 39—50.
16. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. С. 312—315.
17. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
18. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. 165 с.

References

1. Arutyunova ND. Ocenka v mehanizmaxh zhizni i iazyka = Evaluation in the mechanisms of life and language. In: Arutyunova ND. Iazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moscow; 1999. Pp. 130—274. (In Russ.).
2. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo iazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (In Russ.).
3. Bulahovskij LA. Kurs russkogo literaturnogo iazyka = Russian Literary Language course. Kharkov; 1935. 305 p. (In Russ.).
4. Vol'f EM. Funkcional'naya semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka; 1985. 228 p. (In Russ.).
5. Elistratov VS. Slovar' russkogo argo (materialy 1980—1990 gg.) = Dictionary of Russian argot. 2002. Available from: http://gramota.ru/slovari/argo/53_11498 (In Russ.).
6. Krongauz MA. Semantika = Semantics. Moscow: RSUH; 2001. 399 p. (In Russ.).
7. Malevinskij SO, Ahmadzai SA. Kriterial'naya ocenchnost' v russkoy rechi = Criteria-based evaluation in Russian speech. Krasnodar; 2016. 394 p. (In Russ.).
8. Malysheva EG. Ideologem as lingo-cognitive phenomenon: definition and classification. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2009;(4):32-40. (In Russ.).
9. Mandel'shtam IE. About diminutive suffixes in Russian from the point of view of their meaning. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1903(July):34-66. (In Russ.).
10. Markelova TV. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya ocenki v russkom iazyke = Pragmatics and semantics of evaluation means in the Russian language. Moscow; 2013. 297 p. (In Russ.).
11. Mar'yanchik VA. Aksiologichnost' i ocenchnost' media-politicheskogo teksta = Axiological and evaluative nature of the media-political text. Moscow: Librokom; 2013. 272 p. (In Russ.).
12. Matveeva TV. Ekspressivnost' russkogo slova. Semantika. Tematika. Sredstva vyrazheniya. Leksikografiya = Expressiveness of the Russian word. Semantics. Subject matter. Means of expression. Lexicography. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing; 2013. 173 p. (In Russ.).
13. Mokienko VM, Nikitina TG. Tolkovyy slovar' iazyka Sovdepia = Explanatory dictionary of the language of Sovdepia. St. Petersburg: Folio-Press; 1998. 704 p. (In Russ.).
14. Nikol'skij NN. Uchebnoe posobie po stilistike i literaturnomu redaktirovaniyu = Textbook on stylistics and literary editing. Moscow; 1954. 95 p. (In Russ.).
15. Petrishcheva EF. Ob emotcional'noy okrashennosti slov v sovremennom russkom iazyke = About the emotional coloring of words in modern Russian. In: *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo iazyka =*

Development of the vocabulary of the modern Russian language. Moscow: Nauka; 1965. Pp. 39—50. (In Russ.).

16. Solganik GYa. Publitsisticheskiy stil` = Journalistic style. In: Stilisticheskiy entciclopedicheskiy slovar` = Stylistic encyclopedic dictionary. Moscow: Flinta; 2003. Pp. 312—315. (In Russ.).

17. Teliya VN. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinitc = Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka. 1986. 142 p. (In Russ.).

18. Tripol'skaya TA. Emotivno-ocenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty = Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects aspekty. Novosibirsk; 1999. 165 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Басовская — доктор филологических наук, доцент, завкафедрой медиаречи.

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

Evgenia N. Basovskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Department of Media Speech, Russian State University for the Humanities.

Tatyana A. Vorontsova — Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 20.02.2022; approved after reviewing 19.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.512.141'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В УСТНОЙ РЕЧИ БАШКИР (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА)

Лилия Айсовна Бускунбаева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия, buskl@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Аннотация. Исследуются основные структурные типы башкирско-русских переключений в устной речи башкир восточного диалекта. Тема исследования представляет особый интерес, поскольку в настоящее время в условиях башкирско-русского двуязычия переключение кода остается малоизученным в башкирской лингвистике. В башкирской разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала (морфемы, слова, словосочетания, предложения), относящегося к неассимилированной лексике. Структурный анализ устных дискурсов, размещенных в Текстологической базе Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка, показал, что в речи употребляются различные по структуре кодовые переключения.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, билингвизм, кодовые переключения, вкрапления, островные переключения, пиджинизированные переключения

Благодарность. Настоящее исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Развитие и лексико-грамматическое исследование корпуса письменных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: 122040400129-9).

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 17—26. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702.

Original article

STRUCTURAL TYPES OF CODE-SWITCHES IN THE ORAL SPEECH OF BASHKIRS (BASED ON THE TEXTS OF THE EASTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE)

Liliya A. Buskunbaeva

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, buskl@yandex.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3495-3742>

Abstract. This article examines the main structural types of Bashkir-Russian code-switching in the oral speech of the Bashkir Eastern dialect. The topic of the study is of particular interest, since currently, in the conditions of Bashkir-Russian bilingualism, code-switching remains poorly studied in Bashkir linguistics. In Bashkir colloquial speech, there is a large amount of foreign language material (morphemes, words, phrases, sentences) related to non-assimilated vocabulary. Structural analysis of oral discourses placed in the textual base of the dialectological subfund of the Machine Fund of the Bashkir language showed that code-switches of different structure are used in speech.

Keywords: Bashkir language, dialect, bilingualism, code-switching, inclusions, island switching, pidginized switching

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state subsidy — the project “Development and lexico-grammatical study of the corpus of written texts of the Bashkir language” (state registration number: 122040400129-9).

For citation: Buskunbaeva LA. Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs (based on the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language). *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465)):17-26.* (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10702.

Введение

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение проблемы взаимовлияния языков. Ни один народ не может существовать изолированно, что находит отражение и в языковой системе. В результате многовековых языковых контактов с различными народами языки взаимобогащаются.

В процессе длительного взаимодействия русский язык сыграл огромную роль в обогащении словарной системы башкирского языка. Заимствования «нужны в общении, они проникли в язык вместе с проникновением обозначаемых ими предметов и понятий в быт и повседневную жизнь башкир» [23. С. 25]. Заимствуется не только значение, но и звуковая оболочка слова, иногда адаптировавшись к языку-реципиенту фонетически.

Русский язык активно выступает также и языком-посредником, «который служит передаточным звеном, выполняет роль промежуточного компонента в процессе заимствования слова из одного языка в другой» [13. С. 74].

Русские заимствования в башкирском языке не раз становились объектом исследования у башкирских лингвистов. Они описаны монографически [23], по ним составлены словари [8; 21]. Наряду с заимствованиями, которые привнесли в башкирский язык новые понятия и зафиксированы в лексикографических источниках, в разговорной речи функционирует большое количество иноязычного материала, в данном случае русизмов, относящихся к неассимилированной лексике. Они имеют эквиваленты в языке-реципиенте и однозначно воспринимаются носителями языка как чужеродные, засоряющие родной язык элементы.

Говорящие в процессе речепроизводства могут употреблять в своей речи не только иноязычные слова, но и морфемы, словосочетания и целые предложения. Такие иноязычные языковые единицы изучаются в аспекте билингвизма и переключения языковых кодов.

В 1970-х гг. широкий размах приобрели исследования, связанные с изучением и анализом языковых контактов, билингвизма, заимствований и интерференции, переключения кодов и др. Все вышеперечисленные проблемы изучаются в рамках сравнительно молодого и в то же время перспективного направления в лингвистической науке — контактной лингвистики.

Общеметодологические вопросы и основные положения контактной лингвистики были сформулированы в работах зарубежных ученых У. Вайн-

райха [6], К. Майерс-Скоттон [14; 28], Э. Моравчика [27], Р. Аппеля, П. Муйскен [26]. Отечественные исследователи активно включились в изучение данной отрасли лингвистики. Стремительный рост числа научных работ по данной проблематике подтверждает ее актуальность [1; 2; 11; 12; 25 и др.].

Центральным объектом контактной лингвистики является языковая личность билингва (или полилингва), особенности его коммуникативного поведения и языковой материал, созданный билингвом (полилингвом). В качестве языкового материала могут выступать как образцы устной речи, так и письменные тексты.

Основным языковым материалом при анализе кодовых переключений (КП) преимущественно служат образцы устной речи как наиболее естественная форма реализации языковой системы в коммуникативном процессе. «Устная речь как форма речевого общения в максимальной степени соответствует физиологической природе человека, а также природе его интеллектуальной деятельности» [7. С. 6]. Именно в устной речи наиболее ярко проявляются КП. Разработка лингвистических корпусов, баз данных по устной речи позволяют не только фиксировать КП в речи коммуникантов, но и дают возможность систематизации и анализа имеющегося фактического материала, определения частоты употребления.

Переключение кода с башкирского языка на русский неразрывно связано с явлением массового билингвизма, которое получило широкое распространение в Республике Башкортостан. Русский язык выступает в качестве основного языка-посредника, обслуживающего многонациональное население республики.

В башкирской лингвистике проблема КП является одной из малоизученных, что связано прежде всего с отсутствием ранее представительных баз данных и электронных корпусов по устной речи.

Одним из первых обратившихся к данной проблеме в башкирской разговорной речи был известный тюрколог Н. К. Дмитриев, издавший в 1929 г. обширную статью, посвященную варваризмам, зафиксированным в живой речи башкир северо-западной части Тамьян-Катайского кантона (Усмангалинская, Катайская, Тештяро-Учалинская и Тунгатаровская волости) [10]. Язык большей части населения данного региона относится к восточному диалекту башкирского языка. Диалектный материал был собран ученым во время работы Башкирской экспедиции Академии наук в составе лингвистико-фольклорного подотряда в 1928 г. Как известно, именно в этот период

в башкирский язык активно начинают проникать русизмы, историческими предпосылками появления которых являются изменения в общественно-политической и экономической сфере, привычном укладе башкир.

В конце статьи Н. К. Дмитриевым приведен глоссарий, включающий в себя 394 глосс. Он содержит не только отдельные слова (*rasxūt* < *расход* (Аисово, А. Гиззетуллин, 25 лет), но и целые фразы (*min s'er'edn'ak šitajt ik'en* — меня середняком считали [собств. 'считать делали'; *šitajt* < считать] (Ново-Хасаново, Ш. Я. Мурадшин, 56 лет) [10. С. 87—105].

Нужно отметить, что Н. К. Дмитриев включил в глоссарий и слова, которые в последующем перешли в разряд полноценных заимствований, вошедших в активный пласт лексики башкирского языка, например: *bartije* < партия, *bašburt* < паспорт, *batmūs* < поднос, *b'idrā* < ведро, *k'irbīs* < кирпич, *ter!k'e* и *ter!k'e* < тарелка и т. д.

Имеются исследования иноязычных вкраплений на обширном материале корпусов прозы и публицистики башкирского языка, в которых сделана попытка классифицировать исследуемые языковые единицы. В художественных и публицистических текстах переключение кодов выступает как один из стилистических приемов при воссоздании определенного колорита, атмосферы либо придания определенной экспрессии [5; 19; 20].

Однако в башкирском языкознании нет исследования кодовых КП, опирающегося на обширный материал по устной речи. Такие иноязычные элементы нуждаются в многостороннем анализе и систематизации имеющегося фактического материала.

Целью данной статьи является анализ структурных типов КП, функционирующих в башкирской разговорной речи башкир восточного диалекта.

Материалы и методы исследования

В качестве источника данных для анализа смены языковых кодов выступает Текстологическая база Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка (<http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>), включающая диалектные тексты, собранные в рамках НИР «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (2017—2021).

Данная база открывает доступ к ценнейшим материалам по речевому богатству национально-языка и служит инструментом для проведения различного рода исследований и решения многих лингвистических проблем [См. подробнее: 4; 18].

Разработанная специально для диалектных текстов содержательная метаразметка предоставляет

информацию об информанте (имя, отчество, фамилия, место проживания, пол, национальность, диалект, говор, возраст, образование (начальное, среднее, высшее)), о записанном тексте (год записи, тематика).

В базе предусмотрен поиск по следующим параметрам: диалект, говор, пол, национальность, год записи, образование, возраст, тематика текста.

В Текстологической базе КП с обеих сторон выделены символом октоторп (#) для их разграничения от исконно башкирских слов и заимствований, которые закрепились в лексической системе башкирского языка. Они представлены в оригинальной орфографической записи, если в процессе речевого производства не подвергались фонетической адаптации [4. С. 93].

Для исследования было выбрано 323 текста, относящихся к восточному диалекту башкирского языка, в которых зафиксированы КП с башкирского на русский язык. Исследуемые тексты включают 1886 различных по своей структуре КП.

Надо отметить, что в качестве информантов были отобраны носители восточного диалекта с уверенным владением родным языком. Во время записи присутствие собирателя-исследователя в подавляющем большинстве случаев накладывает отпечаток на языковое поведение информанта, который максимально контролирует качество своей речи (стремится говорить правильными конструкциями, не злоупотреблять языковыми переключениями, корректировать фразу при обнаружении оговорок). Следовательно, можно предположить, что в неформальной обстановке количество КП в речи только увеличивается.

КП в башкирской разговорной речи нельзя называть хаотичными, не подчиняющимися никаким правилам. Материал Текстологической базы дает возможность проанализировать основные структурные типы КП в башкирской разговорной речи, выявить их количественные характеристики (частоту появления в тексте).

Кодовые переключения в разговорной речи башкир

КП, являясь предметом исследования контактной лингвистики, представляют собой встраиваемые иноязычные элементы (морфемы, слова, словосочетания, предложения) в морфосинтаксическую структуру родного языка. При интегрировании в высказывание таких элементов в целом не нарушается линейная последовательность синтаксических компонентов предложения [17. С. 354].

При описании КП многие лингвисты придерживаются рамочной модели матричного языка, разработанной американским ученым К. Майерс-Скоттон [14; 28]. Согласно данной модели, разграничиваются матричный язык (МЯ), обеспечивающий высказывание морфосинтаксической структурой и являющийся основным источником содержательных морфем (способных управлять семантическими ролями) и системных морфем (имеющих только грамматическое значение), и гостевой язык (ГЯ), элементы которого могут встречаться в составе МЯ. В высказывании «все основные лингвистические операции определяются матричным языком, то есть именно МЯ устанавливает порядок морфем и предоставляет синтаксически релевантные системные морфемы» [24. С. 23].

В этом исследовании в роли МЯ выступает башкирский язык, в роли ГЯ — русский. В речь преимущественно включаются содержательные морфемы ГЯ. Рассматриваемая языковая пара относится к типологически разным языковым системам (башкирский язык — к агглютинативному типу языков, русский — к флективному). Несмотря на то что грамматический строй одного языка разительно отличается от другого, в разговорной речи информанты сочетают элементы данных языков без ущерба для правильного восприятия информации.

Анализируемый материал показал, что в разговорной речи башкир могут употребляться различные по своей структуре КП.

Структурные типы кодовых переключений в башкирской разговорной речи

Структурные типы КП в башкирском языке выделены на основе классификации, предложенной Г. Н. Чиршевой:

- выбор кода;
- межфразовые (интерсентенциальные) — переключения между предложениями в пределах одного дискурса;
- внутрифразовые (интрасентенциальные) — переключения а) между компонентами сложных предложений; б) в пределах словосочетания или простого предложения [25. С. 63—66].

В анализируемом материале КП представлены лишь внутрифразовыми переключениями. Выбор кода предусматривает задействование в коммуникативном акте двух и более участников. В данном исследовании такой тип КП не был рассмотрен ввиду отсутствия диалогических дискурсов. Меж-

фразовые переключения также не зафиксированы в данных текстах.

Внутрифразовые переключения

Самым распространенным типом КП в монологической спонтанной речи информантов являются внутрифразовые переключения, преимущественно представленные вкраплениями и островными переключениями.

1. Внутрифразовые переключения между компонентами сложных предложений.

В анализируемом диалектном материале зафиксировано всего два случая употребления внутрифразовых переключений между компонентами сложных предложений (2 употр., 0,1 %): *укытыусыга рәхмәт инде / # расскажите # / # я # # понимаю # # по башкирски # тине // лит. укытыусыга рәхмәт инде / һөйләгез / мин башкортса аңлайым тине // ‘спасибо учительнице // она сказала / расскажите / я понимаю по-башкирски //’ (ж., 78, высшее, кызыльский)¹; Аликсандр Йеремейевиц килә лә # Миля # # дай # # пажалыста # / # я # # цифру # # проверю # тей зә безең йыйган # светканы # йазып ала // лит. Александр Еремеевич килә лә Милә / бир ала / мин һандарзы тикшерәм / ти зә безең йыйган мәғлүмәтте язып ала // ‘Александр Еремеевич подходит и говорит / Миля / дай / пожалуйста / я цифру проверю / и переписывает собранную нами сводку //’ (ж., 78, высшее, кызыльский). В вышеприведенных примерах переключение кода с башкирского языка на русский мотивировано, поскольку информант целенаправленно использует русский язык для передачи чужой речи — прямого цитирования, разграничивая тем самым авторскую и чужую речь.*

2. Внутрифразовые переключения в пределах словосочетания или простого предложения.

В пределах словосочетания или простого предложения выделяют следующие КП: вкрапления и островные переключения.

Вкрапления — одиночные переключения, которые подчиняются грамматическим правилам МЯ. Они могут быть в фонетическом плане как адаптированы к МЯ, так и не адаптированы. Как отмечает Г. Н. Чиршева, они напоминают заимствования, поскольку «никаких системных морфем (служебных слов и флексий) из гостевого языка они не включают» [25. С. 63—66].

Вкрапления в башкирской разговорной речи представлены собственно вкраплениями и пиджинизированными переключениями.

¹В статье представлена следующая система метаданных: пол (м. — мужской, ж. — женский), возраст, образование и говор информанта.

а) Собственно вкрапления могут быть представлены как содержательными морфемами, так и системными. Иноязычные содержательные морфемы представляют собой иноязычные переключения в исходной (или словарной) грамматической форме, не оформленные системными морфемами ни ГЯ, ни МЯ.

Диалектный материал, представленный в Текстологической базе, показал, что в монологической речи информантов преобладают именно собственно вкрапления (1187 употр., 63%). Их морфологический состав отличается многообразием.

В базе данных такие вкрапления представлены союзами (403), наречиями (360), существительными (172), прилагательными (112), определительными местоимениями (87), частицами (53).

Многочисленны и регулярны в употреблении иноязычные системные морфемы, имеющие только грамматическое значение и передающие семантико-синтаксические отношения между содержательными морфемами. Высокая частотность наблюдается в употреблении русских союзов (403 употр.) и частиц (53 употр.).

Многими тюркологами отмечается сравнительно позднее происхождение и развитие союзов в тюркских языках, что подтверждается их полным отсутствием или ограниченным количеством в древнетюркских памятниках [15. С. 3; 16. С. 44]. Интенсивное развитие союзов приходится на послелисламский период, когда под влиянием арабского и персидского языков они начинают проникать в письменный язык. Следовательно, многие союзы в современном башкирском литературном языке являются арабо-персидскими заимствованиями.

В разговорной речи употребление союзов в большинстве случаев носит «факультативный характер» [9. С. 351], поскольку «сам строй тюркских языков не требует их использования в структуре высказывания» [22. С. 126]. Основными средствами выражения синтаксических отношений в башкирском языке выступают послелого, частицы, неличные формы глагола, падежные аффиксы. Немаловажную функцию выполняет и интонация. В разговорной речи, например, значения перечисления, противопоставления преимущественно передаются соответствующей интонацией, следовательно, необходимость в употреблении союзов отпадает.

В разговорной речи союзы арабо-персидского происхождения также все чаще вытесняются русскими эквивалентами: *йылы гөндәре лә була / # но # быйылгы йылда былай һыуыг булды* // лит. *йылы көндәре лә була / ләкин быйылгы йылда былай*

һыуыг булды // ‘бывают и теплые дни / но в этом году было холодно //’ (м., 26, высшее, кызыльский); *кредит фәлән түгәнде # тожы # Аскарға барып түләйзәр* // лит. *кредит фәлән-төгәнде шулай ук Аскарға барып түләйзәр* // ‘кредиты и другие платежи оплачивают тоже в Аскарново’ (ж., 40, среднее, кызыльский).

Наиболее употребительными являются сочинительные союзы *и* (108), *тоже* / *туже* / *тожы* / *түжжә* ‘тоже’ (102).

Некоторые исконные частицы в разговорной речи нередко по частоте употребления уступают иноязычным единицам. Например, усилительная частица русского языка *даже* / *дажы* / *дәжжә* (39 употр.) употребляется гораздо чаще, чем исконная *хатта* / *һатта* (24 употр.): *# дажы # ауызымды астырманьлар* // лит. *хатта ауызымды астырманьлар* // ‘даже не позволили мне рта раскрыть’ (ж., 47, среднее, кызыльский).

Отдельным пластом можно выделить содержательные морфемы русского языка, употребляемые в устной речи башкир.

Большую долю вкраплений составляют прилагательные и наречия русского языка в речи информантов. И прилагательные, и наречия в башкирском языке не имеют формальных показателей. По этой причине иноязычные прилагательные и наречия преимущественно употребляются в начальной (словарной) форме: *учалының # пагодаһы # ысынап та нык # суровый #* // лит. *учалыла һауа торошо ысынлап та нык кырыс* // ‘погода в учалах действительно очень суровая’ // (ж., 47, высшее, кызыльский); *куйандар / терпеләр # часты # күренә инде* // *куяндар / терпеләр йыш күренә инде* // ‘часто встречаются зайцы / ежи //’ (ж., 29, высшее, кызыльский).

Анализируемый материал показал широкое распространение вкраплений, представленных именами существительными русского языка: *# перемена # вақытында әкийәт тә ғарайзәр* // лит. *тәнәфес вақытында әкиәт тә карайзәр* ‘во время перемены смотрят сказки’ (ж., 35, среднее, кызыльский); *# встреча # уақытында әйтергә гәрәк* // лит. *осрашыу вақытында әйтергә кәрәк* // ‘нужно сказать во время встречи //’ (ж., 56, среднее, айский). Существительные всегда приводятся в исходной форме, как того требует позиция в предложении.

б) *Пиджинизированными переключениями* (или пиджинами) называют переключения, оформленные словоизменительными и формообразующими маркерами МЯ в соответствии с правилами МЯ. Данные переключения не содержат системных морфем ГЯ.

В анализируемой базе выявлено всего 424 употребления (22,4%) пиджинизированных переключений, которые представлены преимущественно существительными и глаголами, что объясняется их морфологической природой. Они присоединяют формообразующие и словоизменятельные аффиксы, которые изменяют грамматическое значение слова и служат для установления синтаксических отношений.

В анализируемом материале зафиксировано 330 пиджинизированных переключений, представленных существительными. В речь заимствуется только русская корневая морфема, способная присоединять все аффиксы МЯ: *безгә кызык # лыжыла # йөрөгә // лит. безгә кызык саңгыла йөрөгә // 'нам интересно кататься на лыжах //'* (м., 13, начальное, учалинский); *хәзерге в*акытта үземдең # симйам # бар // лит. хәзерге вакытта үземдең гаиләм бар // 'сейчас у меня своя семья //'* (ж., 42, высшее, учалинский).

В башкирской разговорной речи пиджинизированные переключения также представлены глаголами (94 употребления). Такие переключения представляют собой аналитические конструкции, включающие в свой состав инфинитивную форму глагола ГЯ и вспомогательный глагол МЯ -ит: *звонить итеу* в.м. лит. *шылтыратыу* 'звонить', *переселять итеу* в.м. лит. *күсерәу* 'переселять', *утеплять итеу* в.м. лит. *йылытыу* 'утеплять' и т. д. При этом неопределенная форма русского глагола остается неизменной, а вспомогательный глагол оформляется системными морфемами МЯ: *бәйзәм белән # заниматься # итәм // лит. бәйләм менән шөгөлләнәм* 'занимаюсь вязанием' (ж., 67, среднее, учалинский); *һәнәк менән # собирать # итәбез // лит. һәнәк менән йыябыз* 'собираем вилами' (м., 13, начальное, учалинский).

Рассматривая глагольные образования аналитического типа, образованные по вышеуказанному принципу, Н. К. Дмитриев отмечает, что количество таких глаголов в башкирском языке «ввиду гибкости этой формулы можно увеличить до бесконечности» [10. С. 76].

Островные переключения

Островные переключения в башкирской устной речи представлены двумя видами: а) лексическая единица ГЯ с системными морфемами ГЯ; б) словосочетание, сохраняющее порядок слов ГЯ и словоизменятельные и формообразующие маркеры ГЯ. Рассмотрим их подробнее.

а) Лексемы ГЯ, оформленные системными морфемами ГЯ (служебными словами или флек-

сиями), занимают значительное место в разговорной речи башкир (109 употр., 5,8%).

Наиболее репрезентативны имена существительные ГЯ, оформленные показателем множественного числа ГЯ: *# овощи # / # фрукты # үстерәбез // сөгөлдөр / бәрәңге / кишер // лит. йәшелсә / емеш-еләк үстерәбез // сөгөлдөр / картуф / кишер // 'выращиваем овощи / фрукты // свеклу / картофель / морковь //'* (ж., 42, высшее, учалинский); *# кабашки # сәстениһәң # вис # нейзәргә / каззарга турап ашатаһың // лит. ташкабак сәсһәң / бөтәһен дә низәргә / каззарга турап ашатаһың // 'если выращиваешь кабачки, / то откармливаешь ими этих / гусей //'* (ж., 80, начальное, кызыльский). Нужно отметить, что, кроме формы множественного числа, другие грамматические маркеры существительных ГЯ в текстах не зафиксированы.

В анализируемом материале также представлены глаголы, сохраняющие формальные грамматические признаки ГЯ: *# абет # вакытында # ужы # # старайутса # фтарой # берәй нәмә беширегә // лит. төшкөлөккә икенсе блюдога берәй нәмә беширергә тырышалар // 'во время обеда стараются уже сварить что-нибудь на второе //'* (ж., 40, среднее, кызыльский); *быйыл санаторийга # сабирайус # инде // лит. быйыл санаторийга йыйынам инде // 'в этом году собираюсь в санаторий //'* (ж., 34, среднее, учалинский). Как можно увидеть на примере первого предложения, порядок слов в нем был изменен под влиянием глагола ГЯ. Как известно, в башкирском языке сказуемое, выраженное глаголом, преимущественно занимает постпозицию по отношению к другим членам предложения.

Отмеченная выше разноструктурность языков находит свое отражение и в употреблении средств связи слов в речи. В русском языке смысловые и грамматические связи слов оформляются с помощью предлогов и морфологических средств. В башкирском же языке предлоги отсутствуют, их функцию выполняют послелогии и падежные аффиксы. В то же время в разговорной речи башкир они имеют место быть в составе островных переключений: *[ауылдар]# черис # # дарогу # тигәндәй б*улаинде // лит. [ауылдар] юл аша тигәндәй була инде // 'деревни как будто находятся через дорогу //'* (ж., 40, среднее, кызыльский); *элек кыззар # да # # канса # алып кайта торғандар ине һыузы // лит. элек кыззар азагынаса алып кайта торғандар ине һыузы // 'раньше девушки доносили воду до конца (до дома) //'* (ж., 49, среднее, кызыльский); *һәзер йылга # са # # временем # бысранды // лит. хәзер йылга вакыт үтеу менән*

бысранды // 'река со временем загрязнилась // (ж., 49, среднее, кызыльский).

б) Островные переключения второго вида (159 употр., 8,4%) представлены преимущественно субстантивными словосочетаниями, образованными по структурным моделям «прилагательное + существительное» (*зимнийе паруды* 'зимние породы', *йенатавидный сабака* 'енотовидная собака', *музыкальный школа* 'музыкальная школа', *дескей сат* 'детский сад'), «существительное + существительное» (*адел статистики* 'отдел статистики', *бридсидател калхуза* 'председатель колхоза', *минежер по продажам* 'менеджер по продажам').

Островные переключения, представленные моделью «прилагательное + существительное», в разговорной речи имеют некоторые особенности.

Если в башкирском языке имена прилагательные не имеют формальных показателей числа, рода и падежей, то в русском языке они грамматически зависимы от существительных и совпадают с ними в числе, роде и падеже. В разговорной речи информантов независимо от того, какими грамматическими показателями оформлено существительное ГЯ в составе островных переключений прилагательные русского языка чаще всего употребляются в начальной форме, которая представляет собой мужской род, единственное число и именительный падеж: *минен эргәлә генә # поле # б*ар / зур # футбольный ## поле # // лит. минең эргәлә генә майзансык бар / зур футбол майзансыгы //* возле моего дома есть поле / большое футбольное поле // (ж., 14, среднее, кызыльский); # *наспыртны ## визывый # #служба # эшләнем // лит. паспорт-виза хезмәтендә эшләнем //* 'я работала в паспортно-визовой службе // (ж., 40, высшее, кызыльский). Такие островные переключения в определенной степени адаптировались к правилам МЯ.

Морфологические дублеты

Помимо вышеперечисленных структурных типов КП, в башкирской устной речи наблюдаются и морфологические дублеты (5 употр., 0,3%).

В разговорной речи в составе одной лексемы встречается дублирование показателей множественного числа как МЯ, так и ГЯ. Аффикс множественного числа чаще всего дублируется в именах существительных: # *наскилар # бэйләнем // лит. ойокбаштар бэйләнем //* 'вяжу носки' (ж., 67, среднее, учалинский); *индәем # пиражкызар # б*шерә торганыйе // лит. әсәйем бөйөрөктәр бешерә торгайны //* 'моя мама пекла пирожки'

(ж., 60, среднее, учалинский). В анализируемом материале зафиксирован один случай употребления дублированного аффикса множественного числа в глаголах: *уны [кыззы] # могуттар # ауылдың бер осонан икенсәһенә йагына + апарып йәшерергә // лит. уны [кыззы] ауылдың бер осонан икенсе ягына алып барып йәшерә алалар* 'ее [девушку] могут спрятать из одной части деревни в другой части' (свадебный обряд) (ж., 40, высшее, кызыльский).

Как видно из примеров, к иноязычной лексеме вначале присоединяется аффикс множественного числа ГЯ, затем добавляется морфологический дублет МЯ *-лар/-ләр*. В пределах одного слова, таким образом, возникает грамматический плеоназм [3. С. 31]. В то же время морфологические дублеты других аффиксов в текстах не выявлены.

Заключение

Как показал исследуемый материал, КП активно употребляются в устной речи башкир. В текстологической базе нами зафиксировано 1886 различных по своей структуре КП.

Проведенный структурный анализ позволил выявить, что в устную речь наиболее активно внедряются внутрифразовые переключения, включающие в себя вкрапления, пиджинизированные переключения и островные переключения.

Употребление КП в устной речи башкир продиктовано разными причинами:

- наличие лакуны (отсутствие в МЯ необходимых для коммуникации языковых средств);
- крайне ограниченное употребление в устной речи тех или иных исконных языковых средств (характерных скорее для письменной речи, нежели устной);
- затруднение в выборе нужных языковых средств на родном языке (информант переходит на ГЯ, когда в процессе коммуникации по каким-либо причинам не может вспомнить нужное слово или выражение);
- цитирование (при передаче чужой речи).

Кодовые переключения в большинстве случаев воспринимаются носителями языка как чужеродные, засоряющие родной язык элементы. Следовательно, изучение и анализ таких элементов в башкирском языке имеет и практическое значение. Например, полученные результаты позволяют в образовательных учреждениях акцентировать внимание учащихся именно на тех проблемных участках речепроизводства, в которых чаще всего встречаются КП.

Список сокращений

ГЯ — гостевой язык

КП — кодовые переключения

МЯ — матричный язык

Список источников

1. Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6, № 12. С. 63—67.
2. Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основания переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5—11.
3. Бускунбаева Л. А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке: монография. Уфа: Гилем, 2008. 114 с.
4. Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 2. С. 90—97.
5. Иноязычные вкрапления в башкирском языке (на материале корпуса публицистики башкирского языка) / Л. А. Бускунбаева, З. А. Сиразитдинов, А. Ш. Ишмухаметова, А. Д. Ибрагимова // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всерос. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 240—242.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. 264 с.
7. Васильева В. В., Коньков В. И. Устная речь: практикум. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т: Ин-т Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций, 2015. 100 с.
8. Гарипов Т. М., Емалетдинов Ф. Д., Емалетдинова З. А. Краткий русско-башкирский словарь иноязычных заимствований. Уфа: Вагант, 2006. 71 с.
9. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
10. Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. IV. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. С. 73—105.
11. Исаева М. Г. Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дис. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2009. 262 с.
12. Крысин Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61—64.
13. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74—78.
14. Майерс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 100—109. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10713.
15. Мусаев К. М. К истории союзов в тюркских языках // Советская тюркология. 1980. № 6. С. 3—11.
16. Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников: монография. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 87 с.
17. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Рос. энцикл., 1997. 722 с.
18. Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Каримова Р. Н. Диалектологическая база Машинного фонда башкирского языка как инструмент исследования башкирского диалектного континуума // Oriental Studies. 2016. № 9 (1). С. 212—219. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219.
19. Сиразитдинов З. А. Лексика романа «Кан» Д. Юлтыя: (квантитативно-стилистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 22 с.
20. Сиразитдинов З. Ә., Боҫқонбаева Л. А., Ишмөхәмәтова А. Ш. Башкорт телендә сит тел һүзәрә (проза корпусы нигезендә) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: тр. X Всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 10—12.
21. Словарь ранних русских заимствований башкирского языка / авт.-сост.: Ф. Г. Хисамитдинова [и др.]. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с.
22. Султанбаева Х. В. К вопросу о происхождении служебных частей речи в тюркских языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 125—128.
23. Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке: монография. Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1957. 88 с.

24. Чиршева Г. Н. Билингвальная речь // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 23—29.
25. Чиршева Г. Н. Двужычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 189 с.
26. Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London; Baltimore, Md., USA: E. Arnold, 1987. 213 p.
27. Moravcsik E. A. Language contact // Universals of Human Language. Vol. 1. Method and Theory. Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. P. 93—122.
28. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.
29. Текстологическая база Диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка. URL: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>.

References

1. Bagana Zh, Blazhevich YuS. To the question of switching codes. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Humanities*. 2010;12(6):63-67. (In Russ.).
2. Balakina YuV, Sosnin AV. Theoretical foundations of code switching and the functioning of borrowings from the standpoint of contact linguistics. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of the Voronezh State University. Series Linguistics and intercultural communication*. 2015;2:5-11. (In Russ.).
3. Buskunbaeva LA. Zakonomernosti rechevoy ekonomii i ikh otrazhenie v bashkirskom iazyke = Patterns of speech economy and their reflection in the Bashkir language. Ufa: Gilem; 2008. 114 p. (In Russ.).
4. Buskunbaeva LA, Sirazitdinov ZA. Development of the audio corpus of the Eastern dialect of the Bashkir language: problems and prospects. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN = Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2020;(2):90-97. (In Russ.).
5. Buskunbaeva LA, Sirazitdinov ZA, Ishmuhametova ASH, Ibragimova AD. Foreign language inclusions in the Bashkir language (based on the material of the Bashkir language journalism corpus). In: Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii = Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2014. Pp. 240—242. (In Russ.).
6. Vajnrakh U. Iazykovye kontakty. Sostoianie i problemy issledovaniia = Language contacts. The state and problems of the study. Blagoveshchensk; 2000. 264 p. (In Russ.).
7. Vasileva VV, Konkov VI. Ustnaia rech = Oral speech: practicum. St. Petersburg; 2015. 100 p. (In Russ.).
8. Garipov TM, Emaletdinov FD, Emaletdinova ZA. Kratkiy russko-bashkirskiy slovar' inoiazыchnykh zaimstvovaniy = A concise Russian-Bashkir Dictionary of Foreign language borrowings. Ufa: Vagant; 2006. 71 p. (In Russ., Bashkir).
9. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern Bashkir literary language. Moscow: Nauka; 1981. 495 p. (In Russ.).
10. Dmitriev NK. Barbarisms in the Bashkir speech. Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom Muzeje AN SSSR = Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences. Leningrad; 1930. Vol. IV. P. 73—105. (In Russ.).
11. Isaeva MG. Kodovye perecliucheniia v pis'mennykh tekstakh SMI (na materiale russkoiazыchnykh zhurnalov) = Code switching in written texts of mass media (based on the material of Russian-language magazines). Cherepovets; 2009. 262 p. (In Russ.).
12. Krysin LP. Code-switching as a component of human speech behavior. *Rechevoe obshchenie = Speech communication*. 2000;(11):61-64. (In Russ.).
13. Krysin LP. Stages of mastering a foreign language word. *Russkij yazyk v shkole = Russian language at school*. 1991;(2):74-78. (In Russ.).
14. Myers-Scotton C. The matrix language frame model and code-switching in bilingual speech. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(7(453)):100-109. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10713. (In Russ.).
15. Musaev KM. On the History of Unions in the Turkic languages. *Sovetskaya tyurkologiya = Soviet Turkology*. 1980;(6):3-11. (In Russ.).

16. Nasilov VM. Iazyk orhono-eniseyskikh pamiatneykov = The language of the Orkhon-Yenisei monuments. Moscow: Publishing House of Oriental literature; 1960. 87 p. (In Russ.).
17. Karaulova YuN (ed.). Russkiy iazyk: entciclopedia = Russian language: encyclopedia. Moscow: Big Russian Encyclopedia, 1997. 722 p. (In Russ.).
18. Sirazitdinov ZA, Buskunbaeva LA, Karimova RN. Dialectological base of the machine fund of the bashkir language as a tool for research bashkir dialect continuum. *Oriental Studies*. 2016;(9-1):212-219. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-212-219. (In Russ.).
19. Sirazitdinov ZA. Leksika romana “Kan” D. Iultyia: (kvantitativno-stilisticheskiiy analiz) = Vocabulary of the novel “Kan” by D. Yulty: (Quantitative and stylistic analysis). Alma-Ata; 1989. 22 p. (In Russ.).
20. Sirazitdinov ZA, Buskunbaeva LA, Ishmuhametova ASH. Foreign words in the Bashkir language (based on the material of the prose corpus). In: Rossiya i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov = Russia and the East: interaction of countries and peoples. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2015. Pp. 10—12. (In Russ.).
21. Hisamitdinova FG (ed.) [et al.]. Slovar` rannikh russkikh zaimstvovaniy bashkirkogo iazyka = Dictionary of early Russian borrowings of the Bashkir language. Ufa: IYAL UFIC RAN; 2021. 254 p. (In Russ.).
22. Sultanbaeva HV. On the question of the origin of the official parts of speech in the Turkic languages. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008;(12):125-128. (In Russ.).
23. Teregulova RN. Russkie zaimstvovaniia v bashkirskom iazyke = Russian borrowings in the Bashkir language. Ufa: Bashkir Book Publishing House; 1957. 88 p. (In Russ.).
24. Chirsheva GN. Bilingual speech. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2003;(4):23-29. (In Russ.).
25. Chirsheva GN. Dvuiazychnaia kommunikatsiia = Bilingual communication. Cherepovets: GOU VPO CHGU; 2004. 189 p. (In Russ.).
26. Appel R, Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London; Baltimore, Md., USA: E. Arnold; 1987. 213 p.
27. Moravcsik EA. Language contact. *Universals of Human Language*. Vol. 1, Method and Theory. Stanford: Stanford University Press; 1978. Pp. 93—122.
28. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press; 1993. 265 p.
29. Tekstologicheskaya baza Dialektologicheskogo podfonda Mashinnogo fonda bashkirkogo iazyka = Text database of the Dialectological cluster within the Machine Fund of the Bashkir Language. Available from: <https://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>.

Информация об авторе

Л. А. Бускунбаева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии.

Information about the author

Liliya A. Buskunbayeva — Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Institute of History, Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

Научная статья

УДК 81'373.6

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10703

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Каншайым Муратбаевна Зайрова

Каракалпакский государственный университет, Нукус, Узбекистан, vshirazova@mail.ru

Аннотация. В лингвистическом аспекте анализируется этнографический облик традиционной одежды каракалпаков, причины появления наименований предметов одежды. Показателем духовного и культурного богатства народа является язык, благодаря которому этнокультурная лексика в качестве национального наследия будет сохраняться для будущих поколений. Традиционная одежда каракалпакского народа является понятием, вбирающим в себя этнографические, воспитательные смыслы и загадки, которые были заложены в далеком прошлом. Изучение в этнолингвистическом аспекте наименований одежды является одной из актуальных задач современного каракалпакского языкознания.

Ключевые слова: каракалпакский язык, этнолингвистика, традиционная культура, головной убор, одежда, обувь, семантика, этимология

Для цитирования: Зайрова К. М. Этнокультурная характеристика наименований одежды и обуви в каракалпакском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 27—36. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10703.

Original article

ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS OF CLOTHING AND FOOTWEAR NAMES IN THE KARAKALPAK LANGUAGE

Kanshayim M. Zayrova

Karakalpak State University, Nukus, Uzbekistan, vshirazova@mail.ru

Abstract. Purpose. The article analyzes the linguistic aspect of the ethnographic appearance of the traditional clothing of the Karakalpaks, the reasons for the appearance of the names of clothing items. *Materials and methods.* In Turkology, the study of names of clothing as a separate object has become one of the most popular linguistic directions. In Turkic linguistics, there are a number of works devoted to this problem. *Results.* The traditional clothing of the Karakalpak people is a concept that incorporates ethnographic, educational meanings and riddles that were laid down in the distant past, the study of the names of clothing in the ethnolinguistic aspect is one of the urgent tasks of modern Karakalpak linguistics. *Conclusion.* An indicator of the spiritual and cultural wealth of the people is the language, thanks to which the ethnocultural vocabulary as a national heritage will be preserved for future generations. The nature of the language is determined by its history, culture, traditions, customs, worldview, way of life of the people.

Keywords: Linguistics, ethnolinguistics, etymology, ethnoculture, custom, tradition, national value, headdress, clothing, footwear

For citation: Zayrova KM. Ethnocultural characteristics of names of the clothes in the Karakalpak language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2022;(7(465):27-36. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10703.

Введение

В словарном составе любого языка содержатся ценные сведения, связанные с историей формирования и развития народа, его культурой, материаль-

ным и духовным богатством, а также его местом в развитии общечеловеческой цивилизации. В связи с этим одной из актуальных задач современного языкознания является изучение тех сфер профессиональной лексики, благодаря которой сохраняются

и развиваются образцы материальной и духовной культуры народа, в том числе представляющие собой отдельную группу — наименования одежды.

Показателем духовного и культурного богатства народа является язык, благодаря которому этнокультурная лексика в качестве национального наследия будет сохраняться для будущих поколений. Язык — часть культуры, в нем находят отражение самосознание, менталитет, национальный характер, жизнь народа, сведения об образовании, воспитании и мировоззрении. Одним словом, язык — правда жизни. В этой правде сосредоточено множество тайн, оставленных временем. Все, что существует в жизни, не может не оставить след в языке. Подобный след имеется и в каракалпакском языке [6. С. 63].

В тюркологии изучение наименований одежды в качестве отдельного объекта стало одним из востребованных лингвистических направлений. В тюркском языкознании имеется ряд работ, посвященных данной проблеме. Р. П. Абдина занималась изучением лексики традиционной одежды в диалекте хакасского языка [1], А. Т. Шамигулова — лексики одежды и украшений в башкирском языке [33], Л. Ф. Тухбиева — лексики одежды и головных уборов татарского языка [31], А. Б. Алмауытова изучила наименования одежды в казахском языке [5], М. Асомиддинова — наименования одежды и ее составных частей в узбекском языке [7], Ш. Норбоева сосредоточилась на структурно-семантическом анализе наименований одежды в диалектах Хорезма [23]. Изучение названий одежды в каракалпакском языке с лингвистической точки зрения до сих пор не становилось объектом специального исследования. Однако следует отметить работу Ш. Алланиязовой, посвященную изучению лексики прикладного искусства в каракалпакском языке [4]. Кроме того, привлекались в качестве ценного источника по культуре и одежде каракалпаков труды этнографов [13; 19; 20; 32; 34], искусствоведов [9] и др.

Место, где история и культура каракалпакского народа повествуется через экспонаты, — это музеи, главным образом два крупных музея республики — Государственный музей истории и культуры Республики Каракалпакстан, Государственный музей искусств им. И. В. Савицкого. Кроме этих музеев, отдельные предметы, относящиеся к материальной культуре нашего народа, хранятся в Российском этнографическом музее, а также в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) [15. С. 108—119; 18. С. 295—305].

Методы и материалы

Одним из ценных источников в изучении культуры народа является одежда. Она не только сохраняет нас от жары и холода, но и является частью культуры, включающей в себя этнографические, воспитательные, образовательные первоосновы, дающие представление о национальном менталитете. Появление одежды, умножение ее форм напрямую связано с жизнедеятельностью людей, их культурным развитием, изменением эстетической мыслительной способности. Несмотря на то что между народами мира существует много общего, одной из тех сфер, благодаря которой они отличаются, является одежда. В одежде находят отражение не только этническая самобытность, но и отдельные обычаи и традиции. Например, в одежде и орнаментальном декоре казахского, узбекского, туркменского, киргизского и других народов имеются своеобразные отличительные черты, посредством которых они выделяются. В качестве примера можно привести виды традиционной одежды каракалпакского народа: *сәўкеле*, *төбелик*, *көк көйлек*, *жаўлық*, *киймешек*, *жегде*, *өңирише*, *тақыя*, *сырмақ*, *бешпент*, — которые представляют собой продукт декоративно-прикладного искусства народа. Например, одежда каракалпакских женщин известна обилием декоративных решений, своеобразным орнаментом, насыщенным колоритом, гармонично сочетающимися друг с другом [17. С. 3]. Как отмечает К. Мамбетов, «отличительной чертой каждого народа является его одежда. Раньше народы отличались друг от друга своей традиционной одеждой. В человеке, например, в полосатой шапане и тюбетейке сразу узнавали узбека или таджика, с колпаком на голове (тумак) — причисляли к казахам. Проявлением же национального своеобразия каракалпакских мужчин являлись шөгирме¹ и постын², а каракалпачек — своеобразный головной убор в виде чалмы» [21. С. 39—40]. Оригинальная манера ношения женщинами платка в каракалпакском языке называется *хайўанқаш*, *хайўаншақ*. Дело в том, что при подвязывании платка один конец его в виде жгута торчал, напоминая рог. Отсюда и произошло его название *хайўаншақ* (букв. рог животного): *Тек анасы бас ораган гезде Жумагул қасында отырып шақын сәл көтериңкиреді.* — Только после того, как мать подвязала платок, Жумагуль слег-

¹ Шөгирме — традиционный конусообразный головной убор каракалпакских мужчин, изготовленный из каракуля.

² Постын — традиционная шуба, сшитая из каракулевой смушки.

ка поправила рог на платке (Қайыпбергенев Т. Қаракалпақ қызы). Ношение платка подобным образом встречается и у других народов; например, у таджичек этот прием назывался *кучкорак* (рог барана-производителя), когда повязывали чалму, туго свернутый жгут поднимался почти на темя, напоминая рог барана [29. С. 120].

Отражение в наименованиях головных уборов истории и культуры народа

Головные уборы каракалпакских женщин отличаются самобытными чертами. Одним из редких из них является *сәўкеле*. Существует мнение, что слово *сәўкеле* заимствовано из иранского языка: *шоох-кулок* означает головной убор падишаха. Мнение видного ученого С. П. Толстова о том, что *сәўкеле* каракалпакских девушек имел своим прообразом головной убор хорезмских правителей начала I в. н. э., на сегодняшний день все еще актуально [30. С. 15]. Его мысль подтверждается высказыванием О. А. Сухаревой, что *шоколо* или *сәўкеле* происходит от иранского *шоох кулок* (головной убор шаха) [28. С. 339]. И. В. Богословская в статье, посвященной каракалпакским *сәўкеле*, ссылается на мнение Э. В. Ртвеладзе о том, что в древнехорезмийских и согдийских языках *сау* «қара»; *кала*, *келе* — «бас» близко по этимологии к каракалпакскому этнониму. Ею также отмечается взаимосвязь слова «кара» с *Шау* (*сау*) *Шафан*, надетым на голову последнего хорезмийского шаха в VIII в. до н. э. [9. С. 111]. У каракалпаков женщины надевали *сәўкеле* во время свадебных торжеств. Этот головной убор имеет аналоги у соседних народов. Так, у хорезмских узбеков используется как *шокила*, у казахов — *сәўкеле*. Подобные головные уборы существовали у других тюркских народов — башкир и киргизов. На сегодняшний день в республике этот головной убор представлен в единственном экземпляре в ГМИ им. И. В. Савицкого.

Киймешек — один из основных видов одежды каракалпакских женщин. Конструктивно *киймешек* состоял из трех частей, которые назывались *киймешек алды* (передняя часть), *киймешек ортасы* (средняя часть), *киймешектиң төменги бөлеги* (хвостовая часть). Наиболее распространенный период данного головного убора — конец XIX — начало XX в. *Киймешек* имел оригинальную вышивку, которая производилась мастерицами вручную на протяжении длительного времени. Начинали носить *киймешек* со дня свадьбы. Девушка, кроме того что до свадьбы готовила себе *киймешек*, должна была приготовить еще один *киймешек* —

для будущей свекрови. Все свое мастерство и смекалку каракалпакские женщины демонстрировали посредством вышивки.

Этнографы отмечают существование двух видов *киймешек*: *ақ киймешек* (белый киймешек), который носили женщины старшего возраста, и *қызыл киймешек* (красный киймешек), которые носили молодые женщины во время свадебных торжеств и различных праздников [13. 81—83; 20. С. 55; 19. С. 116].

Исходя из анализа коллекций прикладного искусства музеев Нукуса и Санкт-Петербурга, можно констатировать, что одним из распространенных видов одежды в XIX — первой четверти XX в. был *қызыл киймешек*. В опубликованном в 1902 г. А. Е. Россиковой очерке «По Амударье от Петро-Александровска до Нукуса» дано одно из первых описаний *қызыл киймешек*: «Во все торжественные случаи они надевают колпаки, известные под названием “кимеше кесте”. Этот своеобразный головной наряд имеет каждая каракалпачка» [26. С. 587]. В словаре Л. Будагова слово *киймешек* характеризуется как головной убор уральских татарок [10. С. 181]. Убор, подобный *киймешек*, бытовал и у других народов — у казахов, например. Однако, у каждого народа он имеет свои специфические культурные черты, указывающие на национальность. Слово *киймешек* происходит от корня слова *кийим-кеншек*, в сокращенном виде образовав *киймешек* [8. С. 102—104]. Убор, напоминающий *киймешек*, существует у хорезмских узбеков, называется *лачак*. В работе К. Шаниязова отмечается, что «лачак имеет генетическое родство с казахским, каракалпакским женским убором *киймешек*» [34. С. 117]. Это свидетельствует об общности исторического и культурного развития тюркских народов, наличии у них общих элементов.

Киймешек, который девушка вышивала для своей будущей свекрови, называли еще *сен киймешек*. Значения лексемы *сен* в тюркских языках наиболее полно раскрыл казахский исследователь Е. Жанпеисов. Этнографизм *сен*, по Жанпеисову, наделен значением «работа девушки», встречается в якутском, чувашском, ойратском (алтайском), кумыкском, киргизском, узбекском, туркменском и других тюркских языках. Русское *зень*, по его мнению, является однокоренным тюркскому *сен* [12. С. 69—72].

У каракалпаков ношение платка связывают с исламом. Платок у каракалпаков имеет общее название *орамал*, в зависимости от употребляемой ткани, фасона, расцветки он имел виды: *айдынлы*,

мадели, түрме, шаршы, жаўлық, ақ гежи, қара гежи, жупқа, бартартар, шалғыш, орамасам өлгеймен и т. д. В конце XIX — начале XX в. в моде были привозимые из России платки, украшенные мелкими красными цветочками. Названия платков *мадели, айдынлы, түрме* к нам пришли в результате торговых связей с соседними народами, а также с Россией. *Айдынлы* представлял собой маленький цветастый платок квадратной формы с изображением полумесяца, откуда и произошло его название (*ай* с каракалпакского — «луна, месяц») [11. С. 5]. Каракалпакские женщины на свой манер носили шелковые платки, украшенные большими крупными цветами, с них-то и началась традиция носить импортные платки. Благодаря таким платкам среди народа распространилось название *орамасам өлгеймен* (не подвяжу — умру). Происхождение названия *мадели* в узбекском языке, связывают с именем ремесленника из Ферганы Мухаммадали, сокращенный вариант которого и дает это наименование [24. С. 40].

Наименования традиционных головных уборов мужчин *кураш, дегелей, шөгирме, бөрик, сәлле* давно вышли из употребления, однако продолжают сохраняться в современной речи такие названия, как *қалпақ, тумак, топпы*. Согласно сведениям, термин *қалпақ* в каракалпакском языке возник очень давно. К. Мамбетов, ссылаясь на авторитетное мнение известного ученого А. Н. Бернштама, относительно термина *қалпақ* пишет: «Жившие в тот период тюркские племена отличались друг от друга своей одеждой. Вождей тюркских племен отличали по головному убору» [21. С. 114]. Исходя из изложенного, можно предположить, что головной убор у древних тюрков имел большое значение. Обратимся к историческому названию нашего народа *қалпақ* или *қарақалпақ*. А. Н. Кононов пишет, что слово *қалпақ* у древних тюрков означало «руководитель, главный (главарь)» [14. С. 112]. Употребление этнонима *каракалпак* в сокращенном виде *калпак* можно проследить в родословной каракалпакского народа. Например:

Кийген экән қарақалпақ,

Шундан қалпақ болған экән

Носил на голову черный колпак,

Отсюда стал именоваться калпак.

(Бердах)

Этноним «каракалпак» имеет связь с головным убором каракалпак. Наименования одежды в некоторой степени служат выявлению исторических источников. Появлению головного убора *қалпақ* способствовал издавна используемый тюркскими народами убор. Его фонетическая схожесть

с соседними тюркскими языками свидетельствует не только о близости исторического и культурного развития, но и об общности их этногенеза. На сегодняшний день этот головной убор у каждого народа имеет свои отличия в соответствии с национальным менталитетом и этнокультурными особенностями. В художественных произведениях название *қара қалпақ* употребляется в качестве символа нашего народа, а *ақ қалпақ* используется для символического обозначения родственного киргизского народа. Например:

Ата-анамыз ажырата алмай балларын,

Бир қалпақты еки бояп кийдирген.

Ала таудан ақ қалпағың көринсе,

Қара таудан қара қалпақ былғайман.

Родители не могли отличить своих детей,

Одинаковые колпаки раскрасили в разные цвета.

Если увижу с Ала-тау белый калпак,

С Черной горы помашу в ответ черным колпаком.

(И. Юсупов)

Сопнас — головной убор, представляющий собой удлиненную шапочку с узкой черной оторочкой по краю из гладкого меха. *Сопнас* генетически восходит к тюркскому *сон(ы)* — удлиненный. Основа слова *сон* — *соны* переводится как «продолговатый». Между литературным и устным разговорным языком имеется ряд фонетических, морфологических и семантических особенностей. Так, наименование головного убора в литературном и народном языке имеет ряд вариантов. Г. В. Кузина, занимавшаяся изучением головных уборов в русском языке, в возникновении дифференциальных сем в орловских говорах, отмечает: «Сравнивая набор дифференциальных сем в литературном языке и в орловских говорах при наименовании зимних мужских головных уборов, мы видим их определенное отличие. Так, в литературном языке и вязаный и шитый головной убор имеет одно название — шапка. В говорах для вязаной шапки имеется специальная номинация — чехолок. В отличие от литературного языка в говорах появляются дополнительные семы: материал (овечья шерсть, шерсть, войлок), способ изготовления (стеганая шапка), конусообразная форма (шлычка), крой изделия (треух)» [16].

Существует несколько наименований головных уборов, образовавшихся в каракалпакском литературном языке из устной формы. В каракалпакском языке слово *сопак* (продолговатый) вместе со словом *шошақ* (торчащий) означают «длинный, стоять торчком», в устном разговорном языке головной убор *сопнас* называют *шошак, шошайма*: *Бул исиңиз жүдә әнтек болыпты, — деп ата бий шошақ басылы тумағын шешип, киришкисиз пахтадай аппақ*

басын биразга шекем қасып турды (Кайыпбергенов Т. Қаракалпак дәстаны) — Это дело не красит вас, — сказал старый бий, сняв удлиненную шапку, почесывая некоторое время убеленную сединами голову (Каипбергенов Т. Дастан о каракалпаках).

Отражение в каракалпакской лингвистике культурологического описания верхней одежды

Традиционное ритуальное свадебное платье каракалпачек называется *көк көйлек*. Это один из почитаемых и дорогих видов одежды каракалпачек, в котором нашли отражение его самобытность и духовные ценности. Наиболее интересной является орнаментация его передней части, которая называется *саўыт нағыс* (узоры кольчуги). Каракалпакские девушки издревле были искусными мастерицами, свое свадебное платье и *киймешек* вышивали сами. Вышивка полного свадебного приданого занимала у них порядка 6—7 лет.

*Көк көйлекке кесте тоқығанда қыз,
Оның қыз дәўранын ұақыт урлаган.
Когда девушка вышивала синее платье,
Время крало ее юность.*

(Г. Нурлеспесова)

Традиционное синее платье, его ценность воспеваются каракалпаками с особым воодушевлением. Такое платье мечтала иметь каждая девушка.

*Хәр бир талын жипек таладан есип,
Қызлар кестелеген кеўили өсик,
Тойымызга кийиў еткей да несип,
Арман еткен сени дейип Көк көйлек.
Каждую нить скручивая из шелка,
Девушки вышивали, загадывая о том,
Чтобы было готово к свадьбе,
Көк көйлек — платье мечты.*

(Ш. Пайзуллаева)

Орнаментация синего платья имеет сложное значение. Синий цвет у каракалпачек является цветом неба, символизировал основу существования, орнаментальный декор передней части платья с раскинувшимися в разные стороны ветвями является изображением Матери-прародительницы. Название этого платья произошло от его цвета, где синее-зеленый цвет является символом плодovitости. Согласно представлениям нашего народа, зеленый цвет олицетворяет собой пробуждение природы, наступления весны, источник существования, используется в качестве символа продолжения человеческой жизни, его развития. Синий цвет традиционного платья наделяется таким признаком, как молодость, а вышитые узоры, направленные вверх, означают развитие и размножение.

Существует ряд наименований одежды, связанных с обычаями и традициями народа. *Ийт көйлек* (букв. собачья рубашка) представляет собой распашонку, надеваемую на младенца в период сорокадневия. Изготавливается она из мягкой ткани. По истечении сорока дней от рождения *ийт көйлек* снимали и проводили обряд, во время которого распашонку завязывали на шею собаке. Смысл обряда в том, чтобы все плохое перешло собаке. Этнографы сходятся во мнении о том, что название первой рубашки *ийт көйлек* произошло от этого обряда [27. С. 321; 32. С. 86—87]. Имеются наименования одежды, связанные со свадебными и другими обычаями: *қәделик көйлек*, *келин көйлек*, *жеңге көйлек*. Например: *Қамыр ушынан пәтир, заманлас. Ис питкеннен кейин мықлы жеңге көйлегинди кийсең... Бийкешіңнің ыңғайын Асқарға аўдарагәр! (Это аванс, небольшой аванс. После того как работа будет выполнена, получишь награду — ценный отрез ткани. Уговори свою золовку познакомиться с Асқаром!)* (Каримов К. Ағабий). Такой подарок *сый көйлек* (платье-подарок) получала сноха, за то что способствовала знакомству девушки с юношей.

Комплект одежды, который преподносился тем, кто справляет свадьбу, называется *сарнай*. Само слово *сарнай* заимствовано из узбекского языка. *Сарнай* (от персидско-таджикского сар-голова, пайнога) — комплект новой одежды, который дарится в знак уважения старшим родственникам [25. С. 30]: *Мәжиліслерде оны президиумға отырғызады, ал, той-мерекелерде қабат-қабат шапан кийгизип, уйдің төрине отырғызып пәтиясын алады. — На собраниях его сажали в президиум, а на свадьбах одаривали несколькими шапан. Получив его благословение, сажали на почетное место* (Нызанов М. Ақырет уйқысы). У казахов существовал обычай дарить родителям невесты *сый кийит* (*киит*). Ценность этого дара зависела от благосостояния сватов. Например, раньше дарили дорогостоящую одежду *қундыз жағалы тон* (шуба с воротником из ондатры), *қасқыр ишик* (шуба из волчьей шкуры), *гилем* (ковер) и т. д. Слово *кийит* происходит от глагола одевать: *ки+ит*, *кийит* (подарок в виде одежды) < *кий* (кию+т), ср. с древнетюрк.: *kedхут* (платье, одежда) [2. С. 33]. Лексема *сарпо*: в узбекском литературном языке, в устной речи *сәртә* используется в значении «шуба» (подаренная тем, кто справляет свадьбу, либо гостям, приехавшим издалека с подарком) [22. С. 175]. Подобная традиция дарения *сарнай* продолжает бытовать и в наши дни.

Отражение культурологического описания обуви в каракалпакской лингвистике

Народная мудрость гласит: «Друг смотрит на голову, а враг — на ноги». Поэтому этим элементам одежды придается особое значение. В наименованиях обуви в каракалпакском языке нет значительных отличий от других родственных народов. Каракалпаки в основном используют в качестве обуви *геуши-мәси* (калоши с ичигами) и *етик* (сапоги). Изготовлением обуви занимались мастера-сапожники. Например, сапоги с орнаментированной союзкой и задником носили девушки и женщины из состоятельных семей.

Изготавливались сапоги из шкур различных животных, с применением других материалов. Слово *етик* — тюркского происхождения, используется во многих языках. В каракалпакском языке имеются различные наименования сапог, связанные с цветом, формой и пошивом.

Ақ нушта — сапоги, бытовавшие в конце XIX — нач. XX в., изготавливались из лучших сортов кожи. *Ақ нушта* имели белый цвет, покрывались вышивкой, имели загнутый кверху носок. Обычно цвет кожи и меха оставался натуральным. Такие сапоги носили состоятельные люди, а также просвещенные люди. Изготавливали их в соседней Хиве. У узбеков существовали сапоги *ақ мурт етик* (сапоги с белыми усами), на их пошив шла шкура белого барана [23. С. 101]. Можно предположить, что появление наименования в узбекском языке произошло от сочетания цветов *ақ* (белый) и *нушты* (розовый).

Тыштабан — обувь, название которой происходит от сочетания *табаннын тысы* (букв. наружная сторона пятки). Этот вид обуви ввиду его простоты широко использовался в народе. В каракалпакском языке *тыштабан/тыштабандай* в переносном смысле означает несостоятельных людей. Например: «...*Бийшара Шундыйым, қайтадан тыштабан болып қалмаса болар еди, мынау ширкиннің пәти жаманго!*» — деп *гүдикленеди, баласы Алламбергеннен басқаға бунысын тис жарып, айтпайды* (Сейтов Ш. Халқабат) — «...*Бедный Шундый, лишь бы не стал опять нищим, взгляд у этого человека очень злобный!*» — с тревогой произнес сыну *Алламбергену*. Здесь это слово выступает в коннотативной семе, напр.: *Өзи бир жүрген тыштабан, миллети сасарқа*. — *Сам какой-то бедняк, а нос задирает*.

Шарық — сапоги, изготовленные из телячьей шкуры. Один из древних видов обуви. Напри-

мер: *Өлеринде асқынламайын деп, Түркстаннан посқандағы гөне шапанын, аяғындағы шарығын, бул жерге келгенсоң жап қазған белин, мал айдаған тораңғыл таяғын маңлайшаға қойдырды* (Қайыпбергенев Т. Каракалпак дәстаны). — *Чтобы не забыть, как жил прежде, до того, как покинул Туркестан, он повесил на видном месте, над входом, свой старый шапан, старую обувь, лопату, которой копал землю по прибытии в эти места, палку, которой гонял скот*. У каракалпаков существовал обычай: чтобы не забыть перенесенные трудности и дорожить нынешней жизнью, старые вещи, как напоминание о прошлой жизни, вешали над дверью.

В работе С. Н. Шитовой приводятся сведения о том, что в башкирском языке *сарык* означает обувь, сшитую из сыромятной кожи с длинными суконными голенищами. Она отмечает, что подобная обувь не встречается у народов Поволжья. В Сибири же эта обувь существовала на значительной территории. *Чарык* с верхом из сукна или холста характерны для Северного Алтая [35. С. 59]. Аналогичное название имеется в узбекском языке — *чориқ-пойпуш*, в казахском языке — *шарық*. В целом же название обуви *шарық* является свойственным многим тюркским языкам.

Результаты

Традиционная одежда является, образно говоря, богатством, составной частью каракалпакской национальной культуры. Главным инструментом в раскрытии его этнолингвистической природы является этническая культура. Путь, пройденный этносом, сохраняется в этнокультурном фонде языка. То есть исследование быта народа, его материальной и духовной культуры, мировоззрения через язык является актуальной задачей современной этнолингвистики. Этнолингвистика отражает языковые особенности определенного этноса, его связь с культурой и историческими событиями. Культура и история, в свою очередь, находят свое непосредственное отражение в традиционной одежде. Качества, определяющие этнокультурное своеобразие одежды, выражаются через ее наименования.

Выводы

Анализ наименований одежды в каракалпакском языке позволяет утверждать, что их этнокультурное своеобразие определяют названия. У многих тюркских народов головной убор считался священным. Его вешали на возвышенном месте, существовал ряд поверий, согласно которым головной убор нельзя бросать на землю, наступать на него.

У каракалпакского народа тоже встречается ряд представлений, связанных с головным убором. Так, мужчины за дастурханом должны сидеть с открытой головой, покрытой должна быть голова и во время чтения молитвы. Если женщина не покрывает голову, то это может привести к тому, что достаток уйдет из дома, а страну покинет счастье. Головной убор к тому же наделялся определенной символикой. Так, в случае когда требовалось исполнение долга мужчиной, говорили «у тебя есть шапка на голове, будь прямолинейным». Роль головного убора имеет несколько характерных значений, напрямую связанных с обычаями и традициями, культурой.

На сегодняшний день возрождаются наши культурные и духовные ценности, возвращаются в повседневную жизнь забытые традиции каракалпакского народа. Все чаще во время свадебных торжеств девушки наряжаются в традиционные наряды *саўкеле*, *киймешек*, *көк койлек*, орнаментированные национальными узорами, надевают национальные украшения.

Одежда представляет собой часть огромного культурного наследия, имеющего важное значение в исследовании культуры народа. Изучение традиционной одежды позволяет дополнить открытые страницы этнической истории, культуры народа, более тщательно изучить обычаи и социальные связи, религиозные верования, эстетические нормы. Функциональная роль одежды оказала большое влияние на происхождение его наименования в языке. Появление нескольких наименований головного убора, верхней одежды и обуви, использование их в литературном языке подталкивает нас обратиться к всестороннему анализу наименований одежды в языке. Традиционная одежда каракалпакского народа является понятием, вбирающим в себя этнографические, воспитательные смыслы и загадки, которые были заложены в далеком прошлом. Изучение в этнолингвистическом аспекте наименований одежды является одной из актуальных задач современного каракалпакского языкознания.

Список источников

1. Абдина Р. П. Лексика традиционной одежды в диалектах хакасского языка: в сравнении с алтайским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 20 с.
2. Адилова Г. Қарақалпақстан қазақтары тилиндегі этнографизмдер. Нукус: Билим, 2015. 76 с.
3. Алламуратов А. Мәңги мийрас. Нукус: Билим, 1993. 92 с.
4. Алланиязова Ш. Қарақалпақ тилинің қол өнері лексикасы. Нукус: Илим, 1997. 52 с.
5. Алмауытова А. Б. Қазақ тіліндегі киім атауларының этнолингвистикалық табиғаты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 21 с.
6. Алмауытова А. Б. Киім атауларының мәдениеттанымдық сипатының тилдик көріністері // Вестник Кызылординского государственного университета им. Коркыт ата. 2017. № 1 (48). С. 62—68.
7. Асамутдинова М. Ўзбек тилида кийим-кечак ва унинг қисмлари номлари: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970. 22 с.
8. Аухадиева З. Ж. Қазақ тилиндегі ұлттық киімдер атауының этнолингвистикалық сипаты // Вестник Алматинского технологического университета. 2017. № 1 (114). С. 102—104.
9. Богословская И. В. Десять каракалпакских *саукеле* // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 108—119.
10. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1—2. СПб., 1869. 162 с.
11. Доспанов О., Алламуратов А., Тилеумуратов Г. Словарь каракалпакских терминов искусствоведения. Нукус: Каракалпакстан, 1991. 120 с.
12. Жанпеисов Е. Н. Этнокультурная лексика казахского языка. Алма-Ата: Наука, 1989. 288 с.
13. Есбергенов Х. Одежда // Этнография каракалпаков конце XIX начала XX в. Ташкент: Фан, 1980. С. 57—111.
14. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: АН СССР, 1960. 450 с.
15. Кубель Е. Л. Каракалпакский текстиль в собрании российского этнографического музея // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 108—119.
16. Кузина Г. В. Лексика одежды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2001. 20 с.
17. Карлыбаев М. А., Курбанова З. И. Қарақалпақ кийими. Этнографиялық альбом. Нукус: Илим, 2014. 85 с.

18. Курбанова З. И. Традиционный костюм каракалпаков в литературных источниках и музейных коллекциях // Оазисы шелкового пути. Современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. М., 2018. С. 295—305.
19. Курбанова З. И. Каракалпакский костюм: традиции и новации. Нукус: Илим, 2021. 238 с.
20. Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма: каракалпакский кимешек // Итоги полевых исследований. М.: Наука, 2000. С. 54—71.
21. Мамбетов К. Қарақалпақлардың этнографиялық тарихы. Нукус: Каракалпақстан, 1995. 228 с.
22. Мирзаев Н. Ўзбек тилининг этнографик лексикаси: дис. ... канд. филол. наук. Тошкент, 1971. 130 с.
23. Норбоева Ш. Х. Хоразм шеваларидаги кийим-кечак номларининг структур-семантик тадқиқи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук (PhD). Тошкент, 2017. 20 с.
24. Нуруллаева Ш. Хоразм анъанавий кийимлари: монография. Ташкент: Фан, 2013. 156 с.
25. Пахратдинов К., Отемисов А. Қарақалпақ тилиндеги шығысы парсыша сөзлер. Нукус: Илим, 2017. 40 с.
26. Россикова А. Е. По Амударье от Петроалександровска до Нукуса // Русский вестник. 1902. № 8. С. 562—588.
27. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
28. Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М.: АН СССР, 1954. С. 230—247.
29. Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платье и головные уборы // Костюм народов Средней Азии: сб. ст. / отв. ред. О. А. Сухарева. М.: Наука, 1979. С. 113—122.
30. Толстов С. П. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции (1945—1948). М.: АН СССР, 1952.
31. Тухбиева Л. Ф. Лексика одежды и головных уборов в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 19 с.
32. Турекеев К. Ж. Магические представления каракалпаков, связанные с детской обрядностью // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 76—94.
33. Шамигулова А. Т. Лексика одежды и украшений в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 21 с.
34. Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент: Фан, 1964. 193 с.
35. Шитова С. Н. Сибирские таежные черты // Этнография Башкирии. 1976. С. 49—94.

References

1. Abdina RP. Leksika tradicionnoi odejdy v dialektah hakasskogo yazyka: v sravnenii s altaiskom yazykom = The vocabulary of traditional clothes in the dialects of the khakass language: in comparison with the altai language. Abstract of thesis. Abakan; 2009. 20 p. (In Russ.).
2. Adilova G. Etnografizmy v yazyke karakalpakskih kazahov = Ethnographisms in the language of the karakalpak kazakhs. Nukus: Bilim; 2015. 76 p. (In Kazakh).
3. Allamuratov A. Vechnoe nasledie = An everlasting legacy. Nukus: Bilim; 1993. 92 p. (In Karakalpak).
4. Allaniyazova Sh. Leksika ruchnogo remesla v karakalpakskom yazyke = Handicraft vocabulary of the Karakalpak language. Nukus: Ilim; 1997. 52 p. (In Karakalpak).
5. Almautitova AB. Etnolingvisticheskaya priroda naimenovaniya odejdy v kazahskom yazyke = Ethnolinguistic nature of names of the clothes of the kazakh language. Abstract of thesis. Almaty; 2004. 21 p. (In Kazakh).
6. Almautitova AB. Linguistic manifestations of the culturological quality of the names of clothes. *Vestnik Kyzylordinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Korkyt ata Bulletin of Kyzylorda State University named after Korkyt Ata* 2017;(1(48):62-68. (In Kazakh).
7. Asamutdinova M. Naimenovanie odejdy i eyo chastei v uzbekskom yazyke = Names of clothes and their parts in the Uzbek language. Abstract of thesis. Tashkent; 1970. 22 p. (In Uzbek).
8. Aukhadieva ZJ. Ethnolinguistic characteristics of the name of the national dress in the kazakh language. *Vestnik Almatinskogo tehnologicheskogo universiteta = Bulletin of Almaty Technological University*. 2017;(1(114):102-104. (In Kazakh).

9. Bogoslavskaya IV. Ten Karakalpak Saukele. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2014;(4):108-119. (In Russ.).

10. Budagov L. Sravnitel'nyi slovar' turecko-tatarskikh narechii = Comparative dictionary of turkish-tatar adverbs. Vol. 1-2. St. Petersburg; 1869. 162 p. (In Russ.).

11. Dospanov O, Allamuratov A, Tileumuratov G. Slovar' karakalpakskikh terminov iskusstvovedeniya = Dictionary of terms of karakalpak art. Nukus: Karakalpakstan; 1991. 120 p. (In Karakalpak).

12. Janpeisov EN. Etnokul'turnaya leksika kazahskogo yazyka = Ethnocultural vocabulary of the kazakh language. Alma-ata: Nauka; 1989. 288 p. (In Russ.).

13. Esbergenov H. Odezhda = Clothes. In: Etnografiya karakalpakov konce XIX nachala XX v. = Ethnography of the Karakalpaks at the end of the XIX beginning of the XX century. Tashkent: Fan; 1980. Pp. 57-111. (In Russ.).

14. Kononov A.N. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka = Grammar of the modern uzbek literary language. Moscow, Leningrad: AN SSSR; 1960. 450 p. (In Russ.).

15. Kubel EL. Karakalpak textiles in the collection of the Russian Ethnographic Museum. *Kunstcamera*. 2019;(2(4):108-119. (In Russ.).

16. Kuzina GB. Leksika odejdy = Clothing vocabulary. Abstract of thesis. Tula; 2001. 20 p. (In Russ.).

17. Karlibaev MA, Kurbanova ZI. Karakalpakskii kostyum. Etnograficheskii al'bom = Karakalpak clothes. Ethnographic album. Nukus: Ilim; 2014. 85 p. (In Karakalpak).

18. Kurbanova ZI. Tradicionnyi kostyum karakalpakov v literaturnykh istochnikakh i muzeinykh kollekciyakh = Traditional costume of the karakalpaks in literary sources and museum collections. In: Oazisy shelkovogo puti. Sovremennye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya Central'noi Azii = Oases of the Silk Road. Modern problems of ethnography, history and source studies of Central Asia. Moscow; 2018. Pp. 295—305. (In Russ.).

19. Kurbanova ZI. Karakalpakskii kostyum: tradicii i novacii = Karakalpak costume: traditions and innovations. Nukus: Ilim; 2021. 238 p. (In Russ.).

20. Lobacheva NP. K istorii sredneaziatskogo kostyuma: karakalpakskii kimeshek = On the history of Central Asian costume: Karakalpak kimeshek. In: Itogi polevykh issledovaniy = Results of field research. Moscow: Nauka; 2000. Pp. 54—71. (In Russ.).

21. Mambetov K. Etnograficheskaya istoriya karakalpakov = Ethnographic history of the karakalpaks. Nukus: Karakalpakstan; 1995. 288 p. (In Karakalpak).

22. Mirzaev N. Etnograficheskaya leksika uzbekskogo yazyka = Ethnographic vocabulary of the uzbek language. Thesis. Tashkent; 1971. 130 p. (In Uzbek).

23. Norboeva ShH. Strukturno-semanticheskoe issledovanie naimenovaniy odejdy v Horezmskom dialekte = Structural-semantic study of clothing names in Khorezm dialects. Abstract of thesis. Tashkent; 2017. 20 p. (In Uzbek).

24. Nurullaeva Sh. Tradicionnaya odejda Khorezma = Traditional clothes of Khorezm. Tashkent: Fan; 2013. 156 p. (In Uzbek).

25. Paxratdinov K, Otemisov A. Iskonno-persidskie slova v karakalpakskom yazyke = Original Persian words in the Karakalpak language. Nukus: Ilim; 2017. 40 p. (In Karakalpak).

26. Rossikova AE. Along the Amu Darya from Petroaleksandrovsk to Nukus. *Russkii vestnik = Russian Bulletin*. 1902;(8):562-588. (In Russ.).

27. Snesev GP. Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Horezma = Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm. Moscow: Nauka; 1969. 336 p. (In Russ.).

28. Sukhareva OA. Drevnie cherty v formakh golovnykh uborov narodov Srednei Azii = Ancient features in the forms of headdresses of the peoples of Central Asia. In: Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik = Central Asian Ethnographic Collection. Iss. I. Moscow: AN SSSR; 1954. Pp. 230—247. (In Russ.).

29. Pisarchik AK. Materialy k istorii odejdy tadjikov Nurata. Starinnye jenskie plat'e i golovnye ubory = Materials for the history of the clothes of the tajiks Nurata. Vintage women's dress and headdresses. In: Kostyum narodov Srednei Azii = Costume of the peoples of Central Asia. Moscow: Nauka; 1979. Pp. 113—122. (In Russ.).

30. Tolstov SP. Arheologicheskie i etnograficheskie raboty Horezmskoi ekspedicii (1945—1948) = Archaeological and ethnographic works of the Khorezm expedition (1945—1948). Moscow: Nauka; 1952. (In Russ.).

31. Tukhbieva LF. Leksika odejdy i golovnykh uborov v tatarskom literaturnom yazyke = Vocabulary of clothes and headdresses in the tatar literary language. Abstract of thesis. Kazan; 2006. 19 p. (In Russ.).

32. Turekeev KJ. Magical performances of the karakalpaks associated with children's rituals]. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*. 2020;(5):76-94. (In Russ.).
33. Shamigulova AT. Leksika odejdy i ukrashenii v bashkirskom yazyke = Vocabulary of clothes and jewelry in the bashkir language. Abstract of thesis. Ufa; 2015. 21 p. (In Russ.).
34. Shaniyazov K. Uzbeki-karluki (istoriko-etnograficheskii ocherk) = Uzbek-Karluks (historical and ethnographic sketch). Tashkent: Fan; 1964. 193 p. (In Russ.).
35. Shitova SN. Siberian taiga features. *Etnografiya Bashkirii = Ethnography of Bashkiria*. 1976:49-94. (In Russ.).

Информация об авторе

М. К. Зайрова — базовый докторант.

Information about the author

Kanshayim M. Zayrova — basic doctoral student.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 16.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 808.41

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10704

О РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ КОРПУСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ГЕРОЙ» КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Анна Вячеславовна Таскаева¹, Светлана Анатольевна Питина²

¹Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, taskaeva_anna@bk.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sap.pitina@rambler.ru

Аннотация: Представлена когнитивная модель репрезентации лингвокультурного концепта ГЕРОЙ на материале данных Национального корпуса русского языка. Сделаны выводы о национально-культурной детерминированности и субъективности восприятия героических образов. В результате исследования доказано, что герой — это статус, которым наделяется человек только при условии оценки общественностью. Отмечено, что оппозиция СВОЙ — ЧУЖОЙ применительно к категории героического является понятийно-смысловым ядром.

Ключевые слова: герой, оппозиция СВОЙ — ЧУЖОЙ, статус героя, когнитивная модель

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

Для цитирования: Таскаева А. В., Питина С. А. О репрезентативности корпусного изучения лингвокультурного концепта «герой» как составляющей русскоязычной картины мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 37—42. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10704.

Original article

CORPUS STUDY OF THE CONCEPT “HERO” AS A COMPONENT OF THE RUSSIAN LINGUISTIC AND CULTURAL PICTURE OF THE WORLD

Anna V. Taskaeva¹, Svetlana A. Pitina²

¹South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, taskaeva_anna@bk.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru

Abstract. The article presents a cognitive model for the representation of the linguistic and cultural concept HERO based on the data of the Russian National Corpus. Conclusions about the national-cultural determinism and subjectivity of the perception of heroic images are made. It has been proved that the hero is a status that is given to a person only if the heroic deeds are evaluated by the public. The opposition OURS and THEIRS in relation to the category of heroic is the conceptual and semantic core.

Keywords: hero, opposition OURS and THEIRS, hero’s status, cognitive model

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

For citation: Taskaeva AV, Pitina SA. Corpus study of the concept hero as a component of the Russian linguistic and cultural picture of the world. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):37-42. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10704.

Введение

Лингвокультурный концепт, как «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [3. С. 75], как «субъективный элемент культуры, реализованный

в языке» [8. С. 29], относится к категории коллективного языкового сознания, оказывает на него значительное влияние, обладает национально-культурным содержанием, сложной многокомпонентной структурой и включает в себя не только рационально-логические, но и эмоционально-эмпирические компоненты.

Концепт ГЕРОЙ в любой национальной культуре входит в состав базовых или ядерных концептов. Данный концепт значим как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультуры в целом, что обуславливает актуальность его изучения.

Концепт ГЕРОЙ трактуется нами как «лингвокультурный концепт, в структуре которого преобладают мифологический и идеологический компоненты, репрезентирующие героические образы и героические идеологемы в сложной открытой героической парадигме, интегрированной не только в систему общечеловеческих ценностей, но и в систему национальных ценностей» [10. С. 15]. Считаем, что создание когнитивной модели позволит наиболее точно отразить суть изучаемого в работе концепта. В статье принята попытка представить когнитивную модель репрезентации лингвокультурного концепта ГЕРОЙ.

Метод моделирования широко используется при изучении процессов порождения и восприятия дискурса и текста. Опираясь на выводы лингвистов-когнитологов, мы понимаем когнитивную модель как «основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека» [5. С. 58], схематическое представление определенных структур, которые организуют наши знания, основу процессов категоризации мира и языка, модель знания, определенным образом структурирующую результаты человеческого познания [1; 7; 11]. Согласимся с мнением Е. С. Кубряковой о том, что «мир расчленен человеком и представлен в разных языках по-разному именно потому, что в каждом естественном языке он выступал исключительно в виде итогов по-разному протекавших в соответствующих языках процессах категоризации концептуализации мира» [4. С. 38].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили данные основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка [6]. Поиск в корпусе осуществлялся по ключевым словам «герой», «национальный герой». В статье использовался метод корпусного исследования лингвокультурного концепта, прием сплошной выборки. Считаем, что языковые корпуса позволяют проводить репрезентативные исследования языковых явлений.

1. Национально-культурная детерминированность героических образов

Анализ данных национального корпуса русского языка свидетельствует о том, что героические образы являются национально-культурно детерминированными. При упоминании о героях обязательным является уточнение страны, в которой та или иная личность становится национальным героем. Корпусный анализ подтвердил целесообразность классификации героических типов по нескольким уровням героизации, включающим общий уровень национальной героизации (на уровне страны), в результате чего появляется узнаваемый всеми тип национального героя, вымышленная или реально существующая выдающаяся личность, и частный уровень локальной героизации (на уровне конкретного региона, города, поселения), порождающий локального героя.

Обобщим частотные речевые высказывания о национальных героях:

Имя — характеристика — локализация

«Путин — национальный герой Израиля! Израиль поддерживает его в борьбе с терроризмом».

«Прожив еще 4 года, национальный герой Югославии скончался в тюрьме».

«Настасе — национальный герой Румынии».

«Ваш Эдди — кумир молодой Америки, национальный герой!»

«...родился Мохандас Карамчанд Ганди, национальный герой Индии...»

Во многих примерах приводится пояснение, почему та или иная личность приобрела статус героя. Схему репрезентации лингвокультурного концепта ГЕРОЙ в таком случае можно представить следующим образом:

Имя — характеристика — локализация — аргументация героизма

«Скандербег — национальный герой Албании, всю свою жизнь посвятил борьбе с врагами, отстаивая независимость своей родины».

«...чешский национальный герой, прославившийся в гуситских войнах и в борьбе с папскими крестовыми походами».

Героизация не всегда выражается на уровне страны, рамки героизации могут сужаться до отдельного штата, республики, города, которые могут быть местом рождения, жизни или творчества локального героя. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих локальную героизацию:

«В Иркутске Вика Зильберштейн — национальный герой».

«Сергей Шойгу — национальный герой прежде всего **Тувы**, а потом уже России».

«Иван Александрович Кусков для **тотмичей** — герой национальный».

2. Реализация бинарной оппозиции СВОЙ — ЧУЖОЙ

В исследуемом материале находит воплощение бинарная оппозиция СВОЙ — ЧУЖОЙ, «категория, которая относится к определяющим человеческое существование категориям» и «является результатом процесса осознания человеком своей идентичности, своего места в мире» [2. С. 82]. В каждой лингвокультуре существует своя стабильная шкала ценностей и, соответственно, свой пантеон героев, благодаря этому реализуется национальная и региональная идентичность.

Категория СВОЙ — ЧУЖОЙ реализуется в противопоставлении *наш* — *ваш* и вариативных противопоставлениях *наших* — *ваших*, *наш* — *их*, *у вас* — *у нас*, *у них* — *у нас*, *для них* — *для нас*, *для одних* — *для других*, *здесь* — *там*.

Противопоставление **наш** — **ваш** представлено следующими примерами:

«Это Александр Невский, победитель шведов, немецких рыцарей, **наш** национальный герой».

«Это **ваш** национальный герой, основатель великой империи».

Рассмотрим примеры противопоставления **наш** — **их**:

«В этом древнем православном духе жил и боролся **наш** русский национальный герой Лавр Георгиевич Корнилов».

«Там Кадырова будут помнить. Это **их** национальный герой», — сказал писатель».

Приведем примеры противопоставления **наших** — **ваших**:

«Найдан-ван принадлежит к числу **наших** национальных героев».

«И это не мешает ему быть **вашим** национальным героем?»

Примеры противопоставления **у нас** — **у них**:

«Ну что вы, Юра, вы **у нас** национальный герой области».

«Он же **у нас** национальный герой. Я с первого класса школы это бремя ношу».

«Это они имя твое так перекроили. Ты **у них** национальный герой! Простые вампиры в тебе души не чают!»

«**У них** Жуков герой, а у меня — Бандера».

Проиллюстрируем примеры противопоставления для **одних** — для **других**:

«Для России и для Запада это имя — жупел, для Востока он национальный герой, божество».

«И вот здесь возникла коллизия: для кого-то он герой, по крайней мере эпический, а для кого-то — вовсе нет».

Противопоставление **здесь** — **там** обнаружено в примерах:

«Здесь сэр Исаак Ньютон — национальный герой, президент Королевского общества».

«Там Иван Петрович Шуйский, знатнейший боярин, национальный герой, был попросту задушен».

«В Словакии, конечно. Там я — национальный герой».

Полагаем, что оппозиция СВОЙ — ЧУЖОЙ является понятийно-смысловым ядром применительно к категории героического, поскольку именно в образе героя воплощаются национальные ценности, отражается специфический способ мировосприятия представителей той или иной лингвокультуры. Противопоставление **МЫ** — **ОНИ** позволяет образу героя быть объединяющим началом, выполнять функцию социальной солидарности, интеграции в рамках всей нации.

3. Общественная оценка героического (герой как статус)

Герой — это статус, которым наделяется человек. Приобретение героического статуса возможно только при условии оценки общественностью того или иного поступка или личности в целом (не всегда героического в традиционном понимании). Статус героя можно считать ценностной характеристикой. Как отмечает С. Ю. Смирнов, героический образ — это «совокупный духовный продукт личности, группы и общества, тесно связанный с системой социальных ценностей» [9. С. 148]. Героя можно назвать идеологическим проводником, посредством которого мы можем понять ценностные доминанты в конкретном культурно-историческом контексте.

Наделение статусом героя реализуется глаголами *числиться/считаться* национальным героем, *претендовать на роль* национального героя, *приобрести статус* национального героя, *стать/становится* национальным героем, *заслужить* звание национального героя, *переходить/возвести в ранг* национальных героев, *провозгласить* национальным героем, *произвести в* национальные герои, *признаваться* национальным героем, *представить* национальным героем, *причислять к лику* национальных героев, *делать/сделать из* кого-либо национального героя, *объявить* национальным героем, *видеть* в ком-либо национального героя, *рассматривать* как национального героя

и др. Приведем примеры общественной оценки героического:

«...его вдруг **объявили претендентом на роль национального героя...**»

«...постепенно **приобрел статус** едва ли не национального героя».

«Он там в национальных героях **числится как борец с турками**».

«Вместе с афинянами участвовали в бесподобном празднике — встрече олимпийцев из Атланты, **возведенных в ранг национальных героев**».

«Но даже после этого конфуза Дебой был **провозглашен национальным героем** и Спасителем отечества».

«К сожалению, учредителю строительной империи не посчастливилось **вкусить триумф национального героя**».

«Я даже не сомневаюсь, что козунников бы растерзали на месте, а тех, кто это сделал, **произвели бы в национальные герои**».

«...сомнительную персону **представить как национального героя**».

«...притом заставить империю **восхищаться собой, признать тебя национальным героем...**»

«Слушай, а может, не надо **делать из меня национального героя**».

«...**видит в них национальных героев...**»

«Чингисхан **признается национальным героем** в истории китайской нации».

«Раньше его **считали национальным героем**».

Многочисленные примеры словосочетаний, состоящих из перформативного глагола с существительным «герой», позволяет ранжировать статус героя и отношение к нему.

4. Временный характер героизма

Статус национального героя не является постоянной, вневременной характеристикой, он имеет подвижную структуру. Личность может наделяться статусом героя, утрачивать этот статус в зависимости от идеологических и аксиологических установок. Временный характер героизма подчеркивается употреблением наречий времени *сегодня, сейчас, отныне, теперь, до сих пор, по сей день*, прилагательного *нынешний*:

«**Сегодня он** — национальный герой, символ сопротивления “сионистскому врагу”».

«**Сейчас он** национальный герой, его портреты висят по всей стране».

«...а потому он **отныне** — национальный герой новой Ливии».

«Вы **теперь** в России национальный герой, как Павлюченко после Англии».

«Из горьковской ссылки Сахаров вернулся национальным героем, каковым **остается по сей день**».

5. Ситуативный характер героизма

Случайность, ситуативность надления личности героическим статусом проявляется в словосочетаниях *попал в список героев, вернулся/возвращался как национальный герой, встретили/принимали как национального героя, оказался национальным героем*. Примеры ситуативного характера героизма:

«Этот чудак **вернулся на родину как национальный герой** — живой и невредимый из самой России!»

«А вообще меня **встретил весь город как национального героя**».

«По сути, все персонажи Гоголя **оказались нашими национальными героями** потому, что ярко воплощали в себе и выражали наши общенациональные особенности».

6. Субъективность восприятия героического

Указание на источник сообщения является важным компонентом героизации, нередко отражая субъективность восприятия героического. В этом аспекте можно говорить о личном герое как вдохновляющем и мотивирующем человеке, необязательно известном широкой общественности, являющемся модельной личностью для отдельно взятого человека, представления о котором обуславливаются личным опытом и субъективной оценкой поведения. При личной героизации частотно употребление вводных конструкций: *по моему мнению, мне кажется, вероятно, для меня*.

«**Мне кажется, русский национальный герой** — это Емеля на печи, куда ты ни двигай, под каким углом ни поворачивай... *Есть, конечно, исключения*».

Субъективность восприятия героического выражается и в двойственном характере героизации: бывают герои истинные и ложные, настоящие и псевдогерои, что подтверждается употреблением прилагательных **настоящий, подлинный**, словосочетания **в самом деле**:

«Вы — **настоящий национальный герой** Белгородской области».

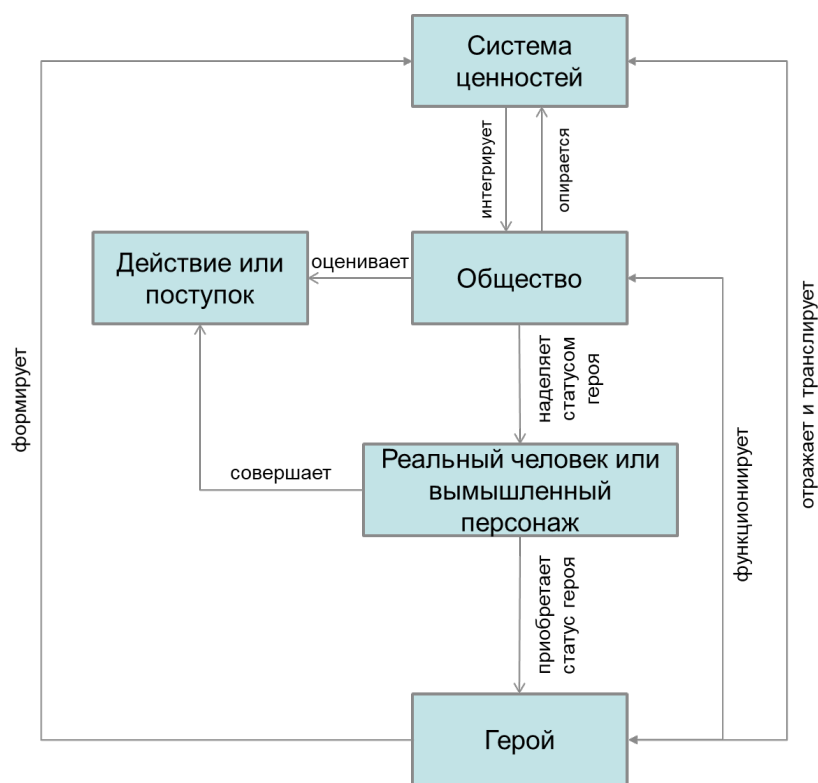
«Эти гонщики были **подлинно** национальными героями».

7. Возможность выражения меры и степени героизации

В русском языке может выражаться мера и степень героизации, что подтверждается частотным употреблением наречий *почти, чуть ли не, едва ли не, вообще, прямо, сугубо* и др. Примеры:

«“Я вас **первый раз** *вживую*” **вижу...**” **Прямо национальный герой** двух народов».

Проведенный анализ примеров позволяет пред- взаимодействовать системы общественных ценностей ставить анализируемую когнитивную модель как с процессом героизации (см. рисунок):

Когнитивная модель героизации

Заключение

Героизация является сложным социально обусловленным явлением, что подтверждается результатами корпусного исследования концепта ГЕРОЙ. В работе отмечено, что реализация оппозиции СВОЙ — ЧУЖОЙ является значимой характеристикой исследуемого лингвокультурного концепта.

Попытка представить когнитивную модель реализации лингвокультурного концепта ГЕРОЙ

на материале данных Национального корпуса русского языка позволила сделать выводы о национально-культурной детерминированности и субъективности восприятия героических образов. Считаем перспективным дальнейшее исследование данного концепта на материале лексикографических источников на других языках.

Список источников

1. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 56—57.
2. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 75—80.
4. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>.
7. Ремхе И. Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. С. 94—98.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. 2004. № 1. С. 29—34.

9. Смирнов С. Ю. К вопросу о содержании образа героя в российском обществе // Симбирский научный вестник. 2010. № 2 (2). С. 147—153.

10. Таскаева А. В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2021. 43 с.

11. Федотова О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). С. 199—202.

References

1. Dem'yankov VZ, Kubryakova ES. Kognitivnaia model' = Cognitive model. In: Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Brief dictionary of cognitive terms. Moscow; 1996. Pp. 56—57. (In Russ.).

2. Ivanova SV, Chanysheva ZZ. Leengvokul'turologiia: problemy, poiski, resheniia = Cultural linguistics: problems, searches, solutions. Ufa: RIC BashGU; 2010. 366 p. (In Russ.).

3. Karasik VI, Slyshkin GG. Leengvokul'turnyy kontsept kak edinitca issledovaniia = Linguistic and cultural concept as a unit of research. In: Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki = Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh: Voronezh State University; 2001. Pp. 75—80. (In Russ.).

4. Kubryakova ES. V poiskakh sushchnosti iazyka: Kognitivnye issledovaniia = In search of the essence of language: Cognitive research. Moscow: Znaniye; 2012. 208 p. (In Russ.).

5. Maslova VA. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku = Introduction to cognitive linguistics. Moscow: Flinta: Nauka; 2011. 296 p. (In Russ.).

6. National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (In Russ.).

7. Remhe IN. The status of the model in linguistic sciences and its implementation in cognitive language modeling. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007;(8):94-98. (In Russ.).

8. Slyshkin GG. Linguistic and cultural concept as a systemic education. *Vestnik VGU = Bulletin of VSU*. 2004;(1):29-34. (In Russ.).

9. Smirnov SY. To the question of the content of the image of the hero in Russian society. *Simbirskij nauchnyj vestnik = Simbirsk Scientific Bulletin*. 2010;(2(2)):147-153. (In Russ.).

10. Taskaeva AV. Realizatsiia geroicheskoy paradigmy v natsional'noy iazykovoy kartine mira = Implementation of the heroic paradigm in the national language picture of the world. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2021. 43 p. (In Russ.).

11. Fedotova OS. Cognitive modeling as a method of cognition and study of an object in scientific research. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2015;(4(46)):199-202. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Таскаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных и романо-германских языков ЧелГУ, завкафедрой иностранных языков.

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

Anna V. Taskaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Oriental and Romance-Germanic Languages of Chelyabinsk State University, Head of the Department of Foreign Languages.

Svetlana A. Pitina — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 4-3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10705

О ГРАММАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ МОДЕЛИ V + N₄/N₂

Надежда Михайловна Харлова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия, nkharlova@bk.ru

Аннотация. Цель статьи — исследование грамматических свойств глагольного компонента во фразеологизмах, построенных по модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта». Автор отмечает специфику грамматических свойств глагольного компонента, поскольку они могут не совпадать с грамматическими характеристиками глагольного фразеологизма. Последовательно анализируется функционирование грамматических категорий вида, залога, времени, наклонения, лица, числа и рода глагольного компонента во фразеологизмах указанной структурной организации. Полученные автором результаты свидетельствуют о факте сохранения в той или иной степени типичных грамматических свойств конструкции с глагольным компонентом. Вместе с тем указывается на наличие дефектной парадигмы. В качестве основной причины ограничений называются семантические изменения: фразеологизмы модели V + N₄/N₂ часто не являются носителем процессуальной семантики.

Ключевые слова: глагольный фразеологизм, фразеологизмы модели V + N₄/N₂, парадигма, грамматические категории, процессуальная семантика

Для цитирования: Харлова Н. М. О грамматических свойствах глагольного компонента во фразеологизмах модели V + N₄/N₂ // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 43—51. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10705.

Original article

ON THE GRAMMATICAL PROPERTIES OF THE VERB COMPONENT IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE V + N₄/N₂ MODEL

Nadezhda M. Kharlova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, nkharlova@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the grammatical properties of the verb component in phraseological units constructed according to the model “verb + dependent substantive component with the meaning of a direct object”. The author notes the specifics of the grammatical properties of the verb component, since they may not coincide with the grammatical characteristics of the verb phraseology. The functioning of grammatical categories of the type, pledge, tense, mood, person, number and gender of the verbal component in the phraseological units of the specified structural organization is consistently analyzed. The results obtained by the author indicate the fact that the typical grammatical properties of a construction with a verb component are preserved to one degree or another. At the same time, the presence of a defective paradigm is indicated. Semantic changes are cited as the main reason for the limitations: phraseological units of the V + N₄/N₂ model are often not a carrier of procedural semantics.

Keywords: verbal phraseology, phraseological units of the V + N₄/N₂ model, paradigm, grammatical categories, procedural semantics

For citation: Kharlova NM. On grammatical properties of the verb component in phraseological units of the model V + N₄/N₂. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):43-51. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10705.

Введение

Фразеологизмы, построенные по модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта», широко распространены в современном русском языке. Об этом, например, говорит тот факт, что во фразеологическом словаре А. И. Молоткова [11] к этой группе относится около 700 фразеологических единиц. Например: *считать ворон, марать бумагу, дурака нашел, заморить червячка, расквасить нос, снимать сливки, коптить небо, костей не соберешь, ума не приложу* и др.

Указанные фразеологизмы обладают также высокой частотностью употребления в современных художественных и публицистических текстах, в разговорной речи. Например: «Поселковое начальство смылось, как говорят, *сматывало удочки*, а шефство с этого дня уже началось» (Приставкин А. Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца); «Короче, надо в темпе *сматывать удочки*. Сейчас он вернется в комнату, вежливо попрощается с нею, и все, и кончен бал!» (Столяров К. Тихий); «Ребята, *сматываем удочки!* Сейчас будут проверять билеты!» (фраза в автобусе).

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости описания не только структурно-семантических свойств фразеологизмов модели $V + N_4/N_2$ как целостной единицы, но и особенностей функционирования грамматических категорий глагольного компонента в данных оборотах.

Фразеологизмы указанной структурной организации рассматривались лишь в русле общезнаменитых исследований такими лингвистами, как В. В. Виноградов, А. И. Молотков, А. М. Бабкин, А. В. Кунин, Д. Н. Шмелев, В. П. Жуков, М. Л. Кусова и др. Глагольные фразеологизмы исследовались в сопоставительном аспекте (М. И. Грицко [3] и др.). Активно исследуются процессуальные фразеологизмы (Г. И. Лебедева [9], И. Г. Казачук [6—8], Ю. С. Жакина [4]). Отметим также несколько исследований последних лет (О. И. Авдеева [1], Ю. Ю. Балацкая [2]). Однако в названных трудах анализируются глагольные фразеологизмы различной структурной организации. *Предметом* нашего *рассмотрения* являются глагольные фразеологизмы модели $V + N_4/N_2$.

Цель исследования. Структурные и семантические особенности данных фразеологических единиц в значительной степени обусловлены грамматическими характеристиками глагольного компонента, сохраняющего признаки переходного глагола, и грамматическими признаками субстантивного компонента, который обычно сохраняет признаки

имени, выступающего в функции прямого объекта. Рассмотрим особенности функционирования грамматических признаков у глагольного компонента.

Материал для наблюдения. Глагольные фразеологизмы модели $V + N_4/N_2$ имеют сходную структурную организацию, но различную семантику. Их семантика может как совпадать с типом грамматической организации (*сматывать удочки* — «поспешно уходить, отходить куда-либо»), так и противоречить ей (ср. *мухи не обидит* — «тихий, кроткий» — имеет категориальное значение признака, то есть сближается по семантике с именем прилагательным; *не щадя живота своего* — «на-смерть» — имеет категориальное значение образа действия, то есть сближается по семантике с наречием). Нами были проанализированы около 700 единиц сходной структурной организации. Как показало исследование, самой большой оказалась «группа фразеологизмов со значением деятельности (426 единиц)» [12]. Меньшим количеством представлены фразеологизмы данной модели со значением состояния (около 38%), с атрибутивным значением (около 8%) и группа фразеологизмов с модально-междометным значением (около 3%). Таким образом, возникает противоречие между семантикой ФЕ и грамматической формой.

Гипотеза. Грамматические свойства фразеологизмов представляют собой совершенно специфическое явление в языке, поскольку они могут не совпадать с грамматическими характеристиками глагольного компонента. Например, фразеологизму *ломать комедию* (дурачиться, притворяться) характерна незавершенность действия, недостижение внутреннего предела, и его значение соответствует несовершенному виду. В языке нет формы *сломать комедию*. В составе свободного сочетания слов глагол *ломать* имеет видовой коррелят *сломать*. Во фразеологизме *пройти огонь и воду* употребляется лишь глагол совершенного вида (не отмечаем фразеологизма *проходить огонь и воду*), в составе свободного словосочетания употребляются глаголы совершенного и несовершенного вида: *пройти* — *проходить*. Чем сильнее в составе фразеологической единицы спаянность компонентов, тем менее выражено функционирование грамматических категорий. Некоторые ученые склонны считать, что во фразеологических сращениях вообще нельзя говорить о полноценном функционировании грамматических категорий. Например, во фразеологизме *ухо режет* есть форма настоящего времени, а значение времени отсутствует.

По мнению В. П. Жукова, «сами по себе компоненты не обладают ни грамматическими катего-

риями в собственном смысле, ни самостоятельным типом значений. И то и другое присуще фразеологизму в целом» [5. С. 76].

Методы исследования. «Исследование проводится в синхронно-описательном плане с использованием приемов контекстуального, компонентного и дистрибутивного анализа» [7. С. 8].

Результаты исследования

Особенности функционирования грамматических категорий глагольного компонента

При исследовании структурных свойств глагольного компонента нами были выявлены следующие особенности.

Наиболее распространены фразеологизмы, в которых глагольный компонент реализует полную парадигму: *повысить голос, потупить голову, брать быка за рога, намять бока, перевернуть душу* и др. Например: *делать большие глаза* — «удивляться» — личные формы в настоящем времени изъявительного наклонения: *делаешь(-ет, -ем, -ете, -ют) большие глаза*; родовые и числовые формы прошедшего времени: *делал(-а, -и) большие глаза*; формы будущего времени: *буду(-ет, -ем, -ете, -ют) делать большие глаза*; формы повелительного наклонения: *не делай(те) большие глаза*; формы сослагательного наклонения: *делал(-а, -и) бы большие глаза*; причастные формы: *делающий (сделавший) большие глаза*; формы деепричастия: *делая (сделав) большие глаза* и т. д. Например, в разговорной речи:

— *И не делай большие глаза*, это не моя выдумка, это твоя прямая обязанность (глагольный компонент представлен глаголом в форме повелительного наклонения).

— Ей вспомнились лица старшекласников, *сделавших большие глаза* при упоминании о скором экзамене (глагольный компонент представлен неспрягаемой формой глагола — причастием).

— Что ты *делаешь большие глаза*? Разве ты этого не знал? (глагольный компонент выражен глаголом в личной форме настоящего времени изъявительного наклонения).

В таких фразеологизмах глагольный компонент имеет и спрягаемые, и неспрягаемые формы.

Грамматическая парадигма глагольных компонентов в составе таких фразеологизмов аналогична грамматической парадигме глаголов в составе свободных сочетаний. Например, сравним парадигму глагольного компонента в составе фразеологизма *дать перцу* (строго наказать) и в составе свобод-

ного сочетания *дать перцу кому-либо* (острую приправу): дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут, дал(-а, -и), дай(те). Такие парадигмы почти аналогичны (во фразеологизме не реализуются причастные и деепричастные формы компонента *дать*).

Другую группу представляют фразеологические единицы, в которых глагольный компонент имеет «признаки редукции глагольных категорий и свойств, характерных для свободного сочетания» [12].

Степень редукции может быть различной и вызвана определенными причинами. Основной причиной мы считаем «семантическую сопротивляемость». «В системе изменения форм ФЕ глагольного типа можно обнаружить две особенности: с одной стороны, в языке действует тенденция от одной и той же ФЕ как можно больше форм, с другой стороны, соответствующим фразеологизмам в процессе изменения форм оказывается семантическая сопротивляемость» [5. С. 212]. Подобные фразеологизмы Е. И. Диброва членит на «ФЕ, имеющие неполную парадигму, в которой отсутствуют определенные фразеоформы: *бить баклуши, бью баклуши, бил баклуши, не бей баклуши, бил бы баклуши, бьющий баклуши* (отсутствуют деепричастные формы), и ФЕ, образующие дефектную парадигму, состоящую лишь из нескольких фразеоформ» [10. С. 141]: *дать (давать) дуба* — отсутствуют личные формы настоящего времени, повелительного наклонения, причастные и деепричастные формы. Проанализируем грамматические свойства глагольного компонента фразеологизмов модели $V + N_4 / N_2$.

1. Грамматическая категория вида

Во фразеологических словарях привативная смысловая оппозиция представлена ФЕ с глагольными компонентами несовершенного — совершенного вида: *терять голову — потерять голову, распускать язык — распустить язык, бросать якорь — бросить якорь, заматать — замести следы*. При толковании во фразеологических словарях обычно дается характеристика фразеологизма с глаголом несовершенного вида. Возможность образования видового коррелята связана с процессуальностью, с динамичностью.

Фразеологические единицы, имеющие ограничения в функционировании категории вида

Определенная часть фразеологизмов модели $V + N_4 / N_2$ характеризуется неспособностью к образованию видовой оппозиции.

Глагольные ФЕ несовершенного вида имеют значение процессуальности, прерывистого действия, состояния без указания на предел: *метать громы и молнии, драть горло, коптить небо, играть первую скрипку, ломать комедию*. Например, глагольный компонент *драть* в составе фразеологизма *драть горло* относится к несовершенному виду (как и весь фразеологизм) и видового коррелята не имеет, а в составе фразеологизма *драть шкуру* имеет видовую пару — *содрать шкуру*.

Несоотносительные глагольные фразеологизмы совершенного вида обозначают мгновенные действия, которые не мыслятся в длительности: *заморить червячка, промочить горло, наломать дров, замолвить словечко, прикусить язык, язык проглотить*.

«Давайте не будем перебарщивать. Неровен час, можно таких *дров наломать*...» (Собеседник).

«Василий Петрович: Я сам пробовал исправить и *дров наломал*» (Тендряков В. Расплата).

«Попытка искусственного восполнения видовой оппозиции глагольного компонента приводит к разрушению внутреннего образа фразеологизма и превращению его в свободное словосочетание» [13. С. 11]. Как мы отмечали выше, вне фразеологизма, на морфологическом уровне, глагольный компонент способен иметь видовую пару: *играть* — *сыграть*, *строить* — *построить*, *смотреть* — *усмотреть*, *ломать* — *выломать* и др.

2. Переходность — непереходность, грамматическая категория залога

В составе фразеологизмов анализируемой модели $V+N_4/N_2$ глагольный компонент относится к переходным глаголам: *наложить* (что?) лапу, *вправить* (что?) мозги, *не смыкать* (чего?) глаз. Однако во фразеологизмах категория переходности представлена более сложной системой. Для разграничения переходных — непереходных глагольных фразеологизмов модели $V+N_4/N_2$ воспользуемся различными критериями:

- трансформационным (если фразеологизм допускает пассивную трансформацию, то семантика переходности сохраняется: *растопить лед* — *лед растоплен*);
- лексико-семантическим (принадлежность фразеологизма к лексико-семантическому полю может служить показателем его переходности — непереходности). Например, фразеологизм *не смыкать глаз* относится к полю физического состояния (куда обычно относятся непереходные глаголы), а фразеологизм *решать жизни* — к полю

действия, направленного на уничтожаемый объект (куда обычно относятся переходные глаголы);

- синонимическим (синонимичные глаголы обладают свойством семантической переходности или непереходности). Например, синоним фразеологизма *пороть горячку* — *горячиться* — относится к непереходным).

По мнению И. Г. Казачук, фразеологизмы модели $V+N_4/N_2$ (объектные фразеологизмы) «содержат в своем составе объектный глагол, способный реализовать как минимум две объектные синтаксические потенции: одна из них фиксируется при образовании фразеологизма в его структурной модели, другая — во внешнем окружении единицы в целом, семантика которой требует наличия объекта: *давать/дать* что-либо кому-либо — *давать/дать фору* кому-либо; *надевать/надеть* что-либо на кого-, что-либо — *надевать/надеть хомут* на кого-либо; *вносить/внести* что-либо во что-либо — *вносить/внести ясность* во что-либо и т. д.» [7. С. 12]. Как показало наше исследование, использование трансформационного, лексико-семантического и синонимического критериев позволяет сделать вывод об ослаблении категории переходности фразеологизмов модели $V+N_4/N_2$.

С точки зрения функционирования грамматической категории залога фразеологизмы данной модели могут реализовать формы действительного и страдательного залогов (*задавать тон* — *тон задан*, *бросать слова* — *слова брошены*, *поставить точку* — *точка поставлена*), формы одного из залогов (*не знать границ*, *дать жару*, *карта бита*).

3. Грамматические категории времени и наклонения

Как показали наши наблюдения, глагольные фразеологизмы модели $V+N_4/N_2$ с точки зрения функционирования категории времени можно отнести к следующим группам:

- 1) реализуют формы всех времен: *делать большие глаза* (*делает большие глаза, делал большие глаза, будет делать большие глаза*), *драть глотку* (*дерет глотку, драл глотку, будет драть глотку*). Так, фразеологизм *втирать очки*, как свидетельствуют примеры, способен употребляться в различных временных формах:

«Василий Петрович: А невежды Гордины, этой геометрии не желающие знать, ловчат, когда нужно, *очки втирают*, приспособляются как могут, а миллионы спасают» (Тендряков В. Расплата).

«— Я што-то не верю... — Семка кивнул на казенную бумагу. — По-моему, они вам *втерли очки*, эти ваши специалисты» (Шукшин В. Мастер).

«И ведь может такое произойти, *будут очки втирать*, ничего потом не исправит» (Труд).

2) Часть фразеологизмов способна реализовывать формы только двух времен. Ограничения могут быть обусловлены семантикой фразеологизма, невозможностью реального отнесения к тому или иному времени, видовой характеристикой: *наломать дров* (*наломал дров, ломает дров*), *заварить кашу* (*заварил кашу, заварит кашу*). Например, фразеологизм *заморить червячка* относится к совершенному виду и реализует формы прошедшего и будущего времени:

«Поели совсем немного, только *червячка заморили*» (Труд).

«Приглашаю, идем в столовую, *червячка заморим*» (Комсомольская правда).

3) Фразеологизмы, реализующие форму только одного времени. Например, только в форме прошедшего времени представлены фразеологизмы *как будто аришин проглотил*, *мало каши ел*, *белены обьяелась*, *зубы съел*, *собаку съел*. «Только в форме будущего времени употребляются фразеологизмы *ума не приложу*, *пальчики оближешь*, *пороха не выдумает*, *каши не сварить*» [13. С. 9]. Такие ограничения наблюдаются у глагольных фразеологизмов с атрибутивным значением, со значением признака действия, с модально-междометным значением.

По определению Г. И. Лебедевой, «форма наклонения выражается в глагольном компоненте, а значение наклонения принадлежит всему фразеологизму» [9. С. 11]. Однако способность ФЕ модели $V + N_4/N_2$ взаимодействовать с грамматической категорией наклонения определяется семантикой всего фразеологизма.

В форме изъявительного наклонения употребляются почти все фразеологизмы модели $V + N_4/N_2$: *пускать пыль в глаза* (*пускает пыль в глаза, пускал пыль в глаза, будет пускать пыль в глаза*).

В форме сослагательного наклонения также способно выступать большинство анализируемых фразеологизмов (*взял бы себя в руки*, *не бередил бы рану*, *не выносил бы сор из избы*, *прикусил бы язык*, *брал бы пример*).

«Другой бы на его месте дал подзатыльник своему незадачливому братцу, чтобы в следующий раз *не совал бы нос* в чужие дела» (Железников В. Ухожу из детства).

«Сейчас, к примеру, я тоже *носа не сунул бы* в свою деревню, потому что битый» (Бородин Л. Божеполье).

Фразеологизмы с фиксированной глагольной формой (в изъявительном или в повелительном наклонении) неспособны образовывать формы сослагательного наклонения: *каши не сварить*, *ума не приложу*.

В форме повелительного наклонения фразеологизмы модели $V + N_4/N_2$ могут употребляться при определенных условиях. Например, только с частицей *не* в повелительном наклонении употребляются фразеологизмы *не мозоль(те) глаза*, *не пори(те) горячку*, *не вешай(те) нос*, *не валяй(те) дурака*. Фразеологизмы со значением физического, психического, мыслительного состояния лица не образуют форм повелительного наклонения: *протянуть ноги*, *отдать богу душу*. Некоторые фразеологизмы теряют глагольную семантику и приобретают различную модальность. Такие фразеологизмы употребляются в форме только повелительного наклонения: *ищи ветра в поле*, *держи карман шире*, *держи хвост трубой*, *не бей лежачего*, *разуй глаза*, *разрази тебя гром*. Вынужденную необходимость действия форма повелительного наклонения выражает во фразеологизмах с частицей «хоть»: *хоть топор вешай*, *хоть глаза выколи*, *хоть весь свет пройди*, *хоть пруд пруди*, *хоть караул кричи*.

4. Грамматические категории лица и числа

Значительная часть глагольных компонентов фразеологизмов модели $V + N_4/N_2$ употребляется в формах 1, 2, 3-го лица единственного и множественного числа.

Например: *кусать локти* — досадовать, сожалеть о чем-то.

«[Полуянов:] Ты еще поймешь, какую глупость допускаешь, карась-идеалист. Ты еще *локти покусаешь*» (Проскурин П. Полуденные сны).

«Он *локти кусает*: Буденный — командарм Первой конной, а он как был вахмистр, так им и остался» (Маслов Ю. Выбор полковника Вышеславцева).

Среди фразеологизмов исследуемой нами структуры отмечаются случаи употребления их в одной личной форме. При этом глагол свободного употребления способен иметь формы любого лица. Например, в форме 1-го лица единственного (множественного) числа употребляется глагольный компонент во фразеологизмах: *ума не приложу*, *милости просим*; в форме 2-го лица единственного числа: *пальчики оближешь*, *шубы не сошьешь*, *каши не сварить*; в форме 3-го лица единственного (множественного) числа: *выеденного яйца*

не стоит, мухи не обидит, пороха не выдумает, воды не замутит, каши просят, обещанного три года ждут. В отдельных фразеологизмах глагольный компонент закреплен в безличной форме: *живот подводит, рук не хватает, сил не хватает, винтиков не хватает, горло перехватило, дух захватило*.

Дух захватывает (занимает) у кого. *Дух захватило (заняло)* у кого — тяжело, трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний.

«Ух и мороз — дух захватывает!» (Гладков Г. Повесть о детстве).

«А как переправили ходоки кряжистый Урал, так у него дух захватило» (Яган И. Когда я был мальчишкой).

5. Грамматическая категория рода

Большинство фразеологизмов модели $V + N_4/N_2$ характеризуются наличием глагольного компонента, способного образовывать формы мужского и женского рода: *ломал голову, ломала голову*.

«Наш класный руководитель не ломал себе голову над причиной Антоновых неудач» (Алексин А. Действующие лица и исполнители).

«Это совсем недолго, даже увлекательно, — принялась уверять Зина, а сама ломала себе голову, как быть» (Комсомольская правда).

Закреплен глагольный компонент в форме мужского рода в составе следующих фразеологизмов: *точно (будто) муху проглотил, будто аршин проглотил*.

В контекстах отмечаем также случаи употребления глагольного компонента в форме среднего рода:

«Это решение наложило печать на ход дальнейших событий» (Труд).

«Такое постановление вбило своеобразный клин между партиями» (Правда).

Не реализуется категория рода (так же, как и категория лица и числа) в инфинитивных формах глагольного компонента (*не детей крестить, не сносить головы, чего греха таить*), в деепричастных формах (*высунув язык, спустя рукава*). В причастных формах не реализуется категория лица (*не помнящий родства*).

6. Фразеологизмы модели $V + N_4/N_2$, не имеющие причастных или деепричастных форм

В особую группу отнесем фразеологические единицы, не способные реализовать причастные или деепричастные формы (или некоторые из них).

Причиной такой редукции может быть невозможность образования причастий и деепричастий

в силу словообразовательных причин, видовых или временных ограничений. Например, во фразеологизме *собаку съел* глагольный компонент образует только форму причастия прошедшего времени (*съевший собаку*); в свободном употреблении отмечаем *съеденная собака*; не образуется деепричастная форма *съев собаку*.

От ряда глаголов не образуются деепричастия несовершенного вида (*резать (резать ухо, слух)*), пить (*пить кровь*), жать (*жать руку*). Например: *бить баклуши* — «праздно проводить время, бездельничать» — глагольный компонент имеет формы: *бьющий (бивший) баклуши*. Другой неспрягаемой формы (деепричастия) не имеет. Среди глагольных фразеологизмов анализируемой модели такие ограничения наиболее распространены.

Заключение

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Глагольные фразеологизмы, построенные по модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта», представляют значительный пласт фразеологии современного русского языка.
2. Структурные признаки глагольных фразеологизмов, построенных по модели $V + N_4/N_2$, свидетельствуют о сохранении в той или иной степени типичных грамматических свойств конструкции с глагольным компонентом. «Лишь в немногих случаях глагольный компонент “застывает” в одной форме» [9. С. 15] (*ума не приложу, ищи ветра в поле, честь имею, будто аршин проглотил*). В большинстве случаев во фразеологизмах модели $V + N_4/N_2$ он сохраняет полную или неполную словоизменительную парадигму (*намять бока, перевернуть душу, поднимать голову*).
3. При исследовании семантических свойств и связей анализируемых фразеологизмов было установлено, что значительная часть из них имеет типичную семантику действия, переходящего на объект (*дать крюку, точить лясы, заметить следы, носить воду решетом*). Вместе с тем достаточно широко представлены фразеологизмы с семантикой состояния, семантикой качественной оценки и модально-междометной семантикой (*ищи ветра в поле!, хоть глаз выколи, мухи не обидит*).

Таким образом, глагольный компонент ФЕ модели $V + N_4/N_2$, являясь носителем морфологических признаков глагольных фразеологизмов

и имея существенные ограничения в реализации грамматических категорий по сравнению с глаголами свободного употребления, в отдельных случаях не является носителем процессуальной семантики. В связи с этим грамматические категории глагола могут редуцироваться. Воспол-

нение дефектной парадигмы глагольного компонента ведет к разрушению внутреннего образа фразеологизма и к превращению его в свободное словосочетание. Характер проявления глагольных категорий зависит от степени семантической слитности компонентов.

Список источников

1. Авдеева О. И. Особенности синтагматических отношений глагольных фразем русского языка: семантический и грамматический аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 3 (105). С. 79—85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sintagmaticheskikh-otnosheniy-glagnolnyh-frazem-russkogo-yazyka-semanticheskii-i-grammaticheskii-aspekty/viewer> (дата обращения 08.10.2021).

2. Балацкая Ю. Ю. Морфологические признаки глагольных фразеологизмов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). С. 139—153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37626345> (дата обращения 09.10.2021).

3. Грицко М. И. Глагольные фразеологизмы русского, английского и французского языков в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2005. 150 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002752636> (дата обращения 08.10.2021).

4. Жакина Ю. С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2003. 11 с. URL: https://revolution.allbest.ru/languages/00932748_0.html (дата обращения 26.09.2021).

5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1978. 160 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007623654> (дата обращения 08.10.2021).

6. Казачук И. Г. Вариативное беспредложное управление процессуальных фразеологизмов // Мир культуры, науки, образования. 2011. № 1 (26). С. 53—56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnoe-bespredlozhnopredlozhnoe-upravlenie-protsessualnyh-frazeologizmov/viewer> (дата обращения 09.10.2021).

7. Казачук И. Г. Семантические и структурные свойства конструкций с управлением процессуальных фразеологизмов категории отношения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Челябинск, 2011. 45 с. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01004855422?page=3&rotate=0&theme=white> (дата обращения 01.10.2021).

8. Казачук И. Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения): монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 310 с. URL: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/256/Казачук%20И.Г.%20Процессуальные%20фразеологизмы%20русского%20языка%20Монография.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 25.09.2021).

9. Лебедева Г. И. Категория наклонения процессуальных фразеологизмов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1978. 23 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007805716> (дата обращения 25.09.2021).

10. Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Щеболева И. И. Современный русский язык. Анализ языковых единиц: учеб. пособие для студентов филол. фак. пед. ун-тов и ин-тов: в 3 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Словообразование / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Просвещение: Владос, 1995. 208 с.

11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: РЯ, 1986. 544 с.

12. Харлова Н. М. Структурно-семантические свойства фразеологических единиц, построенных по модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта»: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1999. 275 с. URL: <https://www.disscat.com/content/strukturno-semanticheskije-svoistva-frazeologicheskikh-edinits-postroennykh-po-modeli-glagnol> (дата обращения 27.09.2021).

13. Харлова Н. М. Структурно-семантические свойства фразеологических единиц, построенных по модели «глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1998. 17 с.

References

1. Avdeeva OI. Features of syntagmatic relations of verb phrasemes of the Russian language: semantic and grammatical aspects. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Adygea State University*. 2012;(3):79-85. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sintagmaticheskikh-otnosheniy-glagolnyh-frazem-russkogo-yazyka-semanticheskii-i-grammaticheskii-aspekty/viewer> (accessed 08.10.2021). (In Russ.).
2. Balatskaya YuYu. Morphological signs of verbal phraseological units. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;(4):139-153. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37626345> (accessed 09.10.2021). (In Russ.).
3. Gritsko MI. Glagol'nye frazeologizmy russkogo, anglijskogo i francuzskogo yazykov v sopostavitel'nom aspekte = Verbal phraseological units of Russian, English and French languages in a comparative aspect. Thesis. Novosibirsk; 2005. 150 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002752636> (accessed 08.10.2021). (In Russ.).
4. Zhakina YuS. Processual'nye frazeologizmy subkategorii deyatel'nosti = Procedural phraseological units of the subcategory of activity. Thesis. Kurgan; 2003. 11 p. Available from: https://revolution.allbest.ru/languages/00932748_0.html (accessed 26.09.2021). (In Russ.).
5. Zhukov VP. Semantika frazeologicheskikh oborotov = Semantics of phraseological turns. Moscow: Prosveshcheniye; 1978. 160 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007623654> (accessed 08.10.2021). (In Russ.).
6. Kazachuk IG. Variative unlimited management of procedural phraseological units. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = World of Science, Culture, Education*. 2011;(1):53-56. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnoe-bespredlozhnopredlozhnoe-upravlenie-protsessualnyh-frazeologizmov/viewer> (accessed 09.10.2021). (In Russ.).
7. Kazachuk IG. Semanticheskie i strukturnye svoystva konstrukcij s upravleniem processual'nyh frazeologizmov kategorii otnosheniya v russkom yazyke = Semantic and structural properties of constructions with the control of procedural phraseological units of the category of relations in the Russian language. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2011. 45 p. Available from: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01004855422?page=3&rotate=0&theme=white> (accessed 01.10.2021). (In Russ.).
8. Kazachuk IG. Processual'nye frazeologizmy russkogo yazyka (kategorii bytiya i otnosheniya) = Procedural phraseological units of the Russian language (categories of being and relations). Chelyabinsk; 2004. 310 p. Available from: <http://elib.cspu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/256/Казачук%20И.Г.%20Процессуальные%20фразеологизмы%20русского%20языка%20Монография.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 25.09.2021). (In Russ.).
9. Lebedeva GI. Kategoriya nakloneniya processual'nyh frazeolo = Category of the mood of procedural phraseological units in modern Russian. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 1978. 23 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007805716> (accessed 25.09.2021). (In Russ.).
10. Dibrova EI, Kasatkin LL, Shcheboleva II. Sovremennyy russkij yazyk. Analiz yazykovykh edinic = Modern Russian. Analysis of language units. Pt. 1: Phonetics and Orthoepy. Graphics and spelling. Lexicology and phraseology. Word formation. Moscow: Prosveshcheniye: Vldos; 1995. 208 p. (In Russ.).
11. Molotkov AI (ed.). Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow: RYA; 1986. 544 p. (In Russ.).
12. Kharlova NM. Strukturno-semanticheskie svoystva frazeologicheskikh edinic, postroennykh po modeli "glagol + zavisimyj substantivnyj komponent so znacheniem pryamogo ob'ekta" = Structural and semantic properties of phraseological units constructed according to the model "verb + dependent substantive component with the meaning of a direct object". Thesis. Yekaterinburg; 1999. 275 p. Available from: <https://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-svoystva-frazeologicheskikh-edinits-postroennykh-po-modeli-glagol> (accessed 27.09.2021). (In Russ.).
13. Kharlova NM. Strukturno-semanticheskie svoystva frazeologicheskikh edinic, postroennykh po modeli "glagol + zavisimyj substantivnyj komponent so znacheniem pryamogo ob'ekta" = Structural and semantic properties of phraseological units constructed according to the model "verb + dependent substantive component with the meaning of a direct object". Abstract of thesis. Yekaterinburg; 1998. 17 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. М. Харлова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и социогуманитарных дисциплин/

Information about the author

Nadezhda M. Kharlova — Candidate of Sciences (Philology), Associate professor, Department of Philology and social Sciences and the Humanities.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 52—63.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):52-63. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10706

ЭТАПЫ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ «ЛИНГВИСТИКА» (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР)

Юлия Валерьевна Богоявленская

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, jvbog@yandex.ru

Аннотация. Предлагается алгоритм экспертного анализа в системе «Лингвистика». Система представляет собой электронную среду, в которой лингвисты-эксперты могут создавать научно-исследовательские проекты различных типов: одно- и полиязыковые, индивидуальные и коллективные, для изучения вербальных и поликодовых текстов. Система ориентирована на решение широкого круга научных проблем, однако для эффективной работы в ней необходимы четкая постановка задач, планирование хода работы и грамотное построение классификационных деревьев. Разработанный алгоритм включает семь этапов: создание проекта, ввод текстовых данных, построение классификационных деревьев, анализ фрагментов, анализ количественных данных, работа с конкордансом и фильтрами. Применение системы в конкретных исследованиях показало полезность встроенных в нее инструментов, надежность и удобство в работе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, система экспертного анализа, веб-приложение, метафора

Для цитирования: Богоявленская Ю. В. Этапы экспертного анализа в информационной системе «Лингвистика» (на примере исследования политических метафор) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 52—63. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10706.

Original article

STAGES OF EXPERT ANALYSIS IN THE INFORMATION SYSTEM “LINGUISTICS” (USING THE EXAMPLE OF POLITICAL METAPHOR RESEARCH)

Yuliya V. Bogoyavlenskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, jvbog@yandex.ru

Abstract. This article proposes an algorithm for expert analysis in the “Linguistics” system. The system is an electronic environment in which expert linguists can create research projects of various types: monolingual and multilingual, individual and collective, for the study of verbal and polycode texts. The system is focused on solving a wide range of scientific problems, but it requires a clear statement of tasks, planning the progress of work and competent construction of classification trees for effective work. The developed algorithm includes seven stages: creating a project, entering text data, building classification trees, analyzing fragments, analyzing quantitative data, working with concordance and filters. The use of the system in specific studies has shown the usefulness of the tools built into it, reliability and ease of use.

Keywords: corpus linguistics, expert analysis system, web application, metaphor

For citation: Bogoyavlenskaya YV. Stages of expert analysis in the information system “Linguistics” (using the example of political metaphor research). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):52-63. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10706.

Введение

Корпусная лингвистика, являющаяся важнейшим «драйвером» лингвистической мысли [5. С. 37], обеспечивает современного исследователя доступом к большим текстовым данным. Отобранные в корпусах текстовые фрагменты представляют собой богатый и репрезентативный материал, нуждающийся в дальнейшей обработке и анализе. На данный момент существуют приложения, как, например, WordSmith Tools [16] и AntConc [11], позволяющие работать с коллокациями, ключевыми словами текстов, списками слов и грамматических конструкций, конкордансами. На платформе Sketch Engine, помимо вышеперечисленного, лингвист может воспользоваться инструментом для создания дистрибутивного тезауруса, отследить изменения частоты использования лексических единиц в корпусах, а также воспользоваться инструментом для построения собственного корпуса на основе текстов из сети Интернет. Разработанный специалистами Университета Шеффилда, лингвистический процессор GATE (General Architecture for Text Engineering) [13] решает такие задачи, как извлечение информации, ручная и автоматическая семантическая аннотация, анализ кореферентности, работа с онтологиями, машинное обучение, анализ потока сообщений в блогах [7. С. 88]. На фоне других утилит корпусного анализа выделяется приложение UAM [16], при помощи которого можно произвести автоматическую морфологическую разметку, а также создать собственную схему для метаразметки и аннотации текстов. Перечисленные выше сервисы имеют свои преимущества, но и в каждом случае свои недостатки, к которым можно отнести платный доступ, работу только под MS Windows, ограниченный набор инструментов (возможность только одного вида разметки и/или работа только с коллокациями и ключевыми словами и т. д.), отсутствие возможности сохранения данных, создания собственных корпусов или же ограничение сбора данных только на одном языке, отсутствие исчерпывающей документации для пользователей, отсутствие интерфейса на русском языке и др.

Особое место в кругу веб-приложений занимает система экспертного анализа «Лингвистика» — открытая некоммерческая платформа, доступная после регистрации по адресу: <https://linguistic-urgj.urfu.ru/> (разработчики: Ю. В. Богоявленская, С. А. Александров). Система представляет собой

электронную среду, в которой пользователи, выступающие лингвистами-экспертами, могут создавать научно-исследовательские проекты различных типов: одно- и полиязыковые, индивидуальные и коллективные, для изучения вербальных и креолизованных (семиотически неоднородных или поликодовых) текстов. Количество участников проекта не ограничивается, они могут быть географически удалены друг от друга, но совместно работать над проектом. В коллективных проектах пользователи могут воспользоваться чатом, в индивидуальных — делать заметки. Приложение позволяет выстраивать многоуровневые классификационные деревья лингвистических и экстралингвистических параметров, по которым планируется проводить анализ объектов, содержащихся в конкретных контекстах, например различного рода конструкций, дискурсивных слов, метафор и т. д. Приложение генерирует важные для любого лингвистического исследования отчеты по количественным данным, полученным в ходе анализа. В полиязыковых проектах предусмотрена возможность сопоставления отчетов по разным языковым массивам. Важно, что в «Лингвистике» можно загрузить как выборки, полученные в различных корпусах (НКРЯ, NOW, BNCweb, Sketch Engine, корпуса Лейпцигского университета и др.), так и коллекцию текстов, собранных исследователем самостоятельно. Исчерпывающую справочную информацию о работе в системе можно найти в разделе «Помощь».

Система ориентирована на решение широкого круга научных проблем, однако для эффективной работы в ней необходимы четкая постановка задач, планирование хода работы и грамотное построение классификационных деревьев.

Целью настоящей статьи является разработка алгоритма действий эксперта для анализа лингвистических объектов в системе «Лингвистика». Применение данного алгоритма рассматривается на примере двух магистерских диссертаций, посвященных исследованию политических метафор: «Метафорический образ Эммануэля Макрона во французском медиаполитическом дискурсе» (автор М. С. Стремякова) и «Метафорический образ России в британских СМИ: опыт корпусного исследования» (автор М. О. Федосеева), выполненных под нашим руководством. Материалом исследования в первой работе стала коллекция текстов, извлеченных с сайтов газет и журналов: Aujourd'hui

en France, Libération, Politis, Le Point, Le Figaro, Paris Match, L'Express, Le nouvel observateur, Charlie Hebdo, Le Parisien, Marianne, Le Journal du Dimanche, Libération и Le Figaro. Для второго исследования материал был отобран в корпусе NOW, размещенном на платформе English corpora [12]. Теоретической базой обеих работ являются монографии и статьи А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, О. А. Солоповой [8; 9; 10], М. В. Плотниковой, О. Г. Скворцова [6] и других представителей уральской школы политической лингвистики.

Этапы экспертного анализа

Экспертный анализ в системе «Лингвистика» предполагает реализацию семи этапов.

Этап 1. Создание проекта. Для создания проекта необходимо войти в систему, на странице «Мои проекты» открыть форму для заполнения карточки проекта, ввести название, выбрать язык текстов из открывающегося списка и тип проекта: индивидуальный или коллективный (рис. 1). В случае коллективного проекта система направит приглашение его руководителю и/или соисполнителям.

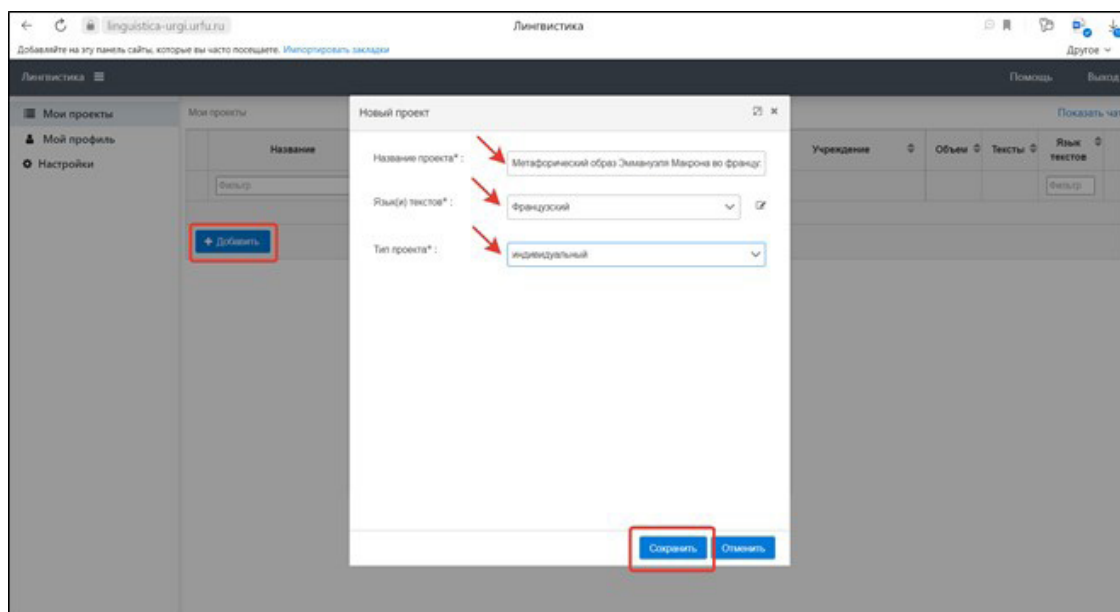

Рис. 1. Диалоговое окно с карточкой проекта

Более подробную информацию о создании проектов, формировании текстовой коллекции, работы с классификационными деревьями, отчетами и конкордансами можно посмотреть, щелкнув мышкой по слову «Помощь» в правом верхнем углу или по адресу: <https://linguisti->

[ca-urgi.urfu.ru/documentation/main.html#documents](https://linguistica-urgi.urfu.ru/documentation/main.html#documents).

Этап 2. Ввод текстовых данных в систему. В меню проекта выбирается «Список текстов» (рис. 2); собранный материал вносится в базу данных.

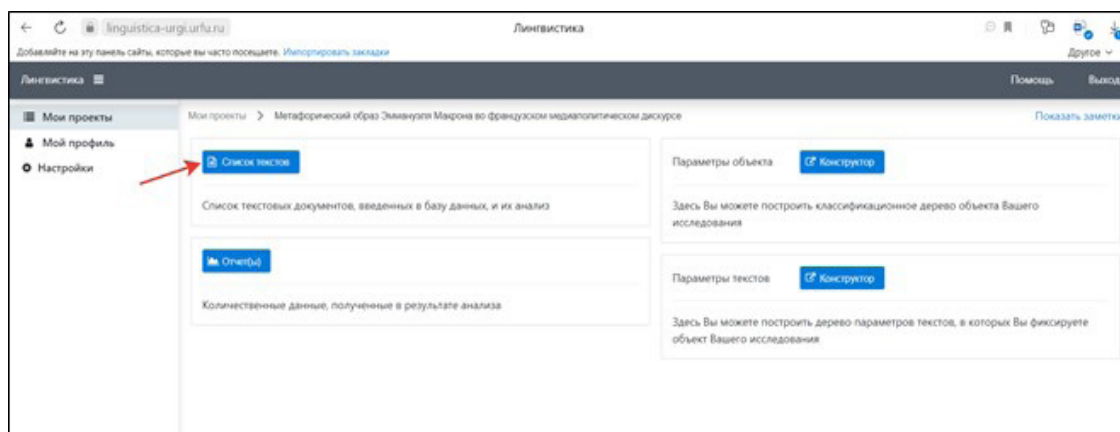

Рис. 2. Меню управления проектом

Собранные исследователем тексты можно внести в виде одного либо, что гораздо удобнее для последующей работы, нескольких документов (рис. 3). В последнем случае при копировании из конкорданса («Список фрагментов» в таблице

«Отчеты») система сможет генерировать корректные ссылки (см. этап 6), включающие метаданные, указанные при заполнении карточки текста, для экспорта в сторонние приложения, например MS Word.

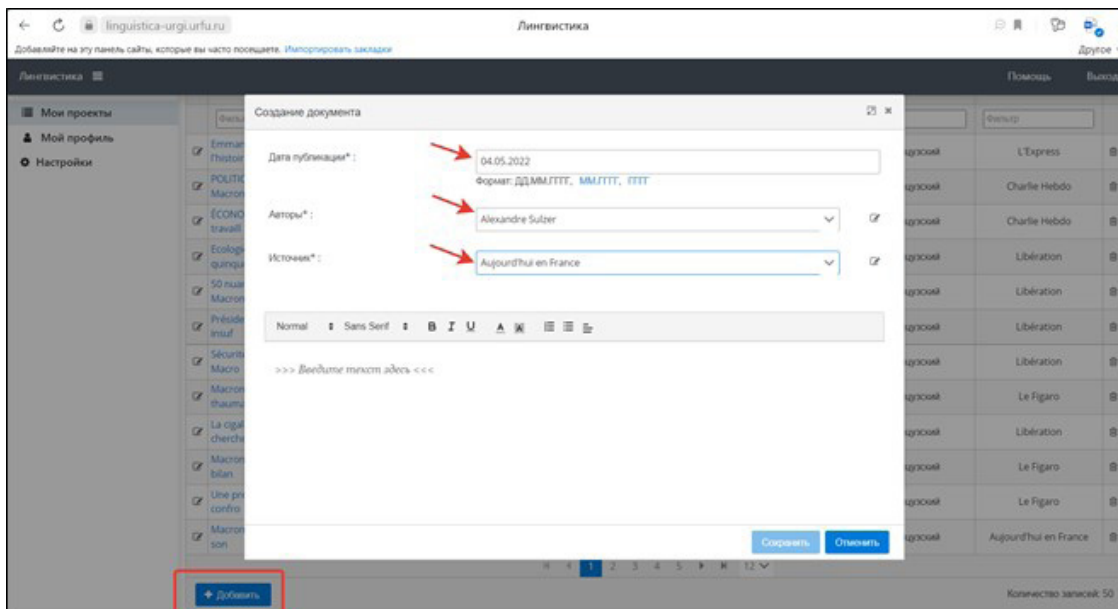

Рис. 3. Диалоговое окно с формой вводимого текста и его метаданных

Этап 3. Построение классификационных деревьев в «Конструкторах» параметров объектов и текстов. Классификация, которую лингвист планирует использовать, строится при помощи специальных инструментов, расположенных в меню

«Конструктор параметров объекта». Правила построения классификатора можно посмотреть, наведя курсор на информационный символ в разделе «Дерево параметров» (рис. 4).

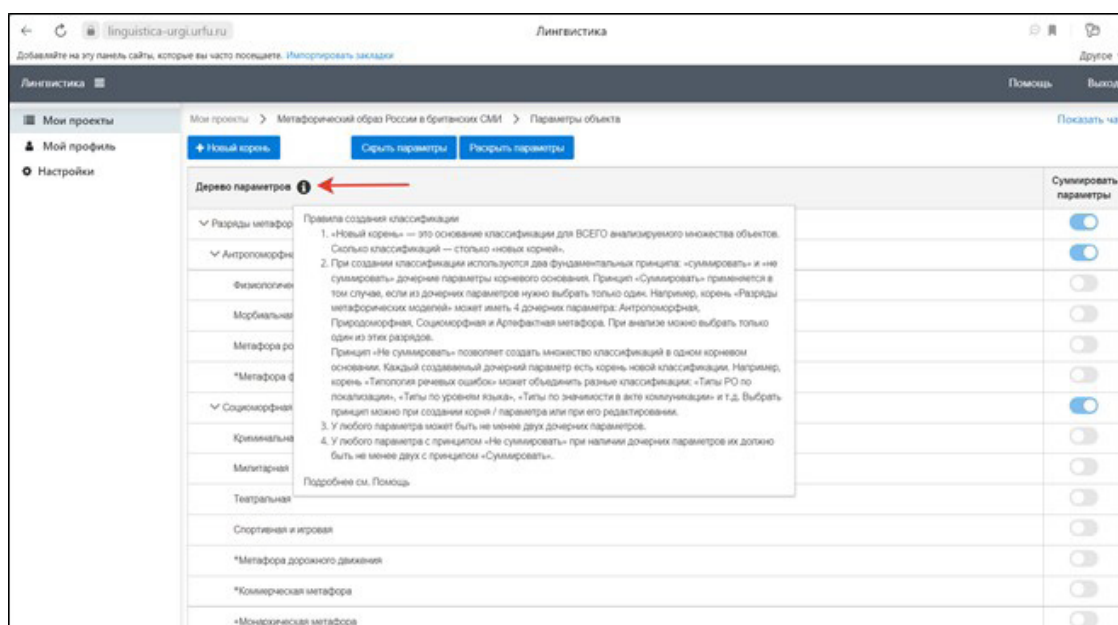

Рис. 4. Правила создания классификационного дерева на странице «Конструктора параметров объекта»

Прежде всего необходимо создать корень — основание классификации — при помощи кнопки «+Новый корень». В открывшееся диалоговое окно вводится название корня — «Субсферы и разряды метафор». В классификации А. П. Чудинова метафорические модели дифференцируются на основе

послуживших источниками концептуальной метафорической экспансии понятийных сфер: 1) «Человек»; 2) «Социум»; 3) «Природа»; 4) «Артефакты». Названия этих сфер вводятся при помощи инструментария, раскрывающегося наведением курсора на корень (рис. 5).

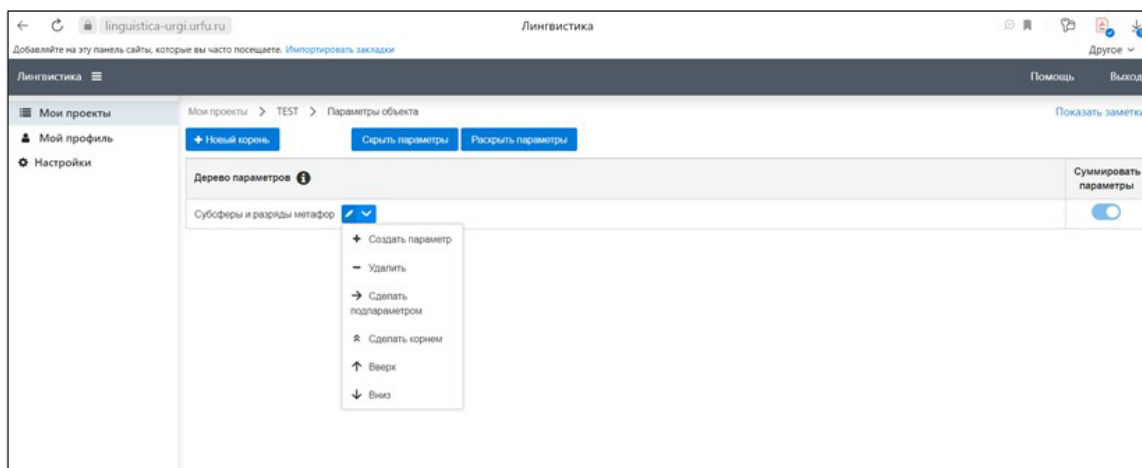

Рис. 5. Создание корневого основания классификации и веток-параметров

В каждой субсфере выделяются определенные разряды метафор, что необходимо отразить в классификационном дереве. Поскольку классификация типов метафор строится по древовидному принци-

пу, в каждой родительской ветке при ее создании устанавливается значение «Суммировать параметры» (рис. 6).

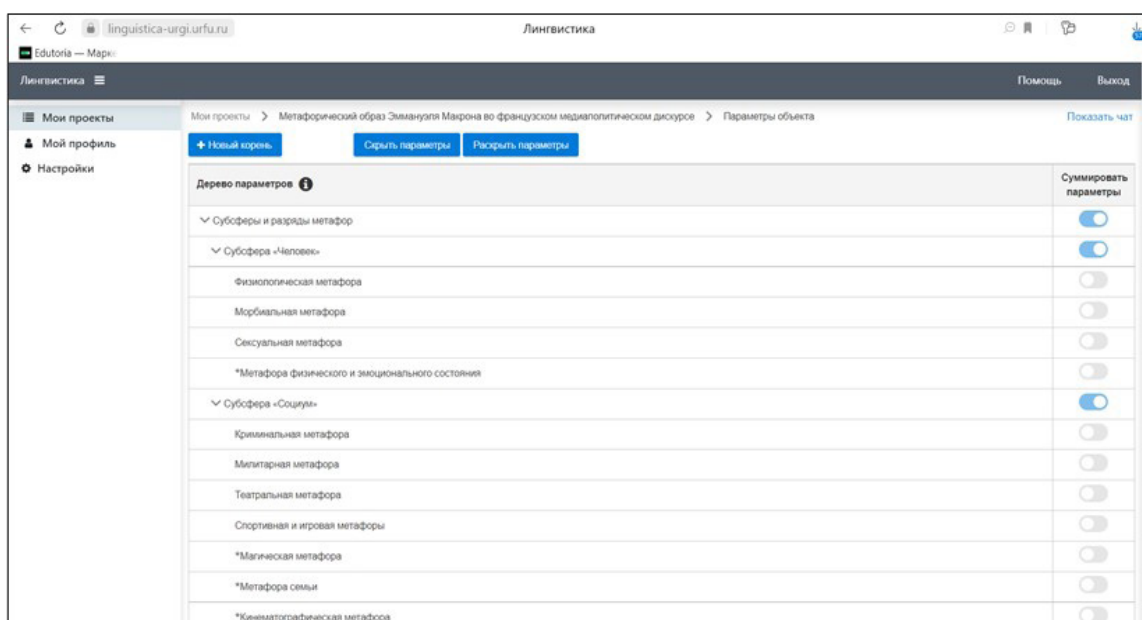

Рис. 6. Построение классификационного дерева

Принцип «не суммировать» позволяет создать множество классификаций в одном корневом основании. Каждый создаваемый дочерний параметр есть корень новой классификации. Приведем пример из другой работы, выполненной в русле эратоло-

гии. В данном проекте корень «Типология речевых ошибок» объединяет разные классификации: «Типы речевых ошибок по локализации», «Типы по уровням языка», «Типы по значимости в акте коммуникации» и т. д. Выбрать принцип можно при создании корня/

параметра или при его редактировании. Используя принципы «Суммировать» и «Не суммировать», можно «вырастить» классификационные деревья со сложной иерархией любой длины.

При наборе и обработке нового материала дерево достраивается и/или перестраивается, отражая и уточняя направление научно-познавательной деятельности исследователя.

В цитируемых проектах разряды метафор, не зафиксированные в других работах, вводились со специальной пометой *. В частности, в проекте «Метафорический образ России в британских СМИ: опыт корпусного исследования» классификатор пополнился метафорами физического и эмоционального состояния, коммерческой и транспортной метафорами, в работе «Метафорический образ Эммануэля

ля Макрона во французском медиаполитическом дискурсе» — магической, кинематографической, мифологической и др.

В последнем исследовании также удалось охарактеризовать не только сферы-источники (в других терминах — сферы-доноры, источники метафорической экспансии), но и сферу-мишень (ментальную сферу-магнит, направление метафорической экспансии). Были выделены ее отдельные участки, притягивающие соответствующие метафоры, а именно: личные качества действующего президента Франции; соратники и окружение; политическая программа; отношения с избирателями; успехи, достижения, — в связи с чем был введен еще один корень для построения отдельной классификации (рис. 7).

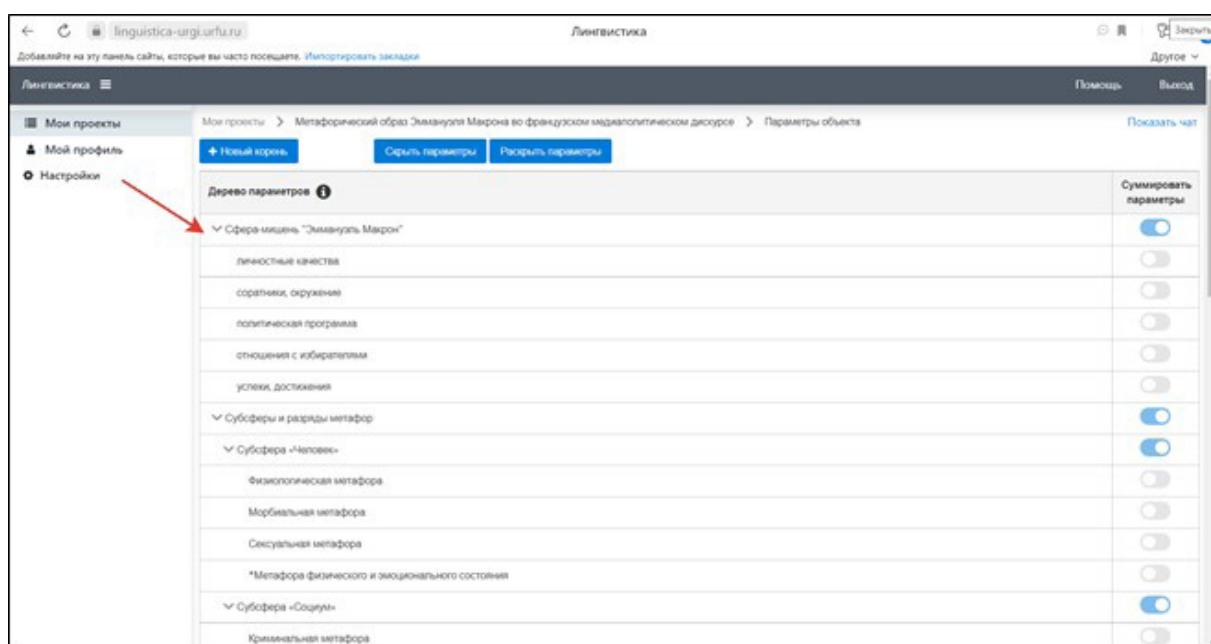

Рис. 7. Корень «Сфера-мишень “Эммануэль Макрон”» — основание второй классификации

Классификационное дерево может иметь более сложную, многоуровневую структуру. Если бы была поставлена задача выявить фреймо-слотовую структуру сферы-источника, то классификационное дерево приняло бы вид, показанный на рис. 8, где частично представлены слоты, входящие в фрейм «Тело человека», относящиеся к физиологической метафоре (метафорическая модель «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ — это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ»).

Если в процессе исследования в архитектуру подобного классификационного дерева вносятся серьезные изменения (удаление параметров или изменение в иерархии), это может сопровождаться разрывом связей в структуре дерева. Необходимо

помнить, что данные операции влекут за собой сброс данных по этим параметрам. Система «обучена» выявлять разорванные связи, локализовать «проблемные» фрагменты и параметры и отражать эти ошибки в списке фрагментов на странице анализа текстов и в списке текстов проекта.

В «Конструкторе текстов» (рис. 9) пользователь может воспользоваться уже внесенными в систему классификациями жанров литературного текста, сферой функционирования текста, типов текстов и тематикой текстов. В системе используются классификации, разработанные создателями Национального корпуса русского языка [7], с небольшой адаптацией. Их можно перестраивать, сворачивать/разворачивать, а также строить собственные

классификационные деревья при помощи тех же инструментов, что и в «Конструкторе параметров объекта». По умолчанию в колонке «Используется» установлено положительное значение переключателя.

Если учет экстралингвистических данных для работы не важен, то необходимо отключить корневой параметр со всеми параметрами или отдельные параметры в списке.

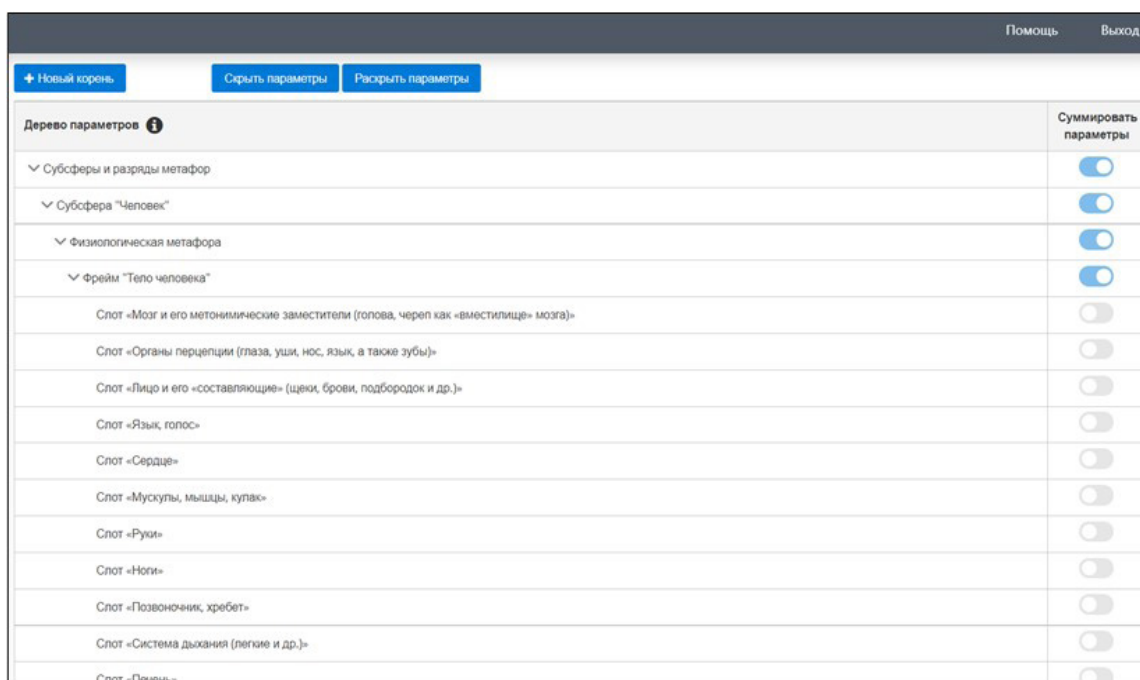

Рис. 8. Фреймо-слотовая структура сферы-источника в «Конструкторе параметров объекта»

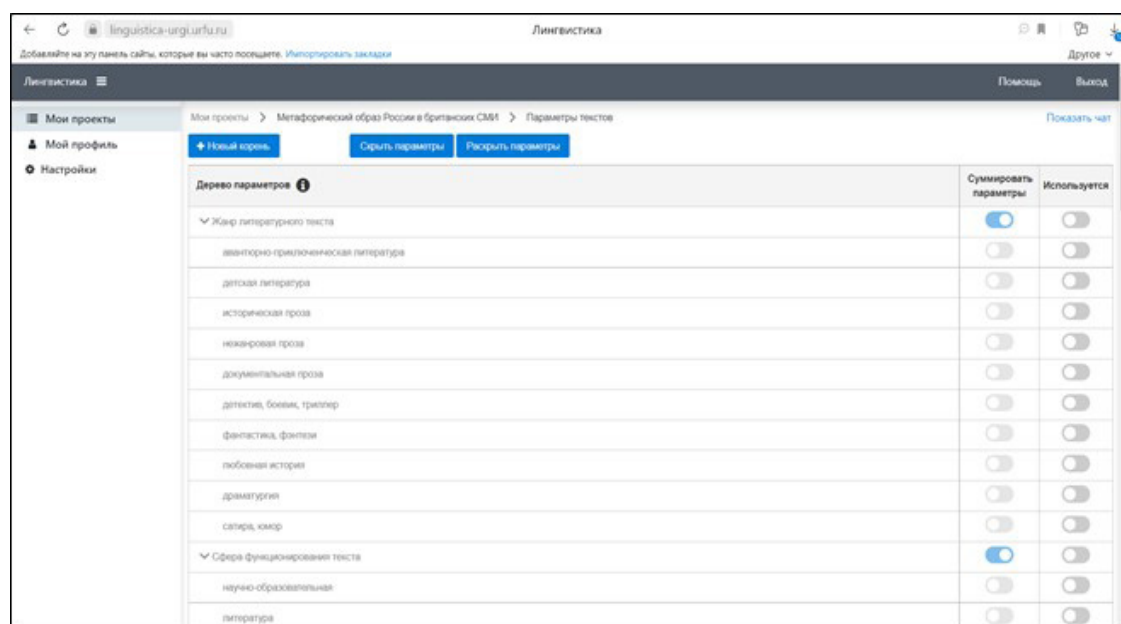

Рис. 9. Конструктор текстов

Последовательность этапов 2 и 3 вариативна: лингвист-эксперт может начать как с ввода текстов, так и с построения классификационного дерева.

Этап 4. Анализ фрагментов. Данный этап заключается в идентификации метафор в текстах / текстовых фрагментах, их фиксации и распределении метафор по параметрам классификации. Для

введения в базу данных текстового фрагмента, содержащего метафору, необходимо его выделить и нажать на всплывающую кнопку «Добавить». Фрагмент вносится в список в нижнем поле; справа раскрывается поле для его анализа (рис. 10) — классификационное дерево, созданное в «Конструкторе параметров объекта».

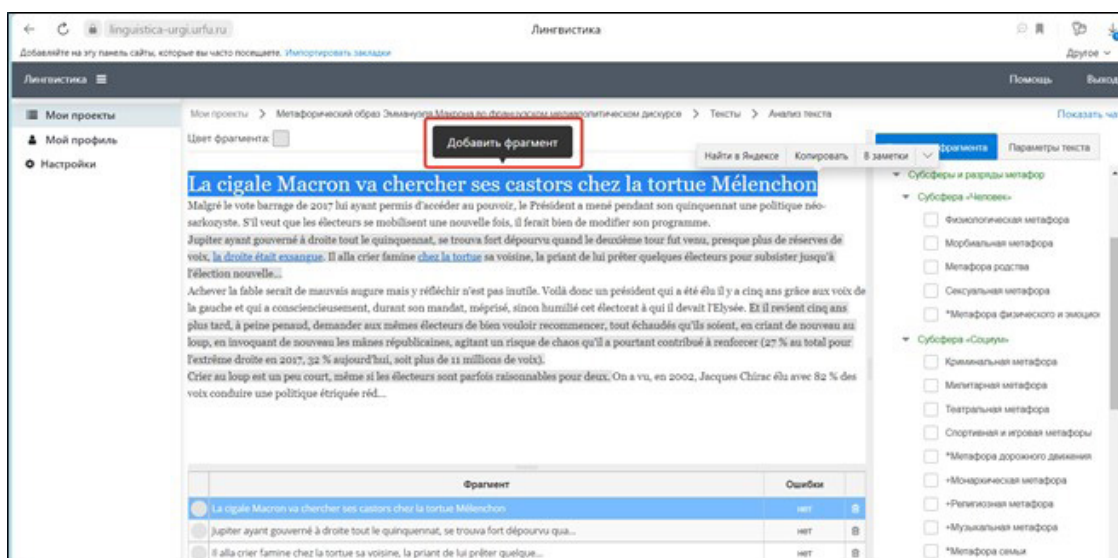

Рис. 10. Фиксация в базе данных текстового фрагмента, содержащего метафору

Таким образом анализируется весь массив текстов: исследователь выделяет фрагменты и приписывает им принадлежность к тому или иному параметру.

Необходимо следить за колонкой «Ошибки» внизу страницы. Если какой-либо фрагмент был выделен, но не проанализирован (то есть не были проставлены галочки в классификаторе), то система отследит и обозначит в данной колонке словом «да». В этом случае необходимо будет вернуться к фрагменту и провести анализ.

Для комфортной работы со страницей предусмотрена возможность перемещения границ полей. Достаточно зацепить курсором границу и перетащить ее вверх (для поля «Фрагменты») или влево (для поля анализа).

Этап 5. Анализ количественных данных. Результаты анализа отражаются в меню «Отчеты» (рис. 11).

Дерево параметров	Количество фрагментов	% по отношению к корневому параметру	% от всего количества фрагментов
Сфера жизни "Эммануэль Макрон"	128	100	100
личностные качества	51	39,84	39,84
соратники, окружение	28	21,88	21,88
политическая программа	35	27,34	27,34
отношения с избирателями	6	4,69	4,69
успехи, достижения	8	6,25	6,25
Субсферы и разряды метафор	128	100	100
Субсфера «Человек»	22	100	17,19
физиологическая метафора	13	59,09	10,16
Моральная метафора	7	31,82	5,47
Сексуальная метафора	1	4,55	0,78
*Метафора физического и эмоционального состояния	1	4,55	0,78
Субсфера «Социум»	62	100	48,44
Криминальная метафора	2	3,23	1,56
Мелитивная метафора	6	9,68	4,69

Рис. 11. Отчет по проекту

В колонке «Количество фрагментов» отражаются абсолютные данные — количество выделенных в текстах и проанализированных фрагментов.

Необходимо обратить внимание, что при наличии двух и более корневых оснований количество проанализированных фрагментов должно совпадать

и составлять 100% (см. колонки «Количество фрагментов» и «% по отношению к корневому параметру»). На рис. 11 представлен отчет по проекту, в котором было введено два корневых основания — «Сфера-мишень» и «Субсферы и типы метафор» сферы-источника. По каждому основанию проанализировано 128 текстовых фрагментов, что составляет 100% материала. Совпадение абсолютных и относительных данных означает, что все фрагменты были проанализированы. Возможны две причины отсутствия совпадения: 1) при анализе пропущен один или более фрагментов (следует вернуться к начальной странице проекта и проверить, проставлено ли «да» в колонке «Ошибки», открыть соответствующий текст, найти фрагменты с ошибками и проанализиро-

вать); 2) некорректно выставлены значения в «Суммировать параметры» (следует перейти к странице классификационного дерева и проверить значения).

Таблицу можно сохранить в формате Excel. Перейти к просмотру примеров по параметрам можно нажатием на числовое значение в колонке «Количество фрагментов».

Этап 6. Работа с конкордансом. Работая с конкордансом, исследователь имеет возможность не только просматривать отфильтрованные фрагменты, но и переходить в текст-источник, получая таким образом доступ к макроконтексту употребления исследуемого объекта, при необходимости продолжать работу с этим текстом и фрагментами, корректировать проведенный анализ (рис. 12).

Фрагменты	Метаданные	
La cigale Macron va chercher ses castors chez la tortue Mélenchon	Источник: Libération Автор: Michel Becquembois Дата: 10.04.2022	0,78
Cette attitude est parfois considérée comme infériorisant l'autre : on se grossit, on se grandit et on prend de la place face à l'autre. Il prend alors l'espace dédié aux candidats comme parfois dans le monde animal, un oiseau déploierait ses ailes.	Источник: L'Obs Автор: Manon Bernard Дата: 20.04.2022	3,91
La grenouille, le boeuf, le lion, le renard, le loup, le lièvre et la tortue... Les voici attablés pour évoquer, écouter et discuter des bouts de programme qu'il faut encore densifier et détailler. Nous nous garderons bien de préciser qui coasse et qui rugit, qui meugle et qui glapit.	Источник: L'Express Автор: Laureline Dupont Дата: 06.04.2022	0,78
Alexis Kohler présente les propositions de sa petite équipe. Cette dernière se compose essentiellement de "technos", comme lui, devenus les bêtes noires des politiques macronistes qui brocardent leur rigidité, leur déconnexion aussi.	Источник: L'Express Автор: Laureline Dupont Дата: 06.04.2022	7,81
« Chacun son espace et les vaches seront bien gardées », songe un cadre de la campagne qui n'ignore rien des frictions qui secouent la garde rapprochée d'Emmanuel Macron.	Источник: L'Express Автор: Laureline Dupont Дата: 06.04.2022	1,56
Le score de Macron, plus élevé que prévu par les sondages, donne des ailes aux militants.	Источник: Charlie Hebdo Автор: Laure Daussy Дата: 12.04.2022	2,34

Рис. 12. Список фрагментов по параметру «Зооморфная метафора»

Пользователь располагает возможностью копирования в буфер выбранного фрагмента с метаданными для последующей вставки в текст формата Word (в текст диссертации, статьи) в формате: Выделенный фрагмент [Источник, автор, дата], например: Le score de Macron, plus élevé que prévu par les sondages, donne des ailes aux militants. [Charlie Hebdo, Laure Daussy, 12.04.2022].

Этап 7. Работа с фильтрами. Данный этап является факультативным и позволяет устанавливать статистически достоверные корреляции между экстра- и лингвистическими особенностями текстов и объектов, использовать эвристические приемы, способные привести к обнаружению тех или иных зависимостей, свойств объекта и т. д.

В случае постановки дополнительных задач, решение которых должно осуществляться на ограниченном по тому или иному принципу материале, исследователь может наложить один или несколько фильтров (ограничить вывод количественных данных) по источнику, хронологическому отрезку, автору и/или другим параметрам, зафиксированным в системе, и получить соответствующий статистический отчет. Например, определенный период + автор или источник + другие ограничения, диктуемые исследовательской логикой; или: тематический дискурс + период и так далее в разумных конфигурациях. Например, поставим перед собой следующую задачу: выявить типы метафор, структурирующих участки сферы-мишени «личностные качества» (рис. 13).

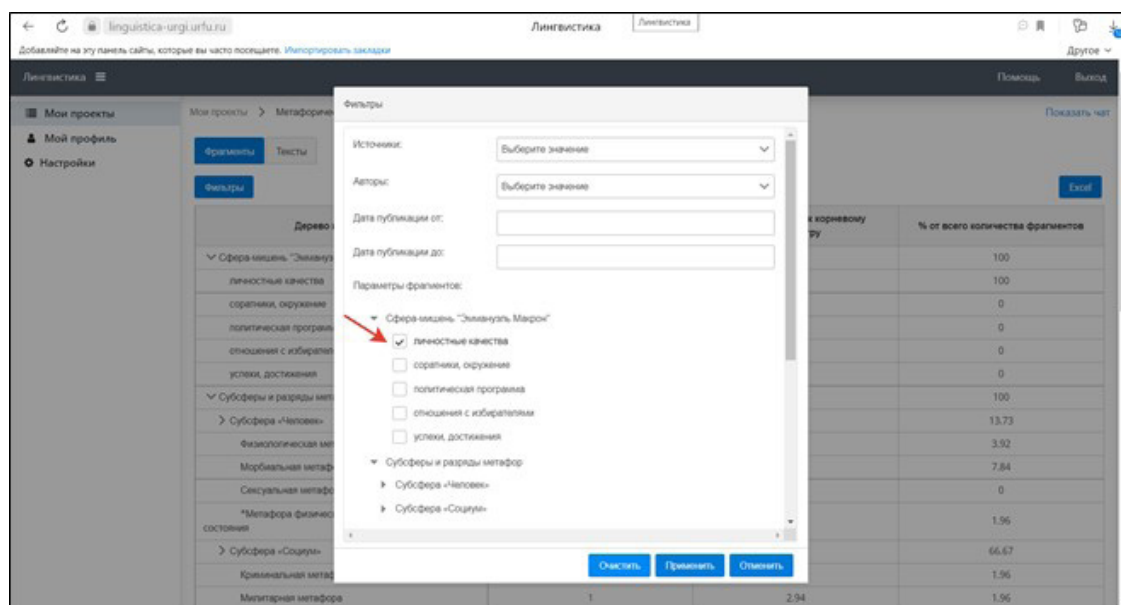

Рис. 13. Форма настройки фильтров

Выделим в форме данный параметр и проанализируем полученные данные (рис. 14).

Как проиллюстрировано на рис. 14, система накладывает фильтр на имеющиеся данные и отражает только релевантные (ср. с рис. 11).

Дерево параметров	Количество фрагментов	% по отношению к корневому параметру	% от всего количества фрагментов
Субферы и разряды метафор	51	100	100
Субфера «Человек»	7	100	13.73
Физиологическая метафора	2	28.57	3.92
Моральная метафора	4	57.14	7.84
Сексуальная метафора	0	0	0
*Метафора физического и эмоционального состояния	1	14.29	1.96
Субфера «Социум»	34	100	66.67
Криминальная метафора	1	2.94	1.96
Милитарная метафора	1	2.94	1.96
Театральная метафора	2	5.88	3.92
Спортивная и игровая метафоры	3	8.82	5.88
*Метафора дородного давления	0	0	0
*Монархическая метафора	9	26.47	17.65
*Религиозная метафора	2	5.88	3.92
*Музыкальная метафора	0	0	0
*Метафора семьи	1	2.94	1.96
*Институциональная метафора	0	0	0
*Магическая метафора	5	14.71	9.8
*Кинематографическая метафора	2	5.88	3.92
*Мифологическая метафора	4	11.76	7.84

Рис. 14. Статистические данные по фильтру «Личностные качества»

В полиязыковом проекте возможен еще один этап — сопоставление отчетов по языковым коллекциям. Для этого на этапе создания проекта необходимо указать языки текстов, а при вводе текста выбирать язык, привязывая таким образом текст к нужной языковой коллекции. На странице «Отчеты» появится кнопка «Сопоставить», нажатие на которую приведет к открытию двух отчетов, где можно будет выставить значение языка.

Успешное выполнение перечисленных этапов позволяет перейти к интерпретации полученных данных, их синтезу с результатами интроспекции и других используемых в исследовании методов и методик.

Круг вопросов, которые можно решить при помощи системы, достаточно широк и не исчерпывается тематикой политической метафоры. «Лингвистика» также успешно использовалась в исследованиях дискредитирующих тактик в дискурсе социальных

медиа [2], французской абсолютной причастной конструкции [3], парцелляции в русском и французском газетном дискурсе [1], морфологических ошибок в письменной речи носителей эритажного русского языка и других работах.

Заключение

Предлагаемый алгоритм экспертного анализа в системе «Лингвистика» включает семь обязательных этапов: создание проекта, ввод текстовых данных, построение классификационных деревьев,

анализ фрагментов, анализ количественных данных, работа с конкордансом и фильтрами. В полиязыковых проектах возможен восьмой этап — сопоставление отчетов по языковым коллекциям. Алгоритм обработки и анализа данных в системе может варьироваться в зависимости от задач исследования. Практика применения системы в конкретных исследованиях показала полезность встроенных в нее инструментов, надежность и удобство в работе, практическую эффективность для решения широкого круга задач.

Список источников

1. Богоявленская Ю. В. Парцелляция в русском и французском языках: опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. 214 с.
2. Богоявленская Ю. В. Стратегия дискредитации чужих во французском дискурсе социальных медиа // Вопросы управления. 2021. № 5 (72). С. 5—21.
3. Богоявленская Ю. В. Теория абсолютной причастной конструкции: дискуссионные вопросы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 5. С. 177—190.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 08.06.2022).
5. Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Междисциплинарные тренды современной лингвистики // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 33—39.
6. Плотникова М. В., Скворцов О. Г. Метафорическая репрезентация концепта Мегзит в британском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 298—302.
7. Рубайло А. В., Косенко М. Ю. Программные средства извлечения информации из текстов на естественном языке // Альманах современной науки и образования. 2016. № 12 (114). С. 87—92.
8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
9. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот. М.: ФЛИНТА, 2020. 234 с.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
11. AntConc (версия 3.5.9). URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения 27.06.2022).
12. English corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 08.06.2022).
13. GATE. URL: <https://gate.ac.uk/overview.html> (дата обращения 08.06.2022).
14. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения 27.06.2022).
15. UAM. URL: <http://corpustool.com/index.html> (дата обращения 08.06.2022).
16. WordSmith Tools. URL: <https://www.lexically.net/wordsmith/> (дата обращения 08.06.2022).

References

1. Bogoyavlenskaya YuV. Parcelliyaciya v russkom i francuzskom yazykah: opyt sopostavitel'nogo kognitivno-semioticheskogo issledovaniya = Parcelling in Russian and French: the experience of comparative cognitive-semiotic research. Ekaterinburg; 2021. 214 p. (In Russ.).
2. Bogoyavlenskaya YuV. Strategy of discrimination against strangers in french social media discourse. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2021;(5(72)):5-21. (In Russ.).
3. Bogoyavlenskaya YuV. Absolute Participial Construction Theory: Controversial Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;(20(5)):177-190. (In Russ.).
4. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka = National Corpus of the Russian language. Available from: <http://ruscorpora.ru> (accessed 08.06.2022). (In Russ.).

5. Norman BYu, Muhin MYu. Interdisciplinary Trends of Modern Linguistics. *Filologicheskij klass = Philological class*. 2021;(26(2)):33-39. (In Russ.).
6. Plotnikova MV, Skvorcov OG. Metaphorical representation of Megxit in british media discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive language studies*. 2020;(2(41)):298-302. (In Russ.).
7. Rubajlo AV, Kosenko MYu. Software tools for information extraction from natural-language texts *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*. 2016;(12(114)):87-92. (In Russ.).
8. Chudinov AP. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii = Metaphorical mosaic in modern Political Communication. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. 248 p. (In Russ.).
9. Chudinov AP, Budaev EV, Solopova OA. Politicheskaya metaforologiya: Diskursivnyj povorot = Political Metaphorology: A Discursive Turn. Moscow: Flinta; 2020. 234 p. (In Russ.).
10. Chudinov AP. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) = Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2001. 238 p. (In Russ.).
11. AntConc (version 3.5.9). Available from: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (accessed 27.06.2022).
12. English corpora. Available from: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed 08.06.2022).
13. GATE. Available from: <https://gate.ac.uk/overview.html> (accessed 08.06.2022).
14. Sketch Engine. Available from: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 27.06.2022).
15. UAM. Available from: <http://corpustool.com/index.html> (accessed 08.06.2022).
16. WordSmith Tools. Available from: <https://www.lexically.net/wordsmith/> (accessed 08.06.2022).

Информация об авторе

Ю. В. Богоявленская — доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет.

Information about the author

Yuliya V. Bogoyavlenskaya — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Professor, Department of German and French, Petrozavodsk State University.

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 07.05.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 07.05.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES AND DISCOURSES, TRANSLATION STUDIES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 64—69.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):64-69. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81'1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10707

СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ РЕАЛИИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИХ НОМИНАЦИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Алла Викторовна Большак¹, Карина Сергеевна Волошина²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹al.bolshak@mail.ru

²ksvoloshina@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты исследования сущности ряда современных реалий, характерных для американского общества, а также варианты перевода их названий на русский язык. Дано определение концепта «реалия» как категории, которая отражает национальный колорит конкретного народа и относится к разряду безэквивалентной лексики. В качестве отправной точки в выборе анализируемых реалий послужил лозунг American Way, а именно: социальное равенство, отношение к организации рабочего процесса, а также межличностные отношения.

Ключевые слова: реалия, менталитет, способ перевода, картина мира, идеология, специфически национальный концепт

Для цитирования: Большак А. В., Волошина К. С. Современные американские реалии и способы перевода их номинаций на русский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 64—69. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10707.

Original article

MODERN AMERICAN REALIA AND WAYS OF TRANSLATING THEIR NOMINATIONS INTO RUSSIAN

Alla V. Bolshak¹, Karina S. Voloshina²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹al.bolshak@mail.ru

²ksvoloshina@gmail.com

Abstract. The article represents the study results of a series of contemporary realia typical of American society and considers the examples of their names translation into Russian. The definition of the concept “realia” is given, viz. a category, which reflects a specific national character and refers to lexis non-equivalent to other languages lexis. The motto American Way, including social equality, attitude to working process and interpersonal relations, has become a starting point for selecting the realia as a subject of this analysis.

Keywords: realia, mentality, a way of translation, worldview, ideology, specific national concept

For citation: Bolshak AV, Voloshina KS. Modern American realia and ways of translating their nominations into Russian. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):64-69. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10707.

© Большак А. В., Волошина К. С., 2022

Введение

Предметом настоящего исследования являются реалии, которые охватывают социальную сторону американского общества. В этой связи следует заметить, что появление и распространение рассмотренных в данной работе реалий произошло на фоне определенных событий и с учетом идеологических установок, превалировавших в США в разные исторические периоды. При этом в силу глобализации мирового пространства многие из них в той или иной степени отразились и на образе жизни людей в других странах.

Актуальность исследования объясняется в первую очередь тесным взаимодействием между представителями наших стран на всех уровнях (это и личные контакты бытового характера, и реализация профессиональных связей, и совместные научно-исследовательские мероприятия, и многое другое), где четкое представление о национальных реалиях может повлиять на характер и результат процесса коммуникации. Практика показывает, что знание реалий, которые характерны для конкретной страны, также помогает лучше понять менталитет ее жителей и их восприятие целостной картины мира.

Мы полагаем, что, обладая информацией о первопричинах появления этих реалий, можно спрогнозировать возможность их адаптации на территории других стран и то, как они повлияют на мировоззрение их граждан. При этом следует подчеркнуть, что в статье не содержится оценочных суждений относительно представленных в ней реалий, поскольку в данном случае в сферу интересов исследователей входило изучение содержательной стороны этих явлений, их языкового выражения, а также способов перевода названий реалий на русский язык.

Цель исследования заключалась в том, чтобы показать эксплицитные предпосылки возникновения некоторых наиболее распространенных реалий, характеризующих социальную сторону американского образа жизни, описать отношение к ним различных слоев населения, представить варианты перевода их номинаций на русский язык и отметить, какие из них ассимилировались в нашей стране. Последний пункт представляется нам особенно важным, поскольку, как свидетельствует история, заимствование тех или иных реалий одним народом у другого может иметь как положительный, так и отрицательный результат.

В ходе проведения данного исследования были решены следующие задачи: 1) выделены основные блоки современных реалий, отражающих социальные аспекты жизнедеятельности американского

общества; 2) отмечены факторы, влияющие на скорость и территориальный охват распространения указанных реалий; 3) стратифицированы реалии, которые с течением времени перекочевали в российскую действительность.

Метод исследования — наблюдение — выбран с учетом специфики цели и задач, описанных выше.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты можно использовать в качестве иллюстративного материала на занятиях по практике перевода, страноведению, культурологии, истории и ряду других дисциплин, связанных с изучением социальной стороны жизнедеятельности общества.

Материалом для исследования послужили газетные и журнальные публикации, научные статьи, посвященные социально-бытовым аспектам жизни в США, энциклопедии.

Отправной точкой нашего исследования стала реалия, которая, на наш взгляд, является своего рода оценкой самих американцев уровня жизни в стране и понимании того, какое место она занимает на мировой арене, — выражение *American Way*. Согласно словарю Longman Dictionary of English Language and Culture, это система убеждений или ценностей, которых придерживаются многие американцы и которые являются для них неписаными законами. В идеале значение этой фразы можно истолковать следующим образом: американцы много трудятся на благо своей страны, борются за справедливое отношение ко всем людям, а также искренне верят в себя и свою способность изменить мир к лучшему [14. С. 34]. «Американский путь», «американский образ жизни» — эти фразы стали в Соединенных Штатах настолько популярными, что каждая победа Супермена из одноименного телесериала заканчивается восклицанием *And this is the American Way!*, которое закрепилось в русском переводе как «Вот это по-американски!» [1]. Но иногда это выражение используется с негативным оттенком: не секрет, что многие американцы считают, что они заслуживают материальных благ более высокого уровня [14. С. 34].

В этой статье мы представим американские реалии в соответствии с теми позициями, которые и отражает выражение *American Way*, а именно: социальное равенство, отношение к организации рабочего процесса, а также межличностные отношения, которые реализуются на уровне семьи, трудового коллектива и сообщества в целом.

Для более полного понимания сути нашего исследования приведем несколько точек зрения на природу реалии. В Толковом словаре русского языка

С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой реальия определяется как единичный предмет, вещь; то, что есть, существует [6. С. 641]. Толковый переводческий словарь Л. Л. Нелюбина дает четыре значения понятия «реалия», но для нашего исследования подходит то, где сказано, что это слова, которые передают национально-специфические черты жизни и быта какого-либо народа [5. С. 178].

Е. Е. Жук также обращает внимание на то, что реалии отождествляются с укладом жизни и культурой этносов, проживающих на определенной территории [4. С. 50]. Н. А. Фененко отмечает, что как фило-софский феномен реалия функционирует в рамках определенного пространственно-временного континуума [8. С. 7]. В данном исследовании представлены реалии, которые обозначают нематериальные понятия, а именно названия наиболее распространенных среди американцев мероприятий, реализация которых стала возможна благодаря конкретным событиям, сопряженным с социальной стороной жизни общества. Также дана экстралингвистическая характеристика данных понятий.

Что касается переводческого аспекта, связанного с реалиями, то здесь мы разделяем точку зрения А. В. Федорова о том, что переводим мы только их названия, поскольку сами реалии как элемент национальной идентичности воспроизвести в другом языке невозможно [7. С. 151].

Теперь перейдем непосредственно к классификации реалий, которые отождествляются с выражением *American Way* и начнем с принципа равноправия, который, по мнению американцев, является основополагающим фактором их идентичности. Наше исследование показало, что вопросы как расового, так и гендерного равенства нашли свое отражение в реалиях, появившихся вследствие ряда событий, которые были истолкованы многими американцами как дискриминационные. Так, цель массового протестного движения под лозунгом *Black Lives Matter*, или сокращенно *BLM*, возникшего после определенных событий, связанных с гибелью афроамериканца, по сути, заключается в том, чтобы положить конец насилию в отношении чернокожих [11].

Однако, обращаясь к истории США, можно увидеть более раннюю версию данной реалии, когда в 1960—70-х гг. в стране активизировались так называемые *Black Panthers* — *Черные пантеры*, группа молодых людей, которые поддерживали насильственные методы борьбы с целью добиться изменений в законе и искоренения расовой дискриминации [14. С. 115]. Одно из широко распространенных явлений указанного периода называлось

redlining — практика «красной черты», что на русский язык переводится с помощью кальки и добавления уточняющего слова *практика*. Ее суть заключалась в том, что ряду граждан, преимущественно темнокожим представителям населения, по расовым соображениям часто отказывали в выдаче ссуды по закладной на дома в старых или трущобных районах. Справедливости ради отметим, что в настоящее время ситуация коренным образом изменилась и афроамериканцы больше подобного отношения к себе не испытывают.

Рассмотрим еще несколько примеров американских реалий, о которых мы практически ежедневно узнаем из различных СМИ. Так как сейчас в США протесты приобрели массовый характер, они стали привычным событием. Однако далеко не все из них заканчиваются мирно — одной из реалий, сопровождающих подобные акции, стало массовое разграбление магазинов, то есть *looting* [12], производное от существительного *loot* — вещи, принадлежащие частному лицу и изъятые у него незаконным способом [15. С. 368]. Здесь нужно заметить, что помимо общепринятых эквивалентов *грабеж* и *мародерство*, которые относятся к сфере фиксации, часто в русском языке можно услышать и вариант перевода из сферы функционирования — *лутинг*, воспроизведенный посредством транскрипции.

Стремление американцев к равноправию полов также нашло отражение в появлении такой реалии, как движение *MeToo*, которое в русскоязычной версии звучит как *ЯНеБоюсьСказать* (перевод осуществлен посредством интерпретации). Движение сформировалось в 2017 г. после обвинения известного продюсера Харви Вайнштейна в домогательствах к актрисам в обмен на участие в их продвижении по карьерной лестнице. В контексте рассматриваемой нами реалии следует сказать, что само название данной акции происходит от термина *me-tooism*, который, согласно Большому англо-русскому словарю под общим руководством И. Р. Гальперина, на политическом жаргоне означает *использование лозунгов противной политической партии* [2. С. 999].

При этом в другом источнике — Collins English Dictionary — существительное *me-tooism* представлено как элемент общепотребительной лексики и определяется как подход к созданию продукта, предложению услуг и так далее путем дублирования уже устоявшейся практики [12]. Иными словами, претерпев семантическую прогрессию, данное понятие приобрело сейчас феминистический уклон. При этом не исключен тот факт, что на фоне стремительно меняющейся социально-политической

ситуации в стране описанный нами тренд, возможно, будет иметь временный характер.

В то же время интересным является тот факт, что в словаре Longman Dictionary of English Language and Culture выражение *me too* отмечено как уничижительное, означающее буквально следующее: копирование того, что сделали другие, не принимая самостоятельного решения [14. С. 836].

Cancel culture — культура отмены, представляя собой новую модель общественного порицания (о которой во всем мире активно заговорили в 2017 г.), также стала неотъемлемой реалией американского общества. Словарь Dictionary.com определяет это явление как практику публичного осуждения, бойкота или прекращения поддержки определенных людей или групп из-за того, что их взгляды или действия воспринимаются как неприемлемые с точки зрения социальных или моральных установок [13]. Важным моментом является то, что реализация такой практики на территории западных государств, в первую очередь в США, стала возможной во многом благодаря глобальному медиaprостранству, где социальные сети являются источником получения любой информации [3. С. 21].

Теперь рассмотрим несколько реалий, которые дают некоторое представление об отношении американцев к работе. В последнее время в русском языке можно услышать термин «коворкинг». Это транслитерированная версия английского слова *co-working*, которое подразумевает новую модель организации трудового процесса, при котором определенное количество самозанятых работников, а также тех, кто работает удаленно, совместно арендуют помещение для более эффективной производительности [11]. Основными характеристиками такой схемы организации труда являются: демократичная обстановка (отсутствие офисной рутины в общепринятом понимании), дисциплина на рабочем месте, а также возможность завести полезные знакомства. Отметим, что в России данный тренд также набирает популярность.

Dress-down Fridays, или *casual Fridays* — это популярная в США политика, которая позволяет сотрудникам компаний по пятницам не соблюдать принятый в данной организации дресс-код, а приходить на работу в повседневной одежде. Своими корнями уходит еще в 1940-е гг., когда в власти города Гонолулу, штат Гавайи, по причине жаркого климата разрешили рабочим большую часть года носить на работу национальную рубаху с короткими рукавами из дешевой хлопчатобумажной ткани, однако наибольшую популярность данная концепция приобрела в конце 1990-х и начале 2000-х гг.,

когда технологические компании (особенно в Калифорнии) прославились тем, что позволяли своим сотрудникам по пятницам приходить на работу в повседневной одежде, что по мнению работодателей создавало дружескую, непринужденную обстановку, которая положительно влияла на показатели этих компаний [9].

Еще одной реалией, относящейся к организации труда, является выражение *affirmative action*, которое переводится как *компенсационная дискриминация* и означает прием на работу с намеренным предоставлением преимуществ традиционно дискриминируемым группам; первоначально политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации [Там же].

Теперь рассмотрим несколько реалий американской действительности, которые дают определенное представление о межличностных отношениях, характерных для граждан этой страны. Начнем с такого понятия, как *co-living*, которое означает совместное проживание группы людей в пределах одной жилплощади, когда все члены данного сообщества имеют равный доступ к объектам общего пользования [11] и, что самое главное, разделяют одни и те же интересы. Поскольку это относительно новая реалия, ее название в русском языке встречается пока только в сфере функционирования, причем эквивалентность достигается за счет транскрипции оригинала. Как и в случае с коворкингом, коливинг также становится частью и российской действительности.

Еще одной реалией, которая также зародилась в США, является феномен под названием *childfree*, которое по причине своей новизны в русском языке либо встречается в транскрипционной форме — *чайлдфри*, либо переводится калькой и сопровождается переводческим комментарием: *свободный от детей (отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо иметь их)* [9]. Такая практика семейного состояния также получила распространение и в России.

В противовес реалии *чайлдфри* приведем пример более оптимистичной традиции, которая в американском обществе получила название *baby shower*. Поскольку данное выражение также относится к разряду безэквивалентной лексики, в русскоязычных СМИ можно встретить следующие варианты его перевода: 1) транскрипция — бэби шауэр; 2) калька — младенческий дождь; 3) описание — вечеринка за два месяца до рождения ребенка (собираются подруги будущей мамы и дарят подарки для ребенка). Эта реалия стала неотъемлемой частью американского общества после окончания Второй

мировой войны, когда близкие люди хотели сделать приятное будущей маме и поздравить ее с приближением важнейшего события в ее жизни [11]. Здесь также следует заметить, что благодаря социальным сетям данная тенденция нашла свой отклик и среди россиян, хотя и реализуется не столь активно.

Еще одной характерной чертой американцев являются желание и готовность участвовать в различных благотворительных мероприятиях, как, например, оказание помощи продовольствием малоимущим гражданам. И можно сказать, что такая реалья, как *food bank* — место, где бесплатно раздаются продукты питания нуждающимся [12], стала вполне привычным понятием для граждан этой страны. На русский язык значение данного выражения можно передать либо посредством описательного перевода — *благотворительный продовольственный фонд*, либо путем калькирования — *продовольственный банк*.

Помимо реалий, которые дают представление о взаимоотношениях между членами сообщества, можно отметить и обращение американцев с животными. Так, понятие *re-homing*, значение которого в русском языке передается также путем звукового воспроизводства — *рехоуминг*, означает следующее: ситуация, когда человек берет под опеку домашнее животное, которое предыдущий хозяин бросил или передал в приют или службу спасения [10]. Здесь нужно сказать, что подобная практика существует

и в нашей стране, однако номинации для ее обозначения в русском языке пока нет.

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в настоящее время основным источником распространения знаний о реалиях разных стран являются различные СМИ, социальные сети и туристическая сфера. Активное участие представителей разных отраслей знаний в международных проектах и программах, бизнес-контакты и многое другое также способствует формированию представления о характере реалий народов, проживающих на конкретных территориях.

Четкое представление о сути данных явлений и их роли в жизни того или иного народа является одним из важнейших критериев, которые следует учитывать в процессе коммуникации с представителями разных стран. Вследствие доминирующего положения США на международной арене их реалии, как устоявшиеся, так и новые, по ряду причин привлекают внимание многих людей по всему миру, поэтому, изучая реалии американского общества, можно проследить не только, как изменяются представления о некоторых аспектах жизни граждан этой страны, но и какие из наиболее распространенных американских реалий становятся частью действительности в других странах и как на это реагируют их жители.

Список источников

1. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru> (дата обращения 31.01.2022).
2. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Т. 1 / Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург [и др.]; под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. М.: Рус. яз., 1987. 1038 с.
3. Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 19—24.
4. Жук Е. Е. Реалии и способы их передачи при адаптации текста на иностранном языке // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2015. Вып. 3 (164). С. 49—53.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2017. 896 с.
7. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
8. Фененко Н. А. Лингвистический статус термина *реалия*. Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, ч. 1. С. 5—9.
9. ABBYY Lingvo 12. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения 04.02.2022).
10. Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL: <https://en-academic.com> (дата обращения 04.02.2022).
11. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения 03.02.2022).
12. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 31.01.2022).
13. Dictionary.com. URL: <https://dictionary.com> (дата обращения 07.02.2022).
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1992. 1542 p.
15. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford Univ. Press, 1984. 770 p.

References

1. Akademik. Slovari i entsiklopedii na Akademike = Academic. Dictionaries and encyclopedias on Academic. Available from: <https://translate.academic.ru> (In Russ.).
2. Apresyan YuD, Galperin IR, Ginzburg RS, Mednikova EM (compil.). Bol'shoy anglo-russkiy slovar' = New English-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. 1. Moscow; 1987. 1038 p. (In Russ.).
3. Dashinimayev GY. Cancel culture as a new social reality. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya = Bulletin of Buryat State University. Series: Philosophy*. 2021;(1):19-24. (In Russ.).
4. Zhuk YY. Realia and methods of their transfer in adaptation of foreign texts. *Yezhekvartal'nyy retsenziruyemyy, referiruyemyy nauchnyy zhurnal "Vestnik AGU" = Quarterly peer-reviewed scientific journal of Adyghe State University*. 2015;(3(164):49-53. (In Russ.).
5. Nelyubin LL. Tolkovyy perevodcheskiy slovar' = Dictionary for translators. Moscow: Flinta: Nauka; 2003. 320 p. (In Russ.).
6. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Dictionary of the Russian language. Moscow: A TEMP; 2017. 896 p. (In Russ.).
7. Fedorov AV. Osnovy obshchey teorii perevoda = General basics of translation theory. Moscow; 1983. 303 p. (In Russ.).
8. Fenenko NA. The linguistic status of the term realia. *Vestnik VGU, seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Bulletin of Voronezh State University*. 2007;(2-1):5-9. (In Russ.).
9. ABBYY Lingvo 12. Available from: <https://www.lingvolive.com> (accessed 04.02.2022) (In English and in Russ.).
10. Academic Dictionaries and Encyclopedias. Available from: <https://en-academic.com> (accessed 04.02.2022).
11. Cambridge dictionary. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (accessed 03.02.2022).
12. Collins English Dictionary. Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 31.01.2022).
13. Dictionary.com. Available from: <https://dictionary.com> (accessed 07.02.2022).
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman; 1992. 1542 p.
15. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford University Press; 1984. 770 p.

Информация об авторах

А. В. Большак — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

К. С. Волошина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Information about the authors

Alla V. Bolshak — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Karina S. Voloshina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English in the Professional Sphere.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 06.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 06.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10708

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВА «АККРЕДИТАЦИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Зохид Отабоевич Жуманиёзов

Ургенчский государственный университет, Ургенч, Узбекистан, sahid03@mail.ru

Аннотация. Представлена подробная информация об интерпретации слова «аккредитация» в толковых, электронных и этимологических словарях современного немецкого, русского и узбекского языков. В сопоставительном аспекте проанализированы правила написания и произношения, семантика данной единицы. Рассмотрены ее фонетические, словообразовательные, лексико-грамматические и этимологические особенности, а также даны формы правильного написания и произношения, уточнена семантика на нескольких языках, принципы деления на слоги и спряжения глагольной формы этого термина на немецком языке.

Ключевые слова: аккредитация, словарь, орфография, произношение, грамматика, значение, этимология

Для цитирования: Жуманиёзов З. О. О характеристике слова «аккредитация» (на материале немецкого, русского и узбекского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 70—75. doi:10.47475/1994-2796-2022-10608.

Original article

ON THE CHARACTERISTICS OF THE WORD “ACCREDITATION” IN THE GERMAN, RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Zokhid O. Jumaniyozov

Urgench State University, Urgench, Usbekistan, sahid03@mail.ru

Abstract. The article highlights the interpretation of the word “accreditation” in explanatory, electronic and etymological dictionaries of the modern German, Russian and Uzbek languages. The rules of spelling and pronunciation, the semantics of this lexical unit are analyzed in a comparative aspect. We consider its phonetic, word-formation, lexico-grammatical and etymological features, its correct spelling and pronunciation forms are given, its semantics in several languages is clarified, the principles of division into syllables and conjugation of the verb formed from this term are given.

Keywords: accreditation, dictionaries, spelling, pronunciation, grammar, meaning, etymology

For citation: Jumaniyozov ZO. On the characteristics of the word “accreditation” in the German, Russian and Uzbek languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):70-75. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10708.

Известно, что развитие науки, культуры, техники и промышленности в момент установления непосредственных экономико-политических и культурных связей вносит своеобразный вклад в прогресс языка, повышение мощи языка и его обогащение. Это явление происходит за счет национального языка и образования неологизмов в рамках своих уровней, а также заимствований, пришедших из иностранных языков. А этот процесс обычно осуществляется через заимствование слов, обо-

значающих понятия, охватывающие различные аспекты человеческой жизнедеятельности. Но необходимо подчеркнуть, что неологизмы или заимствования, находясь в связи с категориями времени и пространства, языка и религии, истории и культуры, традиций и ценностей, подвергаются смысловой (семантической) и фонетической трансформации или же заимствуют новые, вторичные, третичные и другие формы значения и звучания. А это наравне с обогащением языка новым неологизмом создает нового «ложного друга перевод-

чика» в языке, в который входит неологизм, и для носителей данного языка, и для читателя, в совершенстве владеющего языком-рецептором, возникает *проблема*, то есть неправильное понимание и толкование нового неологизма в заимствующем языке. В языкознании особую **актуальность** приобретает вопрос изучения этого явления и доведения его до понимания представителей языка, в который входит неологизм.

В качестве примера мы поставили перед собой **цель** изучить слово «аккредитация», вошедшее из латыни в немецкий, русский и узбекский языки, и выявить изменения в процессе заимствования этого слова с одного языка на другой, на третий язык, а для этого — решить **задачу** анализа значения слова «аккредитация» в немецком, русском, узбекском толковых, этимологических, электронных словарях и словарях иностранных слов, а также изменения значения, формы и тона при вхождении данной латиницы во французский, немецкий, русский и узбекский языки.

Прежде всего мы проанализировали толкование этого слова в немецком толковом, иностранном и электронном словарях. В известном толковом словаре Duden слову «аккредитация» дано следующее толкование: Ak[kre|di|tie]rung die; -, -en (zu t...ierung): das Akkreditieren; ak[kre|di|tie]ren (aus gleichbed. fr. accrediter zu credit „Vertrauen“, vgl. Kredit): 1. beglaubigen (bes. einen diplomatischen Vertreter eines Landes). 2. Kredit einräumen, verschaffen' — '(credit и немецкое Vertrauen — «доверие», происходящее из французского accrediter, ср. со словом Kredit): 1. Дать доверие (если быть точнее, дипломатическому представителю какой-то страны). 2. Давать кредит [9. С. 63].

А в словаре дипломатических терминов Akkreditierung. Verfahren, durch das ein Staat vor der Entsendung eines Botschafters/ einer Botschafterin (> Botschaft) das zukünftige Residenzland anfragt, ob es mit der Wahl der betreffenden Person einverstanden ist und diese zur „Persona grata“ erklärt (> Persona non grata). Die Zustimmung des Residenzlandes (des Empfangsstaates) zu dieser Person wird „Agrément“ genannt — аккредитация. Способ запрашивания у принимающей страны перед отправкой государственного посла о ее согласии или несогласии с выбором соответствующей личности, а также объявлена эта личность или не объявлена «персона грата» (> персоной нон грата). Согласие принимающей страны называется «агрément» (или «агрёман») — об этой форме дается подробная и точная информация по сравнению с другими словарями, поскольку упомянутый словарь принад-

лежит дипломатической сфере [8. С. 6]. Во втором значении, приводимом в толковом словаре Duden, это слово можно использовать и в других сферах, в частности банковской, кредитовании.

В словаре Langenscheidt толкуется форма глагола этого слова, в частности: 'Akkreditieren v/t (akkreditierte, hat akkreditiert) jemanden akkreditieren eine Person als offiziellen Vertreter (des eigenen Staates, der eigener Regierung, der Presse) anerkennen (einen Botschafter, einen Diplomaten, einen Gesandten, einen Journalisten akkreditieren) hierzu Akkreditierung die' — 'аккредитация кого-то; признание кого-то официальным представителем (своего государства, правительства, прессы). Аккредитовать посла, дипломата, журналиста. Дополнение к этому Akkreditierung die — аккредитация' [10. С. 67]. Информация о происхождении, этимологии этого слова в словаре отсутствует, и дается его первое значение, которое приводится в других словарях. Конечно, имеются и различия в толковании первого значения. Анализируемое слово Akkreditierung в словаре дается отдельно, но отсутствует толкование этого слова.

В толковом словаре немецкого языка PONS также приводится глагольная форма слова «аккредитация», где в толковании этого слова имеются два значения, в частности: 'ak·kre·di·tie·ren <akkreditierst, akkreditierte, hat akkreditiert> mit OBJ jmd. akkreditiert jmdn. 1. POL. einen diplomatischen Vertreter bevollmächtigen. 2. BANKW. jmdm. einen Kredit einräumen' — 'с заполняющим кто-то кого-то аккредитирует. 1. Польское, дать полномочие дипломатическому представителю. 2. Банковская сфера. Давать кредит кому-то' [11, с. 138]. Здесь видно, что авторы этого словаря дали относительно точный и понятный комментарий. Показано, что первое значение слова «аккредитация» взято из польского языка, а второе значение используется в банковской сфере.

В следующем словаре в толковании слова «аккредитация» отсутствует какая-нибудь информация о его происхождении и этимологии, дается только одно значение. В отличие от остальных словарей посредством этого слова приводится пример: 'Jemanden akkreditieren bevollmächtigen. Zum Empfang erschienen die in Berlin akkreditierten Diplomaten — аккредитовать кого-то, давать полномочие кому-то. В Берлине появились аккредитованные дипломаты [12. С. 66].

На этом месте мы посчитали оправданным в определенной степени анализ этого слова в толкованиях электронных источников. Например, в энциклопедическом словаре Wikipedia в форме

‘Akkreditierung— der Begriff ist dem Lateinischen *accredo* entlehnt, was so viel wie Glauben schenken, glauben (wollen)^[1] heißt.’ — ‘понятие аккредитация заимствовано от латинского слова *accredo* и означает «дать доверие», «верить» («хотеть верить») [13], хотя и дается в очень сжатой форме, отдельное внимание уделяется происхождению данного слова от латинского *accredo*, а другие значения не приведены.

В электронном словаре Wiktionary мы можем наблюдать, что в рамках слова «аккредитация» приводится больше информации. В частности: Worttrennung (слогоделение): *ak·kre·di·tie·ren*, Präteritum: *ak·kre·di·tier·te*, Partizip II: *ak·kre·di·tiert*.

Person	Wortform	
Präsens	Ich	akkreditiere
	Du	akkreditierst
	er, sie, es	akkreditiert
Präteritum	Ich	akkreditierte
Konjunktiv II	Ich	akkreditierte
Imperativ	Singular	akkreditier! akkreditiere!
	Plural	akkreditiert!
Perfekt	Partizip II	Hilfsverb
	akkreditiert	haben

Aussprache (произношение): IPA: [akʁediˈti:vən], Hörbeispiele (примеры звучания): *akkreditieren*, Reime (рифма):-i:vən. Bedeutungen (значения): jemanden in einer bestimmten Funktion anerkennen, zulassen — признать кого-то в определенной должности, дать разрешение. Synonyme (синонимы): bevollmächtigen (дать полномочие), beglaubigen (подтвердить подлинность). Beispiele (примеры): ‘Hierbei ist immer gut zu nennen, für welches Medium Ihr Euch *akkreditieren* wollt, welche Auflage das Medium hat und wie oft es erscheint’. — ‘При этом всегда хорошо назвать, какое СМИ вы хотите аккредитовать, какое издание имеет СМИ и как часто оно появляется’.

Кроме этого, также дается правильное написание этого слова в 13 языках:

1. Baskisch: [1] *kreditatu* → eu, *benetakotu* → eu
2. Bulgarisch: [1] *акредитирам (akreditiram)* → bg
3. Englisch: [1] *accredit* → en
4. Esperanto: [1] *akrediti* → eo
5. Französisch: [1] *accréditer* → fr
6. Italienisch: [1] *accreditare* → it
7. Niederländisch: [1] *accrediteren* → nl
8. Polnisch: [1] *akredytować* → pl
9. Portugiesisch: [1] *acreditar* → pt

10. Russisch: [1] *аккредитовать (akkreditovat’)* → ru

11. Schwedisch: [1] *ackreditera* → sv

12. Spanisch: [1] *acreditar* → es

13. Tschechisch: [1] *akreditovat* → cs [14]

Необходимо отметить, что при интерпретации данного слова в толковых и онлайн-словарях наблюдаются расхождения. В разных источниках указывается, что данная единица проникла из разных языков — французского, латинского и польского. В словарях наличествуют несоответствия при установлении этимологической характеристики (языка-источника), семантики рассматриваемой единицы. Если в одном словаре приведена единица «аккредитация», то во другом дается лишь глагольная форма (аккредитовать). В одних словарях дается лишь одно значение, в других — два.

В словаре иностранных слов современного русского языка Т. В. Егоровой приведены следующие значения исследуемой единицы:

— Аккредитация, аккредитации, ж., и аккредитование, аккредитования [лат. *Accredo* — доверять] — право на осуществление ряда видов деятельности (журналистской, преподавательской и др.).

— Аккредитовать [лат. *accredo* — доверять] — «подтверждать полномочия на право проведения ряда видов деятельности (журналистской, преподавательской и др.); выдавать лицензию на проведение подобной деятельности» [2. С. 25].

Известный лексикограф М. Фасмер в своем четырехтомном «Этимологическом словаре русского языка», как и немецкие лексикографы, не давая форму существительного, приводит только глагольную форму: аккредитовать через польск. *akredytowac* из франц. *Accrediter* «уполномочивать», впервые у Шафирова, 1717 г. (см. Смирнов¹) [4. С. 66].

В «Этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского приводится глагольная форма данной единицы. В его словарной статье в отличие от предыдущих она подкреплена и историческими сведениями: Аккредитовать — «Заимствовано из польск. яз. в Петровскую эпоху (см.: Смирнов¹), о чем с определенностью говорит орфография слова с одним *к* — в течение всего XVIII в. Впервые

¹Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху: I. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западноевропейских языков. II. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1910. [4], 398, [1] с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 88, № 2).

фиксируется у Шафирова в 1717 г. Польск. akredytować, получившее в рус. яз. окончательное ударение под аналогическим влиянием глаголов на *овать*, восходит к франц. *accréditer* «доверять», деривату на базе *à* и *crédit* (Dauzat, 8). См. *кредит* — укр. акредитувати, бел. акрэдытавіць, польск. akredytować, чеш. akreditovati, словац. akreditovat', болг. акредитирам, с.-х. акредитовати, акредитирати, словенск. akreditirati». Н. М. Шанский, как и составители словаря Duden, утверждает, что данная единица была заимствована из французского языка [5. С. 63].

Л. П. Крысин в «Толковом словаре иноязычных слов» приводит и глагольную форму («Аккредитовать, -тую, -тует, *несов.* и *сов.*, *кого - что* [фр. *accréditer* < лат. *accrédere* — доверять], *дипл.* Назначать (назначить) кого-н. представителем (при иностранном правительстве, посольстве, пресс-центре и т. п.). *А. посла. А. журналистов*»), и форму существительного («Аккредитование, аккредитация — процедура назначения, вступления в должность такого представителя») [3. С. 46].

Как видим, Л. П. Крысин дает более краткое, но конкретное в семантическом отношении толкование. Рассматривая этимологию данной единицы, он указывает, что слово восходит к латинскому языку, которое было заимствовано через посредничество французского языка. Лексикограф приводит одно значение, связанное с дипломатией, и подкрепляет соответствующими примерами.

В «Толковом словаре узбекского языка» под редакцией А. Мадвалиева указано, что единица «аккредитация, аккредитовать — лат. верить, доверять» имеет следующие значения:

1. Процедура назначения, вступления в должность главы дипломатического представительства или постоянного уполномоченного представителя определенного государства в международной организации.
2. Документ, удостоверяющий нахождение журналиста в определенной территории в целях освещения происходящих там событий [7. С. 39].

Кроме этого, в «Русско-узбекском терминологическом толковом словаре по дипломатическому и консульскому праву» Л. Абдуллаевой и Г. Юлдашевой приведена глагольная форма исследуемой нами единицы. Указывается, что она восходит к латинскому языку. Далее дается такое толкование данной словарной единицы: «аккредитование [лат. *Accrédere* — доверять] — процедура назначения, вступления в должность определенного лица в качестве председателя дипломатического предста-

вительства того или иного государства в другой стране. Процесс аккредитования председателя дипломатического представительства заканчивается процедурой вверения агремана и доверительной грамоты главе государства. Председатель особого консульского учреждения считается аккредитованным после вручения ему экзекватуры со стороны принимающего государства» [1. С. 112].

В источнике «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» (Национальная энциклопедия Узбекистана) рассматриваемое нами слово приведено в форме «Аккредитлаш» (аккредитование) в одном значении, которое в отличие от других источников истолковано более подробно:

Аккредитование — в международном праве комплекс мер, предусматривающий процесс вступления в должность в качестве главы дипломатического представительства или постоянного уполномоченного представителя государства в определенной международной организации. Процесс аккредитования включает в себя следующее: обнаружение уполномоченным органом внутреннего законодательного акта о назначении определенного лица в качестве своего дипломатического представителя в иностранном государстве, получение согласия (агремана) о принятии данного лица второй стороной, также вручение вступившим в должность представителем доверительной грамоты уполномоченному органу принимающего государства. В соответствии с действующей практикой глава дипломатического представительства считается вступившим в должность после вручения им доверительной грамоты принимающей стороне или письменного уведомления уполномоченного органа о своем прибытии и предоставлении копии доверительной грамоты министерству иностранных дел принимающего государства. Постоянный представитель в международной организации считается вступившим в должность после вручения им доверительной грамоты уполномоченному органу организации [6. С. 263].

В качестве заключения нужно подчеркнуть, что при рассмотрении процесса заимствования сопоставляемыми языками из латинского языка единица *acredo* или *accredere* передается в следующих фонетически и графически обработанных формах: в немецком — *Akkreditierung*, *akkreditieren*, в русском — «аккредитация», «аккредитование», «аккредитовать», узбекском — «аккредитация», «аккредитлаш», «аккредитлаштириш», «аккредитация килмок». Семантическая характеристика данной единицы в сопоставляемых языках почти полностью тождественна. Однако второе значение

рассматриваемой единицы в немецком языке, связанное с кредитом, не нашло своего отражения в русском и узбекском языках. Следовательно, данное значение приобретено только в процессе заимствования немецким языком как результат семантической деривации. В толковых и словарях иностранных слов русского языка единица «аккредитация» в основном дается в первом значении. Популяризовавшееся ныне значение «выдавать лицензию на проведение подобной деятельности» приведена лишь в «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой. В источниках на узбекском языке рассматриваемое слово с семантикой «уполномочить» приведено в разных формах, во взаимосвязи с определенной сферой деятельности. Значение, связанное с вы-

дачей лицензии для осуществления определенной деятельности, указанное в словаре Т. В. Егоровой, в настоящее время стало часто употребляться и в узбекском языке, в частности в официальных документах, прессе, обыденной речевой ситуации. Это свидетельствует о том, что данное значение было заимствовано из русского языка. Исходя из этого, было бы целесообразно включить и рассматриваемое значение в новые редакции толковых, отраслевых и энциклопедических словарей современного узбекского языка, подкрепляя участвовавшими в последнее время сочетаниями «Олий таълим муассасасини аккредитациядан ўтказмоқ» (аккредитация высшего учебного заведения), «аккредитациядан ўтмоқ» (пройти аккредитацию).

Список источников

1. Абдуллаева Л., Юлдашева Г. Русско-узбекский терминологический толковый словарь по дипломатическому и консульскому праву. Ташкент: Ташкент. гос. юрид. ин-т, 2005.
2. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Экспо, 2007. С. 46.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
5. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
6. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Буква «А». Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2002.
7. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: в 5 т. Т. 1 / под ред. А. Мадвалиева. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006-2008.
8. ABC der Diplomatie. Auchli P. ABC der Diplomatie. Bern: Eidgenössisches Demartement für auswärtige Angelegenheiten (EDA), 2008.
9. Das DUDEN das große Fremdwörterbuch. Herrkunft und Bedeutung der Fremdwörter. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003.
10. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Dieter Götz. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. München; Wien, 2015.
11. PONS Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2006.
12. Renate Wahrig-Burfeind. WAHRIG Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. München: Cornelsen, 2008.
13. [https://de.wikipedia.org/wiki/Akkreditierung_\(Diplomatie\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Akkreditierung_(Diplomatie)).
14. <https://de.wiktionary.org/wiki/akkreditieren>.

References

1. Abdullaeva L, Yuldasheva G. Russian-Uzbek terminological explanatory dictionary on diplomatic and consular law. Tashkent: Tashkent State Law Institute; 2005. (In Russ., Uzbek).
2. Egorova TV. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow: Adelant; 2014. (In Russ.).
3. Krysin LP. Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Ekspo; 2007. (In Russ.).
4. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1. M.: Progress; 1986. (In Russ.).
5. Shansky NM. Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1. Moscow: Moscow University Publishing House, 1963. (In Russ.).
6. National encyclopedia of Uzbekistan. Bukva «A» Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan; 2002.
7. Annotated dictionary of the Uzbek language. Under the editorship of A. Madvalieva. In 5 vol. Vol. 1. Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan; 2006—2008. (In Uzbek).

8. ABC of diplomacy. Auchli P. ABC of Diplomacy. Bern: Confederaate Demarcation for Foreign Affairs (FDFA); 2008.

9. The DUDEN the big foreign dictionary. Origin and meaning of foreign words. Mannheim; Leipzig; Vienna; Zurich: Dudenverlag; 2003.

10. Langenscheidt large dictionary of German as a foreign language: Dieter Götz. Langenscheidt large dictionary of German as a foreign language. Munich; Vienna; 2015.

11. PONS big dictionary German as a foreign language. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH; 2006.

12. Renate Wahrig-Burfeind. WAHRIG large dictionary of German as a foreign language. Munich: Cornelsen; 2008.

13. [https://de.wikipedia.org/wiki/Akkreditierung_\(Diplomatie\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Akkreditierung_(Diplomatie)).

14. <https://de.wiktionary.org/wiki/akkreditieren>.

Информация об авторе

З. О. Жуманиёзов — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, декан факультета зарубежной филологии.

Information about the author

Zokhid O. Jumaniyozov — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Dean of the Faculty of Foreign Philology.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10709

ИЗУЧЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖДОМЕТИЙ В ПЕРСИДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Марьям Моради

Университет им. Алламе Табатаба'и, Тегеран, Иран, m.moradi@atu.ac.ir, ORCID 0000-0002-6652-227X

Аннотация. Статья посвящена анализу семантико-синтаксических особенностей междометий в персидском и русском языках. Одни и те же функции междометий в грамматике обоих языков показывают применение теории семантических примитивов и языковых универсалий. Использован переводно-сопоставительный метод. Выявлено, что междометия подобно предложениям могут выполнять коммуникативную функцию, содержать информацию, свойственную предложениям. Как эмотивным единицам междометиям присуща экспрессивная насыщенность.

Ключевые слова: междометие, русский язык, семантика, синтаксис, языковые универсалии

Для цитирования: Моради М. Изучение синтаксических и семантических особенностей междометий в персидском и русском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 76—84. doi:10.47475/1994-2796-2022-10609.

Original article

SYNTACTIC AND SEMANTIC FEATURES OF INTERJECTIONS IN PERSIAN AND RUSSIAN

Maryam Moradi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, m.moradi@atu.ac.ir, ORCID 0000-0002-6652-227X

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semantic and syntactic properties of interjections in Persian and Russian. In both Persian and Russian languages, interjections are applied for expression of human emotions and states, and sometimes they are used as imperative sentences. In Persian language, interjection performs a syntactic function and is a part of the sentence. In Russian, interjections are most often syntactically independent and not related to other parts of the sentence. Similar functions of interjections in both languages grammar system show the veracity of the theories of semantic primitives and linguistic universals. Emotions can be expressed in all human languages, and their means of expression are words, which can cover a wide range in each language. In this study comparative methods and translation are used. It was found that interjections can like sentences perform a communicative function and contain information characteristic of sentences. As emotive units, interjections are characterized by expressive saturation.

Keywords: interjection, the Russian language, the Persian language, semantics, syntax, linguistic universals

For citation: Moradi M. Syntactic and semantic features of interjections in Persian and Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):76-84. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10709.

В работе изучены синтаксические и семантические особенности междометий в персидском и русском языках. Научная новизна исследования состоит в том, что нами впервые рассмотрены семантико-синтаксические свойства междометий. Практическая значимость работы состоит в том,

что ее результаты могут быть применены на занятиях русского языка как иностранного для пересоворящих студентов.

Методы и материалы. Нами использован переводно-сопоставительный метод. Материалы взяты из учебников персидского и русского языков. Вопрос междометий изучен многими русскими и иран-

скими учеными в русском и персидском языках. Вопрос о междометиях в своих работах обсуждали русские лингвисты В. Г. Костомаров и В. И. Максимов (2010), Л. А. Лекант (2001), Л. Л. Касаткин и др. (2011), В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, В. С. Печникова и др. (2011), Н. С. Валгина и др. (1966), В. А. Багрянцева и др. (2011), Д. Э. Розенталь (1984) и иранские грамматисты, такие как: Х. Фаршидвард (2009), Т. Вахидян Камйар (2008), Х. Анвари и Ю. А. Аббас-Абад (2007), Х. Анвари и Х. Ахмади-Гиви (2006), П. Нател-Ханлари (2010), А. Хайямпур (2007), Ю. А. Рубинчик (2001).

«Междометие — это неполнозначительная часть речи, выражающая чувства, эмоциональные побуждения, призывы, но не называющая их», — говорит Е. И. Диброва [1. С. 182]. В русском языке междометия чаще всего синтаксически независимы и не связаны с другими членами предложения. Но иногда они могут подчинять себе другие члены предложения. Например: «Вон отсюда!»

Некоторые иранские грамматисты считают, что «междометия не выполняют функцию в предложении, иными словами, они не являются членами предложения и каждое междометие можно считать полным предложением» [15. С. 119]. Мнение Натела Ханлари разделяет Ю. А. Рубинчик: «По своим внешним признакам, в частности фонетическим, друг к другу примыкают междометия и звукоподражательные слова. Оба класса традиционно не рассматриваются как части речи» [9. С. 339]. Междометия употребляются для выражения эмоционального состояния. Слова хоā (как хорошо!), heyhāt (это невозможно!), rif! (тьфу!), yā-rab! (О Боже!) являются междометиями. Иногда в составе предложения за междометиями следуют союзы ke или ta со значением «чтобы» в составе придаточного предложения, в котором выражается сообщение о чувствах и переживаниях; например: Dariqā ke begreft rāhe nafas! — *Увы! Стало душно!* [15. С. 120].

Подобные функции выполняют междометия в морфологии русского языка: «Междометие — это класс грамматически неизменяемых слов и словосочетаний, служащих для выражения различных чувств и волевых побуждений: ай!, ах!, ба!, батюшки!, ой!, увы!, ну!, чу!, боже мой!, вот тебе на!, вот еще! и т. п.» [8. С. 427].

Междометия, которые относятся к семи языковым частям речи, по существу, представляют собой квазипредложения. Например, в предложении Kāš bārān biyāyad! (*Ах, если бы пошел дождь!*) лексема kāš (*если бы*) выражает прагматическое значение предложения и имеет эмоциональный оттенок желания. Это предложение могло бы выглядеть так:

Ārezu mikonam bārān biyāyad, что значит: *я желаю, чтобы пошел дождь*; или же: Xāst-e man in ast ke bārān biyād со значением: *я хочу, чтобы пошел дождь*. Такие слова в персидском языке называются «соут», или междометия [12. С. 10].

О семантических значениях, выражаемых междометиями, Х. Анвари и Х. Ахмади-Гиви говорят: «Междометия выражают значения, подобные тем, которые передают предложения. Например: Āh! (*Ах!*), которое одновременно может выражать такие значения, как: 1) Dard mikešam — *Мне больно*; 2) Āeqadr bad ast! — *Как плохо!*; 3) Āeqadr maye-ye ta'assof ast! — *Как это жалко!* Или Āfarin! — *Браво! Молодец!* — значит: 1) To rā Tahsin mikonam — *Я хвалю тебя!* или *Я одобряю твой поступок*; 2) Xeyr-o-xoši bar to bād! — *Да будет с тобой добро и счастье!*; 3) Āeqadr to xub hasti! — *Какой/Какая ты хороший/хорошая!* Имя в звательной форме с частицами ey, ayā, āy, коррелирующими с междометием o в русском языке, также включается в состав междометий» [12. С. 242].

Как рассуждают Х. Анвари и Ю. А. Аббас-Абад, междометие представляет собой эллиптическое предложение. Это предложение усекается говорящими со временем и получает краткую форму, но его полную форму можно восстановить. В таком случае вместо, скажем, простого предложения появится сложное.

Кроме простых (одночастных) междометий, в персидском языке бывают двучастные междометия, каждая часть которых является членом оставшегося предложения. Части двучастных междометий присоединяются к друг другу при помощи сочинительного союза: Yā marg yā āzadi — *Либо смерть, либо свобода!* [10. С. 150]. С точкой зрения Х. Анвари и Ю. А. Аббас-Абада также согласен А. Хайямпур: «Междометие передает значение предложения, иными словами оно выполняет функцию подлежащего и сказуемого» [18. С. 101].

На взгляд Ю. А. Рубинчика, междометия могут быть классифицированы по двум разновидностям: 1) междометия, выражающие чувства и 2) междометия, выражающие волеизъявление. К первой группе относятся междометия, передающие отношение говорящего к окружающей действительности, к речи и действиям собеседника. Данные междометия, в свою очередь, подразделяются на пять подгрупп: а) междометия со значением радости, восхищения, одобрения: zehi sa'adat! (*какое счастье!, как прекрасно!*); б) междометия с положительной оценкой фактов, похвалой: bah-bah! (*прекрасно!*), marhabā! (*браво!, прекрасно!*), hodā qovvat! (*дай Бог!*); в) междометия со значением горя, печали,

испуга, боли, неудовольствия и сожаления: *xāk be saram!* (*чтоб мне провалиться, будь я неладен*), *vāveylā* (*о горе, о несчастье*), *heuf* (*жаль, как жаль*); г) междометия со значением порицания, отвращения, проклятия, презрения: *tof* (*тьфу*), *hošā* (*никогда, ни в коем случае*) и д) междометия со значением удивления: *aʿjab, aʿjabā* (*удивительно!, да ну!*) [9. С. 341—342].

На наш взгляд, эквивалентом *hodā qovvat!* на русском языке нельзя считать словосочетание «дай Бог!». Правильным переводом является «Бог в помощь!». Эти выражения и в русском, и в персидском языках являются лексическими фразеологизмами со значением пожелания успехов в труде какой-либо деятельности. «Дай Бог!» вопреки мнению Ю. А. Рубинчика является эквивалентом междометия *en-šāʿa-llāh*.

По семантике междометия подразделяются на нижеследующие:

1) Междометия, выражающие надежду, желание, молитву и мольбу:

eu kāš, kāški, kāš — со значением «если бы»; *en-šā-allāh* — со значением «дай Бог!»; *Elāhi!* — «О Господи!»; *Āmin!* — «Аминь!»; *bu ke* — со значением *bovad ke, šāyad* — «пусть/будь/пусть бы/будь бы/да будет/чтобы»: *Doʿā-ye man be to bar, bu ke mostaʿjāb šavad / doʿā konam be to bar, ta bovad ke sag gardi* *Назем-аль-аттеба* — Я молюсь (и пусть моя молитва осуществится), чтоб ты превратился в собаку!; *Eu kāš mitavānestam molk-e donyā rā be to bahšam* — Если бы я мог подарить тебе целый мир! (Хеджази, Хома, С. 92), *En-šā-allāh hame čiz dorost mišavad!* — Дай Бог, чтобы все было в порядке!, *Elāhi alʿafv!* — Прости Господи! — при молитвах.

2) Междометия, выражающие похвалу, комплимент, поддерживание:

Marhabā! — с исконно арабским происхождением и со значением «Молодец!», *dast-marizād* — мотивированное междометие, которое употребляют промышленники и мастера ремесла и которое сочетается с компонентами *dast* (рука) и *marizād* — негативной формой аориста единственного числа третьего лица от инфинитива *rikhtan* — заболеть. Лексема *marizād* состоит из отрицательного префикса *ma-* (как *не* перед глаголами в русском языке), основы индикатива глагола *rikhtan* — *mariz-*, суффикса *-ād* с молитвенным значением, и окончания единственного числа третьего лица. Следовательно, междометие передает смысл: «дай Бог, чтобы не болела твоя рука!».

Сочетание *al-hamd-o-le-llāh* в русской культуре примерно соответствует фразе «*слава Богу!*», а также ритуалу стучания по дереву или символическо-

го плевание через левое плечо; лексемы: *hogramā, xob* (*хорошо*), *marhabā, zehi* (*молодец!/браво!*): *Tarsā miguyad: Zehi šaraf-e man!* (Мирза Хабиб Эсфахани, Хаджи-баба, С. 26) — *Христианин говорит: честь и слава!*; *Bārak-allāh! Bārak-allāh! Dānešgāh qabul šodi!* — *Браво! Браво! Ты поступил в университет!*

3) Междометия, выражающие хвалу, благодарность:

al-hamd-o-le-llāh — *Хвала Аллаху!*; *be-hamd-e llāh* — *Хвала Аллаху!*; *šokr-a-lle-llāh, šokr, šokr-e hodā* — со значением «*Благодарение Господу!*».

4) Междометия, выражающие сожаление и боль: *āh!, darda!, afsus!, dariqā!, faryād!, dād!, vā-faryāda!, vā-vey-lā!* со значением: *увы!/как жаль!/о горе!*; *aux!, vāy!, badā!* со значением: *ай!/ах!/ох!/увы!*; *heyhāt!* со значением *увы!/о горе!*: *Āh az dast-e to če kār konam!?* — *Ах, горе мне с тобой!*; *Dardā ke davāzdah farsang rāh bāyad miyān-e man-o-to fāsele bāšad!* — *Увы! Между нами расстояние двенадцать фарсангов!*

5) Междометия, выражающие удивление:

bah, vah, uh, aʿjab, yā-lal-ʿaʿjab, šegeftā, šegeftā со значением *удивительно!*: *Aʿjab! To in čarandi-yāt rā bavar mikoni!?* — *Удивительно! Этим пустякам ты веришь?!*

6) Междометия, выражающие предупреждение, предостережение, наказание:

mabādā, eu amān, amān со значением *не дай Бог!, как бы не...!*; *zenhār, zinhār* со значением *берегись!, осторожно!*; *hān, hin* со значением *смотри!, вот!*: *Mabādā be kasi dar in mored čizi beguyi!* — *Как бы ты не сказал/сказала об этом кому-нибудь!*; *Eu amān! Mardom! Be dādam beresid!* — *О Боже! Народ! Помогите мне!*

7) Междометия, выражающие волеизъявление:

Besme-llāh! — досл. «*во имя Аллаха!*», когда, например, хозяин приглашает гостя к еде и трапезе и употребляется со значением *пожалуйста! приглашаю вас к столу! кушайте!/ешьте!*; *yā allāh!*, которое: а) может передавать значения *иди/беги/сделай что-нибудь скорее!*; б) употребляется чужими мужчинами-намахрамами, когда входят в дом к чужой женщине-хозяйке со значением *покрывайте себя хиждабом*; в) передавать неодобрительное значение *пошел/пошла/пошли вон!*: *Yā allāh! Az xune-ye man berid birun!* — *Пошли вон из моего дома!*

8) Междометия, выражающие почитание, признание, согласие, почтение, уважение:

qorbān, bale qorbān при обращении и приветствия со значением *есть!/да!*; *čašm* (досл. «глаз»), *be čašm, be ruye čašm* (досл. «на глаз») междометия со значением *слушаюсь!*: *Piremard... dast be sineh javab dad: Bale qorbān!* — *Старик со сложенными*

на груди руками покорно сказал: «Да, слушаюсь!» (Хедаят, Хаджи-ага).

9) Междометия, выражающие положительный ответ, подтверждение:

baleh, bali, āri — да, albatteh, ey va-llāh — конечно: Albatteh albatteh, moltafet-am, mohtāj be tekrār nist — Да-да, понимаю, не стоит повторять (Хедаят, Хаджи-ага).

10) Междометия, выражающие опровержение, отрицание:

hargez — никогда, na — нет, пахеуг — нет, astaqfer-o-llāh — Да простит меня Аллах — фраза, которая используется у мусульман при выражении изумления, недоумения, растерянности; на va-llāh (араб., от частицы va и Allāh), значит клянусь Аллахом, hāšā (никогда! / ни в коем случае!) употребляется при отказе и отрицании, hāšā va kallā (нет, нет! / ни в коем случае! / никогда!), abadan abadan, abadan: Astaqfer-o-llāh, in harf rā nafarmāyid; man erādatmand-e šomā hastam! — Астагфируллах, не говорите это! Я предан Вам.

11) Междометия, выражающие упрек, проклятие:

tof — междометие *тьфу!*; nang — существительное со значением *позор, стыд, срам, бесчестье*; kuft — грубое слово со значением *чтоб кто-нибудь заткнулся!/подавился!*; zahr-e-mār (досл. «змеиный яд») — бранное слово со значением *мерзость/накость/гадость*: Nang bar xā'en-ān! — Позор предателям!; Ey pul! Tof bar to! Šerā vojudat bā in hameh raŋ-o zellat to'am ast!? — Ах деньги! Тьфу на вас! Почему владение вами связано со столькими муками и унижениями? (Хиджази, Зиба).

Также в своей книге Анвари и Гиви дают определение предложениям-исключениям, или безглагольным предложениям. В персидском языке безглагольным предложением называется предложение, в формальном устройстве которого отсутствует глагол, который тем не менее находится в глубинной структуре предложения. Безглагольные предложения являются предложениями-исключениями. Их можно подразделить на три разряда: а) безглагольные однокомпонентные предложения типа: Salām! (*Здравствуй(те)!*), Āzād! (*Вольно!*); б) безглагольные двухкомпонентные предложения типа: Tavqof mamnu'! (*Остановка запрещена!* или *Нельзя остановиться!*), Ziyārat abul! (*Да будет принято ваше паломничество!*); в) безглагольные трехкомпонентные предложения типа Zendegi ya'ni talāš! (*Жизнь — значит старание!*) [12. С. 313].

В «Краткой сегодняшней грамматике на основе современной лингвистики» Хосроу Фаршидвард говорит о неполных (по своему происхождению эллиптических) предложениях. Неполным называ-

ется предложение, один член или которого устраняется, например: raft (*ушел/пошел*) со значением и raft (*он ушел/пошел; она ушла/пошла*), safar beхеуг! (*счастливого пути!*) со значением safar-at beхеуг bāšād! (*желаю тебе счастливого пути!*). Самыми многочисленными среди неполных предложений являются безглагольные предложения, в них устраняется глагол. Это прежде всего касается предложений, выражающих мольбу, проклятие, чувства и внутренние эмоции. Вот почему многие междометия необходимо отнести к данному разряду в синтаксисе; например: salām! (*здравствуй!*), что значит salām bar šomā bād! — (*Я приветствую вас!* Под безглагольным предложением, или полупредложением, квазипредложением (jomle-vāreh), подразумевается то предложение, в составе которого глагол отсутствует не по лексическим условиям [17. С. 356].

Фаршидвард выражает мнение сходное с Анвари и Гиви, полагая, что в полупредложениях междометия можно восстановить как полную предикативную конструкцию [17. С. 356—357]. В другой своей книге Фаршидвард подчеркивает, что «междометия выполняют функцию или глагола с определением, или предложения, при котором отсутствует [несогласованное] определение [17. С. 314]. В первом случае междометие как глагол сочетается с определением; например, в предложении: Āfarin bar to! — Āfarin является междометием, а сочетание bar to выполняет функцию несогласованного определения с предлогом bar».

По словам Вахидияна Камйара, в персидском языке «все предложения содержат подлежащее и сказуемое. Однако в ряде предложений данное правило не соблюдается. Эти предложения называют предложениями-исключениями» [13. С. 23]. Он классифицирует предложения-исключения на три группы: 1) беспредикатные предложения; 2) бессубъектные предложения; 3) предложения, в которые входит глагол с личным окончанием. Беспредикатные предложения, в свою очередь, группируются по трем подгруппам: а) однокомпонентные; б) двухкомпонентные; в) трехкомпонентные. В роли предложения могут выступать междометные и немеждометные слова. Междометие отличается от других слов тем, что оно выполняет синтаксическую роль в составе предложения, в том числе роль подлежащего, прямого дополнения и т. д. [13. С. 23]. Значение междометия становится доступным в зависимости от контекста, способа его выражения. Вахидиян Камйар объясняет, что междометия употребляются при выражении человеком различных внутренних чувств, причем звательная

форма имени тоже рассматривается в качестве однокомпонентных предложений независимо от наличия показателя звательности или его отсутствия. В случае отсутствия указанного показателя имеет значение интонация звательности: *Fereydoon, kojā rafteh budi? — Фаридун! Куда ты ходил?; Еу Ходā-уе bozorg! О великий Господь!/Бог!*

Синтаксическая функция и структура междометия. В персидском языке в составе предложения междометия, как правило, занимают нижеследующие позиции:

- 1) Игруют роль подлежащего, употребляются с предлогом и получают зависимое слово: *Marhabā be in fahm-o edrāk! — Хвала за понимание и осознание этого!*
- 2) Являются заменителем предложения, употребляемого с союзом *ke*, сочетающимся с придаточным предложением: *Еу kāš ke har ruz šomā gā mididam! — Если бы я видел вас каждый день!*
- 3) Используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой самостоятельное предложение: *Bārak-allāh! Be šomā tabrik miguyam — Bravo! Я поздравляю вас.*
- 4) Используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой наречие: *Ajāba! Barq! Barq rafteh, vali to dāri motale'eh mikoni!?! — Интересно! Свет отключили, а ты всё читаешь!*
- 5) Используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой именной компонент составного сказуемого, выражающий признак предмета и являющийся определением (по-персидски: *mosnad*): *Хоšā bā to budan, хоšā az to goftan! — досл.: Быть с тобой хорошо! Рассказать о тебе — приятно! (Хафиз) [12. С. 242—246].*

В другой части своей книги Анвари и Гиви рассматривают глубинные структуры междометий. В этой связи утверждается, что междометие и безглагольное предложение на глубинном уровне обладают полной конструкцией. В качестве примеров ниже представлен ряд моделей:

Пример 1: междометие *Āh!* — *Ах! Ох!*

Семантическая структура: [Man] dard mikešam.

Конструкция а): подлежащее + непереходный гл. → [Man] dard mikešam — *Мне больно.*

Конструкция б): подлежащее + прямое дополнение + знак переходности *gā* + переходный гл. → [Man] + dard + *gā* + mikešam — *(Я) чувствую боль.*

Пример 2: междометие *Hiss!*

Семантическая структура: «тсс!» — со значением «тихо!/тише!» → Буквальный перевод: *(Вы) молчите!* Эквивалент: *Молчать!*

Конструкция: подлежащее + именной компонент + гл.-связка в императиве.

Пример 3: междометие *en-šā-allāh.*

Семантическая структура: араб. Иншааллах → «Если будет на то воля Аллаха», «если пожелает Аллах») → *Agar hodā bexāhad!*

Конструкция: (если) + подлежащее + переходный гл.

Пример 4: безглагольное предложение *Tavaqqof mamnu' [ast]!* [12. С. 307] → *Нельзя остановиться!*

Конструкция: подлежащее + именной компонент + [спрягаемая форма гл.-связки].

По мнению Анвари и Ахмади-Гиви, междометие с синтаксической точки зрения может быть употреблено:

- 1) В качестве заместителя предложения вместе с предлогом, с ним сочетается несогласованное определение:

Āfarin bar šomā! — Вы молодцы!

(межд. предл. несогл. опр.)

- 2) В качестве главного предложения, и с ним может быть употреблен союз, а за союзом следует придаточное предложение:

Afsus ke javāni barnemigardad! — Увы, молодость не вернуть назад!

(межд. союз придаточная часть)

- 3) Без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию полного предложения:

Bārak-allāh! Be šomā tabrik miguyam. — Bravo! Я вас поздравляю.

(межд. в функции полного предложения)

Bārak-allāh — букв. Да благословит тебя Бог.

- 4) без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию обстоятельства:

Elm o āzādegi o hosn o javāni y- o honar ajābā hič nayarzand ke bi sim o zaram! (Shahriar).

Если изменить порядок слов, предложение будет: *ajābā ke elm o āzādegi o hosn o javāni y- o honar hič nayarzand bi sim o zaram! (Shahriar).*

Вопреки мнению Анвари и Ахмади-Гиви автор считает, что в вышеуказанном примере лексема *ajāba* хотя является междометием, но не выполняет функцию обстоятельства. Оно восходит к арабскому слову *ajāb* и заменяет персидский глагол с тем же производным корнем: *ta'ajjob mikonam (мне странно)*. Значение стихотворения персидского поэта Шахрияра будет таково: *Мне странно, что наука, красота, молодость и искусство не имеют никакой ценности без серебра и золота!*

- 5) Без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию именного присвяточного компонента:

Xošā Širāz o vaz'e bi-mesālaš Xodāvandā negahdār az zavālaš. Букв.: *Красив Шираз и бесподобно его положение! Да хранит Господь его от исчезновения!* (Хафиз) [11. сс. 167—168].

Что касается междометия в русском языке, то они могут быть распространены в качестве окказиональной субстантивации и вербализации: «Окказиональный переход междометий в имена существительные и глаголы является результатом использования междометий в функциях подлежащего, дополнения, сказуемого и других членов предложения» [1. С. 185]. Таким образом, междометия, утратив свою междометную роль, получают номинативное значение:

Субстантивация: *Голос матери, тусклый от усталости, монотонно качивал: «Ба-а-ай-бай! Ба-а-ай-бай!» Плачет ребенок. Трудно матери. «Бай-бай» [убаюкивание] не помогает* (В. Тендеряков).

Вербализация: — *Однако довольно шалить, — сказал он. — Инвалиду пора бай-бай [спать]* (А. П. Чехов).

В связи с классификацией междометий стоит отметить, что их принято делить на два разряда: 1) эмоциональные, передающие чувства говорящего: *а, ах, ай, бис, bravo, ура, боже, господи, батюшки, тьфу, фу, фи, гм, мда, эге, ай-яй-яй, о, ого, ого-го, э* и др.: «—Ура! Наши победители!»; 2) побудительные или императивные, передающие желания говорящего при побуждении кого-либо к действию: *айда, алло, марш, на, стоп, баста, ату, тсс, цыц: «Тсс, молчать!; Стоп, дальше ехать нельзя!»* [6. С. 615]. К двум указанным группам добавляют третий разряд Л. Л. Касаткин и др.: 3) этикетные, выражающие общепринятые формулы речевого этикета: *здравствуй, до свидания, спасибо, не стоит* и др. [5. С. 645; 7. С. 352].

По мнению Д. Э. Розенталя, междометие с синтаксической точки зрения не соотносится с другими элементами предложения. Именно этим отличаются междометия от служебных частей речи. Однако если его применять в разговорной речи, оно может выполнять различные функции членов предложения. Ср. функцию сказуемого: «*Подымается окошко, и шамкающий голос: “Брысь вы, пострелята!”*» [8. С. 428]. По Н. С. Валгиной и др., междометия семантически отличаются от всех знаменательных частей речи необладанием номинативной функцией, «так как являются своего рода речевыми знаками, сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания человека» [3. С. 282]. «Выражая (но не называя) чувства

и волю, междометия тем не менее осознаются всеми говорящими на данном языке и всем понятны, так как за междометием закреплено определенное смысловое содержание» [Там же]. Интересно, что междометия в персидском языке, как считают иранские ученые, подобно междометиям в русском языке выполняют функцию предложения и в них скрыт смысл, связанный с чувством, выраженным междометием. Однако в персидских учебниках по грамматике не обсуждается вопрос сущности междометия в качестве части речи. Утверждается, что для них характерна функция, подобная предложению. Позиция междометия в грамматике русского языка определяется иначе: на взгляд одних ученых, они относятся к отдельной части речи, ни принадлежащей ни к служебным частям речи, ни к самостоятельным. Остальные же считают, что эта группа слов вообще вне частей речи [2. С. 354].

В отношении позиции междометия в предложении следует подчеркнуть, что если междометия сохраняют все свои основные качества краткого сигнала, служащего для выражения каких-либо чувств, то они утрачивают свои особые междометные признаки и приобретают определенное смысловое содержание, выступая при этом в роли знаменательных частей речи и отдельных членов предложения. Однако, если у них остаются междометные свойства, они стоят впереди или позади предложения, являясь своего рода эмоционально-волевым знаком и сигнализируя о содержании последующего предложения. Например: «Ух, я не люблю этого попа» [3. С. 283]. Бывают и случаи, при которых междометия не имеют после себя пояснения, ибо их смысл ясен из предыдущего предложения: «Ну и было мне за это дело от бабушки, ой-ой» (В. Бианки) [Там же].

Сходство междометия в двух изученных языках синтаксически и семантически может быть подтверждением теории языковых универсалий. Согласно мнению иранского лингвиста К. Сафаву, признак может быть универсальной категорией, существующей во всех естественных языках. Например, семантические универсалии — это в основном категории, которые включают слова и фразы, имеющиеся во всех естественных языках [16]. Однако в каждом языке эти категории проявляются по-своему. Соответственно, семантические примитивы — это неотъемлемые понятия, общие для всех языков и, следовательно, переводимые.

В соответствии с этим также подчеркивает А. Вежицкая: «Гипотеза о том, что универсальные

человеческие концепты представляют собой психические феномены, располагающиеся во внутреннем мире человеческой мысли, восходит чуть ли не к XIX в. — к великим ученым того времени, философам-рационалистам Г. Лейбницу, Р. Декарту и Б. Паскалю» [4. С. 187—188]. В другом месте она говорит: «Лейбниц, в частности, считал, что в мозгу у каждого появившегося на свет человека имеется определенный набор врожденных элементарных идей, которые с самого начала находятся в латентном состоянии и которые по мере накопления человеком жизненного опыта активизируются и развиваются. Эти врожденные идеи настолько прозрачны, что никакое объяснение не в состоянии сделать их для нас более ясными; напротив, мы пользуемся этими простейшими идеями, или смыслами, чтобы с их помощью эксплицировать приобретаемый нами опыт. Лейбниц [14. С. 430] называл эти элементарные смыслы «алфавитом человеческих мыслей». Все сложные мысли, или смыслы, являются результатом различных комбинаций простых подобно тому, как слова и предложения появляются на письме благодаря различным сочетаниям букв алфавита. ...Кодификация сложных смыслов в отдельных словах может быть разной для разных языков, поскольку каждый из них может выбрать особое, присущее только ему одному, слово для обозначения данной комбинации простых идей. Но сами «простые идеи», лежащие в основании человеческой речи и человеческой мысли, являются, по мнению Лейбница, одними и теми же для всех людей на земле» [4. С. 189].

Подводя итоги вышеизложенного, мы пришли к нижеследующим выводам:

- 1-1) По семантике междометия в персидском языке классифицированы на междометия, выражающие:
- а) надежду, желание, молитву и мольбу;
  - б) одобрения, поощрения;
  - в) хвалу, благодарность;
  - г) сожаление и боль;
  - д) удивление и восклицание;
  - е) предупреждение, предостережение, наказание;
  - ж) волеизъявление;
  - з) приветствие, согласие, почтение, уважение;
  - и) положительный ответ, подтверждение;
  - к) опровержение, отрицание.
  - л) упрек, проклятие.

- 1-2) С синтаксической точки зрения в персидском языке в составе предложения междометия, как правило, занимают следующие позиции:

- а) играет роль подлежащего в персидском языке, употребляется с предлогом и получает определительное слово;
- б) является заменителем предложения, употребляемого с союзом *ke* — «который, что», сочетающимся с придаточным предложением;
- в) используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой самостоятельное предложение;
- г) используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой наречие;
- д) используется без сопровождения предлога и союза и представляет собой именную компонент составного сказуемого, выражающий признак предмета и являющийся определением (по-персидски *mosnad*).

- 1-3) Междометие в персидском языке может быть употреблено:

- а) в качестве заместителя предложения вместе с предлогом, с ним сочетается несогласованное определение:

Āfarin bar šomā! — *Вы молодцы!*

(межд. предл. несогл. опр.)

- б) в качестве главного предложения, и с ним может быть употреблен союз, а за союзом следует придаточное предложение;
- в) без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию полного предложения;
- г) без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию обстоятельства;
- д) без сопровождения предлога и союза и выполняет функцию именного присвяточного компонента.

- 2-1) Междометия в русском языке подразделяются на три разряда:

- а) эмоциональные, передающие чувства говорящего: *а, ах, ай, бис*, и др.;
- б) побудительные, передающие желания говорящего при побуждении кого-либо к действию: *айда, алло, марш* и др.;
- в) этикетные, выражающие общепринятые формулы речевого этикета: *здравствуй, до свидания* и др.

- 2-2) Для междометия в русском языке характерна окказиональная субстантивация и вербализация.

- 2-3) Если междометия сохраняют все свои основные качества краткого сигнала, служащего для выражения каких-либо чувств, они утрачивают свои особые междометные признаки и приобретают определенное смысловое содержание, выступая при этом в роли знаменательных частей речи и отдельных членов предложения.

3) Языковые универсалии включают в себя особенности, которые присутствуют во всех естественных языках и обычно исходят из какой-либо биологической необходимости. Эмоции можно выражать на всех человеческих языках. Но средства выражения мыслей и чувств — это слова: слова, которые могут охватывать широкий спектр, будь то глаголы или звуки! По мнению автора, тот факт, что междометия и в русском, и в персидском языках очень похожи по выражению значений и синтаксической функции, может быть доказательством теории семантических при-

митивов и языковых универсалий. Общие черты человеческого мозга, отражение функции разума, одинаковая реакция при выражении эмоций, таких как выражение гнева, радости, восхищения, или инструмент для приказа и запрета, — все это подтверждает истинность данной теории.

4) Междометия могут подобно предложениям выполнять коммуникативную функцию и служат средством общения, поэтому в них содержится информация, свойственная предложениям. Как эмотивным единицам, междометиям присуща экспрессивная насыщенность.

Список источников

1. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования: в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, В. С. Печникова [и др.]; под ред. Е. И. Дибровой. 4-е изд., перераб. М.: Академия, 2011. 624 с.
2. Русский язык: учеб. пособие для старших классов школ гуманитар. профиля / Багрянцева [и др.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 560 с.
3. Современный русский язык / Н. С. Валгина [и др.]. М.: Высш. шк., 1966. 495 с.
4. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: Общечеловеческие познания в культуроспецифичных контекстах // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 185—206.
5. Русский язык: учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования / Л. Л. Касаткин [и др.]. М.: Академия, 2011. 784 с.
6. Костомаров В. Г, Максимов В. И. Современный русский литературный язык. М.: Юрайт, 2010. 916 с.
7. Лекант Л. А. Современный русский язык. М.: Дрофа, 2001. 560 с.
8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1984. 735 с.
9. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
10. Анвари Х., Аббас-абад Ю. А. Справочник персидского языка. Ч. I и II. Тегеран: Сохан, 2007. 415 с.
11. Анвари Х., Ахмади-Гиви Х. Грамматика персидского языка. Ч. I. Тегеран: Фатеми, 2006. 256 с.
12. Анвари Х., Ахмади-Гиви Х. Грамматика персидского языка. Ч. II. Тегеран: Фатеми, 2006. 393 с.
13. Вахидиян Камйар Т. Грамматика персидского языка. Ч. I. Тегеран: САМТ, 2008. 130 с.
14. Leibniz G. W. Opuscles et fragments inédits de Leibniz / ed. by Le Couturat. Paris, 1903. Preprinted in 1961, Hildesheim: George Olms Buchhandlung. [Лейбниц Г. В. Неопубликованные буклеты и фрагменты Лейбница / ред. Le Couturat. Париж, 1903. Напечатано в 1961 г., Хильдесхайм: Джордж Олмс Бухандлунг].
15. Нател-Ханлари П. Грамматика персидского языка. Тегеран: Тус, 2010. 367 с.
16. Сафави К. Изучение сущности семантических примитивов // Журнал факультета литературы университета Фирдосу Мешхед. 2002. № 35 (34). С. 399—428.
17. Фаршидвард Х. Краткая сегодняшняя грамматика на основе современной лингвистики. Тегеран: Сохан, 2009. 414 с.
18. Хайямпур А. Грамматика персидского языка. Тебриз: Сотуде, 2007. 191 с.

References

1. Babajceva VV, Nikolina NA, Pechnikova VS [et al.], Dibrova EI (ed.). Sovremennyj russkij jazyk. Teorija. Analiz jazykovyh edinic. V 2 ch. Ch. 2. Morfologija. Sintaksis = Modern Russian language: Theory. Analysis of linguistic units: a textbook for high school students, majoring in the humanities. In 2 vol. Vol. 2. Morphology. Syntax. Moscow: Akademija; 2011. 624 p. (In Russ.).
2. Bagrjanceva VA et al. Russkij jazyk = Russian language. Moscow: Moscow University Publ.; 2011. 560 p. (In Russ.).
3. Valgina NS [et al.]. Sovremennyj russkij jazyk = Modern Russian language. Moscow; 1966. 495 p. (In Russ.).

4. Vezhbickaja A. Semantika, kul'tura i poznanie: Universal human knowledge in cultural context. *Thesis*. 1993;(2):185-206. (In Russ.).
5. Kasatkin LL [et al.]. Russkij jazyk = Russian language. Moscow: Akademija; 2011. 784 p. (In Russ.).
6. Kostomarov VG, Maksimov VI. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk = Modern Russian literary language. Moscow: Jurajt; 2010. 916 p. (In Russ.).
7. Lekant LA. Sovremennyj russkij jazyk = Modern Russian language. Moscow: Drofa; 2001. 560 p. (In Russ.).
8. Rozental' DE. Sovremennyj russkij jazyk = Modern Russian literary language. Moscow; 1984. 735 p. (In Russ.).
9. Rubinchik JA. Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka = Grammar of the modern Persian literary language. Moscow; 2001. 600 p. (In Russ.).
10. Anvari H, Abbas-abad JA. Spravochnik p'sersidskogo jazyka = Persian language handbook. Ch. I, II. Tehran: Sohan, 2017. 415 p. (In Persian).
11. Anvari H, Ahmadi-Givi H. Grammatika persidskogo jazyka = Grammar of the Persian language. Ch. I. Tehran: Fatemi; 2006. 256 p. (In Persian).
12. Anvari H, Ahmadi-Givi H. Grammatika persidskogo jazyka = Grammar of the Persian language. Ch. II. Tehran: Fatemi; 2006. 393 p. (In Persian).
13. Vahidijan Kamjar T. Grammatika persidskogo jazyka = Grammar of the Persian language. Ch. I. Tehran: SAMT; 2008. 130 p. (In Persian).
14. Leibniz GW, Le Couturat (ed.). Opuscles et fragments inédits de Leibniz = Unpublished booklets and fragments by Leibniz. Paris, 1903. Preprinted in 1961, Hildesheim: George Olms Buchhandlung. (In French).
15. Natel-Hanlari P. Grammatika persidskogo jazyka = Grammar of the Persian language. Tehran: Tus; 2010. 367 p. (In Persian).
16. Safavi K. Studying the essence of semantic primitives. *Zhurnal fakul'teta literatury universiteta Firdosu Meshhed*. 2002;(35(34):399-428. (In Persian).
17. Farshidvard H. Kratkaja segodnjashnjaja grammatika na osnove sovremennoj lingvistiki = A Summary today's grammar based on contemporary linguistics. Tehran: Sohan; 2009. 414 p. (In Persian).
18. Hajjampur A. Grammatika persidskogo jazyka = Grammar of the Persian language. Tabriz: Sotude; 2007. 191 p. (In Persian).

Информация об авторе

М. Моради — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы.

Information about the author

Maryam Moradi — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of the Russian Language and Literature Department.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 24.10.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.11

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10710

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ ЯЗЫКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГЕЙМЕРОВ

Людмила Алексеевна Пасечная¹, Валентина Евгеньевна Щербина²

^{1,2}Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

²wjatschina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из доминантных тематических сегментов молодежного сленга и основного источника его пополнения, неологизмов. Предметом исследования стали актуальные примеры неологизмов языка немецкоязычных геймеров. Методом компонентного анализа выявлены структурно-семантические составляющие неологизмов и основные словообразовательные модели их создания. Авторы делают вывод, что язык геймеров представляет собой не только компьютерную терминологию, связанную с видеоиграми, но и сленгизмы, образуемые в процессе коммуникации геймеров. Теоретические положения подкрепляются примерами из языка немецкоязычных геймеров.

Ключевые слова: язык геймеров, молодежный сленг, неологизм, модель образования

Для цитирования: Пасечная Л. А., Щербина В. Е. К вопросу о моделях образования неологизмов языка немецкоязычных геймеров // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 85—91. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10710.

Original article

ON THE MODELS OF NEOLOGISMS FORMATION IN THE LANGUAGE OF GERMAN-SPEAKING GAMERS

Lyudmila A. Pasechnaya¹, Valentina E. Shcherbina²

^{1,2}Orenburg State University, Orenburg, Russian

¹lyudmila-pasechnaya@yandex.ru

²wjatschina@rambler.ru

Abstract. The subject of this article is the language of gamers as a thematic segment of youth slang, which is an important source of language replenishment. The research material is neologisms in the language of German gamers related to the thematic field of computer games. In the course of the research, the main models for the creation of neologisms have been identified. To identify them, we use the method of continuous sampling and the method of componential analysis. We conclude that the language of gamers is not only computer terminology associated with video games, but also slangisms formed in the process of communication between gamers. The examples from the language of German-speaking gamers are given.

Keywords: the language of gamers, youth slang, neologism, model of formation, Anglicism

For citation: Pasechnaya LA, Shcherbina VE. On the models of neologisms formation in the language of German-speaking gamer. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):85-91. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10710.

Актуальность темы исследования определена высоким интересом научного сообщества к вопросам пополнения и функционирования языка геймеров. Интерес связан с переходом к идее ан-

тропоцентричности языка, которая в настоящий момент является ключевой в лингвистических исследованиях. Кроме того, актуальность обусловлена востребованностью языка геймеров определенной частью общества, динамичностью процессов, про-

исходящих в нем, и, как следствие, постоянным его пополнением посредством неологизмов. В исследованиях языка геймеров еще имеются лакуны и спорные вопросы, связанные с недостаточной изученностью данного феномена языка. Цель исследования — определить основные модели образования неологизмов в языке немецкоязычных геймеров. Предметом исследования являются слова и словосочетания, дифференцирующие язык геймеров как один из тематических сегментов лексикона современной немецкоязычной молодежи.

Для определения основных словообразовательных моделей неологизмов в языке геймеров в статье применяются метод сплошной выборки и метод компонентного анализа. Материалом исследования послужили неологизмы современного молодежного сленга, относящиеся к тематическому полю «компьютерные игры».

Теоретической основой исследования молодежного сленга как языкового феномена послужили труды многих русских и зарубежных лингвистов: Е. А. Коломиец, И. Р. Пеллиха, Т. В. Алексеевой, Э. М. Береговской, Н. Н. Гранковой, Э. Нойланд, Р. Гоберг и др. [1; 2; 4—7; 9—15].

Особенности формирования и пополнения того или иного языка связаны со спецификой характера номинации его лексических субсистем. В этом смысле язык молодежи значительно отличается своей сущностью, заключающейся в том, что сленг отбирает языковые средства из уже существующих языковых ресурсов и адаптирует их в соответствии с коммуникативными задачами и потребностями [11. С. 68].

Сленг, будучи самостоятельным языковым явлением, постоянно меняется и пополняется в связи с появлением новых предметов, явлений, реалий, что, соответственно, требует постоянного форсирования процесса номинации. Сленг может использоваться в определенной субкультуре, например, в субкультуре геймеров. Согласно статистическим данным, средний возраст рядового геймера составляет чуть больше 20 лет. В связи с этим можно утверждать, что язык геймеров является тематической составляющей молодежного сленга.

Неологизмы, которые со стабильным постоянством появляются в гейм-среде, успешно там функционируют и используются в процессе коммуникации среди геймеров, мы будем называть неологизмами языка геймеров. Эта сфера жизни и форма досуга молодежи является очень популярной, как следствие, постоянно развивается и пополняет язык новыми лексическими единицами. Большинство неологизмов появляются в связи с постоянным развитием гейм-субкультуры, разработкой новых

компьютерных игр, появлением новых персонажей, правил и стратегий игры. В то же время для создания неологизмов образуется особая среда, которая включает не только терминологию, связанную с компьютерными играми, но и сленгизмы, образуемые для обеспечения коммуникации геймеров [12. С. 396].

Согласно немецкому ученому-лингвисту Д. Гербергу, слово является неологизмом, если: «1) его форма и содержание или 2) только содержание в какой-то момент и в течение определенного времени воспринимаются большинством носителей языка как новое» [14. С. 74]. В нашей статье мы будем придерживаться его определения.

Рассмотрим основные модели образования неологизмов, относящиеся к языку геймеров.

Аббревиация является популярной моделью создания неологизмов в сфере компьютерных игр и общения в Интернете [3; 9]. В устной и письменной речи геймеры охотно прибегают к сокращениям, что определено не только стремлением к языковой экономии, но и к кодированию своей терминологии, чтобы быть непонятыми представителям других социолингвистических групп.

LAN-party (англ.) — вечеринка в локальной сети. Неологизм образован от аббревиатуры LAN (local area network) и имени существительного party. Локальная сеть может связывать между собой несколько компьютеров. Подобные вечеринки популярны среди геймеров и компьютерщиков. Несколько ноутбуков и компьютеров соединяются между собой, чтобы затем весь вечер или даже все выходные активно играть в компьютерные игры вместе или против друг друга. Наряду с частными марафонами онлайн-игр с друзьями организуются официальные вечеринки в локальной сети, участие в которых платно. При этом организатор должен обеспечить участников выходом в Интернет, электроэнергией и питанием.

E-diot (англ.) — электронный идиот, сокращение от англ. electronic idiot. Собратья электронного идиота — Noob и Offliner. В то время как Offliner не имеет вообще никакого представления об Интернете, а Noob — полный новичок, E-diot имеет некоторые технические знания и ориентируется в бесконечных просторах Интернета. В действительности его можно точно вычислить по неким полужнаниям, и он быстро провалится при опросе. Если это слово произносить по-английски, то оно звучит как «идиот», поэтому его используют главным образом в письменной интернет-коммуникации.

MMORPG (англ.) — ММОПГ — глобальная многопользовательская ролевая онлайн-игра, со-

кращение от англ. MMRPG — massive multiplayer online role-playing game. Первые выдуманные герои ролевых игр двигались с нарисованными вручную картами и кубиками по фантазийным мирам. В настоящее время в ролевые игры, такие как, например, «Вселенная Warcraft», можно играть сидя дома за компьютером. В ММОРПГ тысячи персонажей могут одновременно передвигаться в трехмерном пространстве. Но принцип игры остался прежним: как и во всех ролевых играх, речь идет о совместном решении квеста, уничтожении противников и собирании пунктов.

LARP (англ.) — ролевая игра живого действия, сокращение англ. live action role playing. Немецкоговорящие любители пощекотать себе нервы используют также термин-сращение из английского и немецкого слов Liverollenspiel. Тот, кто в торговом центре увидит двух человек, которые неожиданно набрасываются друг на друга и впадают друг другу в шею, может оказаться свидетелем ролевой игры живого действия, так как в некоторых крупных городах мира есть целые группы ЛАРП-игроков, которые физически исполняют роли вампиров. Как и любая ролевая игра, игра живого действия основывается на том, что администраторы разыгрывают какую-либо ситуацию (чтобы посмотреть на результат), а игроки хотят участвовать в этой ситуации в роли одного из персонажей. Но в отличие от компьютерной видеоигры, игра живого действия использует минимум условностей и максимально приближена к реальной жизни. Все действия, выполняемые игроками, воспринимаются как действия их персонажей. Часто игрокам приходится преодолевать множество препятствий, выполнять задания, уничтожать противников. Они полностью вживаются в роль, передеваются в соответствующие костюмы, накладывают грим, говорят и ведут себя, как персонажи по сценарию игры.

Еще одним путем пополнения языка геймеров в немецком языке является основосложение. Результатом основосложения являются сложные слова, лексические единицы с очевидной словообразовательной структурой, которые состоят из компонентов, уже использовавшихся в другом сочетании в иных словообразовательных комбинациях.

Gameplay — игровой процесс, ход игры. Неологизм образован от англ. game — игра и to play — играть. Устаревшее понятие Spielmechanik (игровая механика), которое означает все правила, действия и антураж в процессе видеоигр, уже недостаточно описывает все многообразие значений, которое между тем приобрел англоязычный эквивалент. В тематических журналах, посвященных видео-

играм, рубрика Gameplay предлагает подробную информацию об играх и их характеристиках. Кроме того, на языке геймеров Gameplay имеет то же значение, что и handicap — гандикап в гольфе, то есть показатель способностей игрока. Если ты профессионал (англ. skiller), то ты им обладаешь, если нет, ты плохой игрок, нуб (англ. noob).

Case-modding (англ.) — изменение корпуса, тюнинг персонального компьютера. При этом оборудование обновляется с помощью плексигласа, светодиодов, наклеек и природных материалов. Внутренние части компьютера делают видимыми благодаря окошечкам или размещению снаружи. Также популярно изменение корпуса, когда компьютер встраивают в другую аппаратную среду, например, в микроволновку или бамбуковый кожух. Но при всей креативности естественно не должна страдать функциональность.

Add-on (англ.) — расширение, добавление. Расширения добавляют к основной программе новые уровни, персонажей или предметы, что увеличивает интерес геймеров.

В разговорной речи геймеры охотно прибегают к использованию блендов. Бленды имеют ряд положительных характеристик по сравнению с полными наименованиями — они более компактны, удобны для сочетания с другими основами в едином сложном слове, звучат, с одной стороны, оригинально, с другой — недоступно для понимания несведущих в компьютерах и компьютерных играх.

Haeckse — хакерша, неологизм образован путем усечения англ. hacker — «программист высшего класса» и нем. Hexe — «ведьма». Хакерша — феминатив слова хакер, компьютерного гения, который нелегально проникает в чужие социальные сети и страницы в Интернете, чтобы там изменить или уничтожить данные. Если сравнить их со средневековыми ведьмами (ср. нем. Hexe — ведьма и Haeckse — хакерша), то хакерши «колдуют» в Сети.

Blogser — результат сращения англ. слова Blog и нем. Leser — «читатель», означает, соответственно, «читатель блогов».

Blogosphäre — «блогосфера», англо-немецкий бленд, состоящий из Blog и Atmosphäre. Мир блогеров безграничен. Блогеры как субкультура распространены по всему миру, взаимосвязаны между собой Всемирной паутиной, частью которой является «блогосфера», совокупность личных платформ для размещения разного рода постов, сториз и сообщений.

Leetspeak — результат усечения англ. слов elite — «избранный», «отборный» и to speak —

«говорить». Leet или leetspeak, он же l337, он же l33t — неразговорный псевдоязык хакеров (h4xor), геймеров и других компьютерщиков. Построен на якобы неграмотном английском с обязательной заменой привычных букв латинского алфавита на цифры, символы, сочетания знаков препинания и букв из других алфавитов, например русского или греческого.

Этот язык впервые появился в BBS (Bulletin Board System, электронные доски объявлений) в 1990 г., для того чтобы обходить запреты и языковые фильтры системы. Тогда он считался языком хакеров, но позднее переключался в мейнстрим¹.

Суффиксация и префиксация представляют собой достаточно частотную модель создания неологизмов. Посредством присоединения суффикса -en/-n к основе-англицизму в языке немецкоязычных геймеров появились новые глаголы, обозначающие различные опции, процессы, происходящие в ходе видеоигры; с помощью прибавления суффикса -eg были образованы имена существительные, обозначающие участников этих игр и операций.

Leveln — проходить по уровням (от англ. level — «уровень»). Целью в ММОПГ является пройти все квесты, уничтожить противников и собрать как можно больше предметов. Тем самым можно со своим персонажем дойти до высокого уровня, что сравнимо с гандикапом в гольфе. Самая известная в этом смысле игра «Вселенная Warcraft» имеет восемьдесят уровней. Но даже после прохождения самого высоко уровня игра не заканчивается, так как автор игры может постоянно ставить новые задачи и предметы. Одни видят в этом долговременную мотивацию, другие — зависимость.

Skillen — прокачать, оптимизировать (от англ. skill — способность). Игроки в ММОПГ постоянно стараются улучшить свои персонажи, сделать их более сильными. Этому можно достичь либо проходя уровни (leveln), либо прокачивая персонаж (skillen). Последнее означает совершенствовать способности персонажа с помощью тренировок. Принцип тот же, что и в школе: учиться, учиться и еще раз учиться.

Skiller — скиллер, профессиональный геймер (от англ. skill — способность). Какой молодой геймер не мечтает сделать свое хобби профессией, выступать в качестве профессионального геймера на турнирах и получать за это денежные призы.

¹Блог образовательного центра «Интенсив» (https://intensiv.ru/blog/blog_1/leet-speak.php; дата обращения 10.12.2021).

Только абсолютный «скиллер» имеет шанс сделать карьеру в киберспорте.

Источником пополнения языка геймеров являются англицизмы. При укоренении в новой языковой среде англицизмы могут функционировать по-разному: одни могут адаптироваться к правилам языка, другие «принимают» только грамматику, а некоторые не изменяются совсем, как, например, нижеследующие неологизмы, прочно вошедшие в язык геймеров.

Gamer (англ.) — геймер, игрок. Неважно, на компьютере или игровой приставке, этот заядлый игрок играет во все, что попадает ему в руки. Играет часами и сутками напролет, пока не будет пройден последний уровень, найден последний клад и не будет повержен последний соперник. Особенно одаренные могут стать профессиональными геймерами — Pro-Gamer — и сделать это хобби своей профессией. Но это необязательно должна быть новейшая стрелялка Shooter, которая с головой увлекает игроков в монитор. Старые добрые аркадные игры, в которые раньше играли на автоматах в игровых залах, сегодня являются культовыми. Особенно простая доисторическая графика таких игр, как «Тетрис» и «Пакман», высоко ценится в кругу ретрогеймеров — Retro-Gamer.

Ganker (англ.) — ганкер, хитрый игрок, пытающийся самореализоваться в игре ММОПГ (MMORPG) нечестными способами. Он пытается уничтожить других игроков и саботировать игру. Излюбленной тактикой ганкеров является засада. Этот нечестный ход игры не одобряется и остро критикуется геймерами.

Camper (англ.) — кемпер, от англ. «турист, ночующий в палатке». Тот, кто полагает, что «кемперы» — это загорелые, отдыхающие на свежем воздухе мужчины, не совсем прав. В компьютерном языке это выражение обозначает геймера, который упорно укрывается в одном месте, чтобы напасть на противника со спины. Кто попадает под прицел геймера, беспощадно уничтожается. Это тактическое выжидание на манер снайпера расценивается в сообществе как негативное, трусливое и неспортивное.

Item (англ.) — итем, предмет. Это любой предмет в игре, который получил геймер определенным способом, то есть нашел на карте или поднял с убитого противника. В компьютерных играх надо собрать как можно больше предметов, так как они могут помочь, например, при прохождении квеста. В играх их надо искать в каждом уголке, они могут оказаться в сундуках или ящиках. Возможно, их придется забирать у мертвых или живых персона-

жей или выкапывать из-под земли. Обладание отдельными предметами не имеет какого-либо смысла. Геймер должен их использовать в определенных комбинациях и сочетаниях, чтобы иметь от этого выгоду в игре. Предметы, которые в конечном счете не служат какой-либо цели, называются в немецком языке *Roter Herring* — «красная сельдь». «Красная сельдь» — предмет, сбивающий игроков с толку и ведущий в неправильном направлении. Название происходит от известной охотничьей метафоры английского публициста XIX в. Уильяма Коббета. Он писал о том, как гончие псы, охотящиеся на зайцев, могут быть отвлечены от своего занятия запахом «красной» (особым способом соленной и затем копченной) сельди, которую незадолго до того несли по следу зайца.

Lame (англ.) — слабый, отстойный, банальный (ср. нем. *lahm* — обессиленный, немощный). Все, что плохо, скучно и тоскливо, то слабо, банально. Слово следует выговаривать с английским произношением, иначе существует опасность произнести немецкое *lahm*, что, однако, не в тренде. Англицизм пришел в повседневный язык из языка геймеров. В нем так характеризуют новичка в онлайн-играх, нуба, который отстает от хода игры и не может выполнить определенные задания.

Character (англ.) — роль, персонаж. Если геймер с темными кругами под глазами разглагольствует о своем персонаже, то можно сделать вывод, что он думал ночью не о своей собственной персоне, а провел ее играя, перед компьютером. Персонажем, на жаргоне геймеров коротко *char*, называют персонаж игры со своими собственными способностями и талантами.

Cheat (англ.) — обман, жульничество. Кто в компьютерной игре никак не может найти решение для определенного уровня и пройти дальше, должен поискать в Интернете подсказки для этой игры. Подсказки — это тайные комбинации кнопок, встроенные программистами. Например, при помощи комбинации «взлом стены» он начинает видеть сквозь стены, при помощи комбинации «ускорение» — быстрее бегать и таким образом превосходит своих противников. При помощи бота-наводчика каждый выстрел попадает в цель. Все эти уловки не содержатся в описании игры, но в Интернете можно найти целые подборки к каждой компьютерной, онлайн- или консольной игре.

Firstlife (англ.) — первая жизнь. Так как виртуальная жизнь в Сети приобретает все большее значение, для обозначения реальной, до сих пор единственной, жизни приживается новый термин. «Первая жизнь» обозначает реальную жизнь, ко-

торая проходит вне Сети. Этот термин приобрел значение благодаря растущей популярности онлайн-3D-структуры «вторая жизнь», на основе которой десятки тысяч геймеров создают для своих аватаров вторую, цифровую жизнь. Также и в социальных сетях возможно создать отличную от реальной жизни цифровую репутацию. Для обозначения этой параллельной жизни появилась «первая жизнь», многообразные уровни и квесты которой должны стоять на первом месте.

Augmented Reality (англ.) — расширенная, дополнительная реальность. При данной форме альтернативной реальности речь идет о взаимодействии человека с техникой, в котором цифровые образы так встраиваются в реальность, что они дополняют реальную картину мира. Так, например, для смартфонов разработаны виртуальные экскурсии, во время которых изображения исторических зданий сопровождаются дополнительной информацией. Кроме того, существуют видеоигры, в которых игроки должны собрать виртуальные предметы, так называемые итемы. Чтобы погрузиться в альтернативную реальность, пользователь должен надеть специальные очки со встроенным мини-дисплеем.

В качестве особых случаев использования англицизмов можно выделить неологизмы, которые являются анаграммой к словам, обозначающим оскорбления или ругательства.

Boon. Новичка в online- или компьютерной игре, который в ней еще не ориентируется и выделяется своей неопытностью, называют *Noob*. Так как некоторые серверы блокируют оскорбления, то это слово автоматически заменяется четырьмя звездочками. Находчивые пользователи для обозначения несведущего в компьютерах человека нашли способ обойти цензуру и пишут это слово задом наперед в виде анаграммы — *Boon*.

Язык геймеров уже давно стал постоянной тематической компонентой молодежного сленга и превратился из модного течения в новый стиль общения на сайтах, в блогах и чатах. Являясь составляющей молодежного сленга, этот лингвистический феномен придает языку своеобразие. Как язык любой социальной группы, язык геймеров характеризуется набором специфических признаков. Одной из основных характерных черт языка геймеров является тот факт, что в основе большинства неологизмов, относящихся к лексикону геймеров, лежат англицизмы. Это связано с тем, что большинство компьютерных программ и игр издается именно на английском языке. Многие англицизмы адаптируются в языке с помощью грамматических средств данного языка (*Skiller, skillen*), другие же

остаются неизменными (Gamer). Компьютерные игры, как сфера жизни и форма досуга молодежи, являются очень популярными и, как следствие, постоянно развиваются и пополняют язык новыми лексическими единицами, что связано с постоянным развитием гейм-субкультуры, разработкой новых компьютерных игр, появлением новых персонажей, правил и стратегий игры. Самыми продуктивными способами образования неологизмов языка геймеров являются сокращение (LAN-party), усечение (Naechse), суффиксация (leveln). Широко

представлены в языке геймеров лексические единицы, образованные путем словосложения (Gamerplay). Язык геймеров включает не только терминологию, связанную с компьютерными играми, но и сленгизмы, образуемые для обеспечения коммуникации как геймеров, так и людей, далеких от сферы компьютерных игр. Так язык, который рожден в среде молодых пользователей сети Интернет и компьютеров, со временем входит в общеупотребительный язык и претендует на то, чтобы занять там достойное место.

Список источников

1. Алексеева Т. В. Молодежный сленг — развитие языка или его деградация? URL: [http:// nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/29/molodyozhnyy-sleng-razvitie-yazyka-ili-ego](http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/29/molodyozhnyy-sleng-razvitie-yazyka-ili-ego) (дата обращения 14.11.2021).
2. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32—41.
3. Горшунов Ю. В. Прагматические принципы употребления аббревиатур // Лингвистические и методические аспекты изучения языка и речи: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 11—12 окт. 2000 г. — Шадринск: ШГПИ, 2000. С. 4—5.
4. Гранкова Н. Н. Актуальные способы образования молодежного сленга (на материале словаря Германа Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2. С. 55—57.
5. Жаркова Т. И. Сленг современной немецкой молодежи как средство развития коммуникативной компетенции студентов. URL: <http://festival.lseptember.ru/articles/500187/> (дата обращения 18.10.2021).
6. Коломиец Е. А. Русско-немецкий словарь современного молодежного жаргона. М.: Восток-Запад, 2005. 336 с.
7. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/043/843/1231/011Lukov.pdf> (дата обращения 18.10.2021).
8. Палкова А. В. Аббревиация как способ образования новых лексических единиц в сфере компьютерной техники и Интернета // Иностранные языки в экономических вузах России: всероссийский научно-информационный альманах. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов. 2004. С. 66—80.
9. Пеллих И. Р. Молодежный сленг как социальная разновидность речи // Вестник АГУ. 2008. № 1. С. 82—87.
10. Полехина Е. А. Молодежный жаргон как объект лингвистического исследования // Вестник ВГУ. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 180—184.
11. Щербина В. Е. Чекинуться, инстаграмиться, твититься... Сетевые неологизмы как средство пополнения молодежного сленга // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1. С. 68—72.
12. Щербина В. Е. Язык геймеров как компонента молодежного сленга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3, ч. 2. С. 395—398.
13. Neuland E. Jugendsprache. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag, 2008. 210 S.
14. Herberg D. Neuer Wortschatz Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 393 S.
15. Hoberg R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng // Die deutsche Sprache zur Jahr-Tausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2000.

References

1. Alekseeva TV. Youth slang — language development or its degradation? 2012. Available from: [http:// nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/29/molodyozhnyy-sleng-razvitie-yazyka-ili-ego](http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/29/molodyozhnyy-sleng-razvitie-yazyka-ili-ego) (accessed 14.11.2021). (In Russ.).
2. Beregovskaya EM. Youth slang: formation and functioning. *Voprosy yazykoznaniiya = Topics in the study of language*. 1996;(3):32-41. (In Russ.).
3. Gorshunov YuV. Pragmatische Prinzipien der Verwendung von Abkürzungen = Pragmatic principles of using abbreviations. In: *Linguistische und methodische Aspekte der Sprachwissenschaft*. 2000. S. 4-5.

ological aspects of the study of language and speech. Shadrinsk: Shadrinsk State Pedagogical Institute; 2000. Pp. 4—5. (In Russ.).

4. Grankova NN. Current ways of youth slang education (H. Endgeil Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*. 2008;(2):55-57. (In Russ.).

5. Zharkova TI. Sleng sovremennoy nemetckoy molodezhi kak sredstvo razvitiia kommunikativnoy kompetentcii studentov = Slang of modern German youth as a means of developing students' communicative competence. URL: <http://festival.1september.ru/articles/500187/> (accessed 18.10.2021). (In Russ.).

6. Kolomiec EA. Russko-nemetckiy slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona = Russian-German dictionary of modern youth jargon. Moscow: East-West; 2005. 336 p. (In Russ.).

7. Lukov VA. Features of youth subcultures. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2002;(10):79-87. (In Russ.).

8. Palkova AV. Abbreviation as a way of forming new lexical units in the field of computer technology and the Internet. *Inostrannye yazyki v ekonomicheskikh vuzakh Rossii = Foreign languages in economic universities of Russia. Almanac*. St. Petersburg: Publ. house of St. Petersburg State University of Communications and Finance; 2004. Pp. 66—80. (In Russ.).

9. Pellih IR. Youth slang as a social type of speech. *Vestnik AGU = Bulletin of Adygea State University*. 2008;(1):82-87. (In Russ.).

10. Polekhina EA. Youth jargon as an object of linguistic research. *Vestnik VGU, Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of the Voronezh State University, Series 2: Linguistics*. 2012;(1):180-184. (In Russ.).

11. Shcherbina VE. Checking, instagramming, tweeting... Network neologisms as a means of replenishing youth slang. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2017;(1):68-72. (In Russ.).

12. Shcherbina VE. The language of gamers as a component of youth slang. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(3):395-398. (In Russ.).

13. Neuland E. Jugendsprache = Youth slang. Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag; 2008. 210 p. (In German).

14. Herberg D Neuer Wortschatz. Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen = New vocabulary. Neologisms of the 90s in German. Berlin: Walter de Gruyter; 2004. 393 p. (In German).

15. Hoberg R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng = Let's all speak Denglish or Germeng soon. In: Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag; 2000. (In German).

Информация об авторах

Л. А. Пасечная — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка.

В. Е. Щербина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка.

Information about the authors

Lyudmila A. Pasechnaya — Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor, associate professor, Department of German Philology and Methods of Teaching German Language.

Valentina E. Shcherbina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, associate professor, Department of German Philology and Methods of Teaching German Language.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 29.01.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ДИСКУРСОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 92—102.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):92-102. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81-2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10711

АМЕРИКАНСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕДИАТРАНСЛЯЦИИ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА: РОССИЯ В МЕДИАСОБЫТИЙНОМ АСПЕКТЕ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА»

Марина Ростиславовна Желтухина¹, Дарья Валерьевна Парамонова²

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, zzm@mail.ru, ORCID 0000-0001-7680-4003, Scopus Author ID56669701900, Researcher ID: A-7301-2015

²Московский международный университет, Москва, Россия, paramonovvalera@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6799-3284

Аннотация. Статья посвящена исследованию вербальной лингвокультурной специфики медиатрансляции образа государства на примере России в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» в американских и британских СМИ. Исследование проводится на материале статей, взятых нами из современных американских (The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post) и британских (The Guardian, The Independent, The Times Financial Times) массмедиа. Цель работы достигается путем применения сопоставительного метода, комплексного метода лексико-семантического и стилистического анализа, интерпретативного анализа. Актуальность исследуемой проблемы определяется возрастающим интересом к политической жизни в России и особенно к ее взаимоотношениям с другими странами. С каждым годом увеличивается количество журналистов, освещающих новости, связанные с политической ситуацией внутри России и за рубежом. По основанию сферы международных отношений нами были рассмотрены военно-политические, экономические, социокультурные аспекты взаимодействия России с Великобританией, Украиной и США. Анализ выбранных статей американских и британских СМИ подтвердил гипотезу о том, что с 24 февраля 2022 г., с момента объявления о начале специальной военной операции, в СМИ США и Великобритании преобладают статьи, освещающие взаимоотношения между Россией и Украиной, экономические последствия, с которыми столкнулась Россия после введения против нее многочисленных санкций, и реакцию российского социума на происходящее в Украине.

Ключевые слова: медиадискурс, образ государства, внешняя политика, международные отношения, межгосударственный конфликт, специальная операция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01623, <https://rscf.ru/project/22-28-01623/> (Желтухина М. Р.: часть об аксиологическом тематическом наполнении медиасобытийного аспекта «внешняя политика» при медиатрансляции образа государства в разных лингвокультурах, Парамонова Д. В.: часть об установлении лингвокультурной специфики медиатрансляции медиасобытийного внешнеполитического образа России в американских и британских СМИ).

Для цитирования: Желтухина М. Р., Парамонова Д. В. Американская и британская вербальная специфика медиатрансляции образа государства: Россия в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 92—102. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10711.

© Желтухина М. Р., Парамонова Д. В., 2022

Original article

AMERICAN AND BRITISH VERBAL SPECIFICITY OF MEDIA BROADCAST OF THE STATE IMAGE: RUSSIA IN THE MEDIA EVENT ASPECT “FOREIGN POLICY”

Marina R. Zheltukhina¹, Darya V. Paramonova²

¹Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, zzm@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-7680-4003, Scopus Author ID 56669701900, Researcher ID: A-7301-2015

²Moscow City University, Moscow, Russia, paramonovvalera@yandex.ru, ORCID ID 0000-0001-8560-7343

Abstract. This article is devoted to the study of the verbal linguocultural specificity of the media broadcast of the state image on an example of Russia in the media-event aspect of “foreign policy” in the American and British media. The study is based on articles taken from the modern American (The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post) and British media (The Guardian, The Independent, The Times, Financial Times). The purpose of the work is achieved by applying the comparative method and the complex method of lexico-semantic and stylistic analysis, interpretive analysis. The relevance of the problem under study is determined by the growing interest in political life of Russia and especially its relations with other countries. Every year the number of journalists covering news related to the political situation in Russia and abroad is increasing. Based on the sphere of international relations, we considered the military-political, economic, socio-cultural aspects of Russia’s interaction with Great Britain, Ukraine and the USA. An analysis of the selected articles from the American and British media confirmed the hypothesis that since February 2022, since February 24, 2022, since the announcement of a special military operation, the media in the United States and Great Britain have been dominated by articles covering the relationship between Russia and Ukraine, the economic consequences that Russia has faced after the imposition of numerous sanctions against it, and the reaction of the Russian society to the events in Ukraine.

Keywords: media discourse, state image, foreign policy, international relations, interstate conflict, special operation

Acknowledgments. The work has been supported by the RSF (project No. 22-28-01623, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01623/>). (Zheltukhina M.R.: part on the axiological thematic content of the media event aspect of “foreign policy” in the media broadcast of the state image in different linguocultures, Paramonova D.V.: part on the establishment of the linguocultural specifics of the media broadcast of the media event foreign policy image of Russia in the American and British media).

For citation: Zheltukhina MR, Paramonova DV. American and British verbal specificity of media broadcast of the state image: Russia in the media event aspect “foreign policy”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):92-102. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10711.

Введение

В реалиях XXI в. мировой порядок находится в состоянии трансформации, в межгосударственных отношениях доминирует неопределенность, граничащая с назревающим и разрастающимся конфликтом, подкрепляемая агрессией со стороны как государственных политических институтов, так и общественности. В связи с этим возрастает роль СМИ, которые транслируют различные трансформационные процессы в мировой политике по разным каналам связи (пресса, радио, телевидение, Интернет), создавая в сознании массового адресата определенные образы государств, участвующих в данных процессах. Через транслируемые в СМИ образы формируется отношение граждан одних государств к другим государствам, а также вырабатываются соответствующие модели поведения в межкультурном общении.

Проблемам медиатрансляции образа государства в медиасобытийном аспекте «внешняя политика»

посвящены лингвосемиотические, лингвокогнитивные, дискурсивные, прагмалингвистические труды М. Р. Желтухиной [3; 4], В. Г. Кокорева [8], П. В. Павлова [12], О. А. Сулеймановой и др. [1]. Вопросами политических отношений, международных отношений занимаются такие ученые, как И. Г. Ковалев [7], М. Р. Желтухина [4], Н. Б. Боева-Омелечко и др. [15], Т. Ю. Тамерьян и др. [22], П. А. Цыганков и др. [10]. Многие исследователи рассматривают образ государства в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» в сопоставительном аспекте, например И. А. Истомин [5], Т. А. Шаклеина [14], Н. А. Коновалова [9], В. Б. Кашин, И. Н. Тимофеев [6] и др.

Оценка роли той или иной страны на мировой арене является одним из важнейших критериев в становлении имиджа государства. Кроме ООН, основные государства как участники международных отношений объединяются в «Большую семерку» (G7), «Большую двадцатку» (G20) и другие

геополитические сообщества. Так, например, Россия, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, несет ответственность за поддержание безопасности во всем мире и является одной из основных участниц международных отношений, которая оказывает влияние на события в мире.

В статье Н. Коноваловой под названием «Внешняя политика России в рамках современной международной системы» предлагается определение миропорядка и рассматривается место России в нем. Проведенный автором статьи анализ констатирует наличие как оптимистичных, так и пессимистичных оценок роли России в мировой политике. С одной стороны, Россия традиционно «отдавала приоритет вопросам безопасности и суверенитета в самом широком смысле» [9. С. 130]. С другой стороны, при ухудшении положения России в мире имеется вероятность «скатывания России на периферийные роли в международной системе, так что страна не сможет оказывать желаемого влияния на глобальные процессы» [Там же].

В 2014 г. между Россией и Западом усугубился конфликт в связи с проблемой государственной принадлежности Крыма. Политологи В. Кашин и И. Тимофеев в своем исследовании описывают положение, в котором оказалась Россия: «В считанные месяцы их отношения растеряли остатки партнерства предшествовавших двадцати лет и фактически перешли в стадию новой холодной войны. В отличие от Советского Союза Россия оказалась в гораздо более уязвимом положении» [6. С. 1].

Исходя из концепции великодержавности Т. Шаклеиной и модели глобальной иерархии, предложенной научным коллективом ИМЭМО, учитывая такие параметры, как «размер территории», «количество населения», «уровень экономики», «развитие Вооруженных сил», «наука», «культура», «образование», «исторический опыт участия в мирорегулирующей деятельности», можно выделить ряд государств, претендующих на статус великодержавных. Т. Шаклеина относит Соединенные Штаты Америки и Китай к государствам с наиболее высокими показателями по большинству вышеуказанных параметров. Далее следует Европейский Союз, а Россия находится между вторым и третьим уровнями. По мнению составителей модели глобальной иерархии, Россия уступает по своему экономическому и технологическому потенциалу, но при этом остается ядерной державой, что способствует повышению ее уровня [14. С. 55]. Подобную иерархию мировых политических государств-лидеров тиражируют современные западные СМИ, стараясь минимизировать

достижения России, использовать ее как фактор устрашения из-за ядерного потенциала. При этом, как показывает анализ фактического материала, медиатрансляция выступлений политиков ведущих мировых держав демонстрирует довольно часто принижение и ядерной роли России в мире. При обсуждении как внутренних, так и внешних проблем в западных странах в медиаречах все чаще фигурирует основной виновник всех бед — Россия, что формирует намеренно негативный образ России как государства в сознании граждан разных стран.

После 24 февраля 2022 г. военный, экономический и технологический потенциал, а также ядерный статус России стали наиболее часто обсуждаемыми темами в иностранных СМИ. Это обуславливает актуальность рассматриваемой проблемы лингвокультурной специфики медиатрансляции образа государства в зависимости от происходящих событий в мире.

Целью данной статьи является исследование вербальных особенностей медиатрансляции образа России в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» в американских и британских СМИ в сопоставлении.

Методы и материал исследования

В работе применялись следующие методы исследования для достижения поставленной цели. Использовались описательный, сопоставительный методы, интерпретативный анализ, лексико-семантический анализ, стилистический анализ, контент-анализ, элементы дискурс-анализа.

Материал исследования был сформирован в результате сплошной выборки статей из американских и британских массмедиа, транслирующих образ государства Россия. Материалом исследования послужили статьи, отобранные из современных американских (*The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *The Washington Post*) и британских (*The Guardian*, *The Independent*, *The Times*, *Financial Times*) СМИ в 2021—2022 гг. За единицу анализа принималось слово или словосочетание, имеющие отношение к внешней политике, отражающие образ государства Россия.

Результаты и обсуждение

Анализ американских и британских статей за 2021—2022 гг., которые транслируют образ России как государства, взаимодействующего с другими государствами, в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» позволил выделить основные государства — партнеры по коммуникации, а также основные события, ставшие информационны-

ми поводами для медиатрансляции образа России в США и Великобритании. Обсудим лингвокультурную специфику реализации данных параметров в исследуемом контексте. В анализируемых статьях преобладают коммуникативные события с наиболее часто упоминаемыми государствами — партнерами по коммуникации в предлагаемых обстоятельствах: 1) Великобритания — Россия (31%), 2) США — Россия (30%), 3) Украина — Россия (29%), 4) другие государства — Россия (10%). Рассмотрим аксиологическое тематическое наполнение медиасобытийного аспекта «внешняя политика» при медиатрансляции образа государства Россия в разных лингвокультурах (американской и британской лингвокультурах).

Начало формальных отношений между Россией и Великобританией датировано 1553 г. Исторически констатируется минимизация выражения взаимопонимания между странами, а в кризисные периоды — открытое противостояние, в том числе и в массмедиа. Россия и Великобритания определяются как противники и конкуренты, особенно в переломные исторические моменты: 1) враги в Крымской войне (1850), 2) обострение отношений в период русской революции (1917) и «холодной войны» (1947—1989), 3) постоянное столкновение экономических интересов от Ближнего Востока до Индии. При этом важно упомянуть, что в отношениях России и Великобритании зафиксирована и реализация кооперативной стратегии: союзники в период столкновений с армией Наполеона и во время Первой и Второй мировых войн.

В массмедиа XXI в. озаменованы рядом последовательных британских обвинений России в отравлениях политического эмигранта Александра Литвиненко в 2006 г., Сергея и Юлии Скрипалей в 2018 г. и Алексея Навального в августе 2020 г. По мнению эксперта по британо-российским отношениям И. Ковалева, существуют два события, которые повлияли на формирование негативного тренда в межгосударственных отношениях: «Первое — это знаменитая речь В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. В ней российский президент не только констатировал провал попыток США построить однополярный мир, но и фактически объявил о новом независимом внешнеполитическом курсе России. Второе — отравление бывшего сотрудника Федеральной службы безопасности РФ Александра Литвиненко» [7. С. 26].

Россия и Великобритания — одни из ключевых центров политического и экономического влияния в мире. Их объединяет членство в Совете Безопас-

ности ООН, оба государства являются ядерными государствами. Фактический материал показывает, что на данном этапе взаимоотношения России и Великобритании находятся в стремительном развитии с преобладающими негативными тенденциями. Именно этот вектор транслируют британские медиа. Все происходящие исторические события приводят к взаимным обвинениям России и Великобритании и к устойчивому противостоянию двух стран.

В 2014 г. Крым вошел в состав РФ, а Кремль поддержал сторону ополченцев Донбасса в конфликте с Киевом. Великобритания отказалась признать Крым территорией России, и в британских СМИ данное действие со стороны России транслируют как *annexation, land grab, seizure of a territory* (аннексия, захват территории). Со стороны Великобритании были введены санкции в отношении России, и с тех пор в британских СМИ Россия представлена как *aggressor* (агрессор), а политический режим России характеризуется как *authoritarian regime* (авторитарный режим). Не только в медиалингвистике, но и в современной политологии в последние годы все чаще вызывает исследовательский интерес проблема авторитаризма. Заслуживает внимание указание Ю. А. Нисневича и А. В. Рябова на то, что «несущей конструкцией политических идеологий всех авторитарных и неоавторитарных режимов остается приоритет государства как высшей ценности» [11. С. 162]. Действуя в стереотипном поле, массмедиа акцентируют и тиражируют именно агрессивные проявления государства, не упоминают о его ценностных приоритетах, вызывают страх у массового адресата в разных лингвокультурах.

Например, в июне 2021 г. произошел инцидент в Черном море с участием эсминца британского королевского флота «Дефендер» («Защитник»), который осуществил проход вблизи побережья Крыма, нарушив государственную границу Российской Федерации. Журналист The Washington Post упоминает в своей статье, каким образом был присоединен Крым к России используя глагол «захватывать»: *The Defender sailed close to the Crimean coast, through what Russia has claimed are its territorial waters since it seized Crimea from Ukraine seven years ago* [24] — *Эсминец проплыл близко к крымскому побережью, что, по утверждению России, является ее территориальными водами, поскольку семь лет назад она захватила Крым у Украины.* Интересен тот факт, что британские СМИ не отрицают, что инцидент с эсминцем Defender — провокация: *The Defender's mission in Ukrainian waters was to demonstrate that the legality of the seizure has*

never been recognized internationally [24] — Миссия *Defender* в украинских водах заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что законность захвата территории Крыма никогда не признавалась на международном уровне.

В американских СМИ также обсуждается роль Великобритании в конфликте России и Украины, где подтверждается агрессивная роль России по отношению к Украине, а также отмечается, что Великобритания находится в противостоянии с Россией. В статье *Britain pursues more muscular role in standoff with Russia on Ukraine* (Великобритания стремится к более мощной роли в противостоянии с Россией по Украине) известного американского издания *New York Times* отмечено желание Великобритании играть более важную роль в конфликте России с Украиной. Для того чтобы показать, насколько Великобритания стремится к этому, автор статьи использует сравнительную степень прилагательного *more muscular role* — более мощная роль [17].

В американских массмедиа Великобритания обвиняет Президента России Владимира Путина в заговоре против Украины, создавая образ государства Россия как агрессора через образ президента: *Britain seized the world's attention on Saturday by accusing President Vladimir V. Putin of plotting to install a pro-Russian leader in Ukraine* [Ibid.] — В субботу Великобритания привлекла внимание всего мира, обвинив президента Владимира Путина в заговоре с целью поставить на Украине пророссийского лидера.

Еще до начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. издание *The Washington Post* ссылалось на недовольство Владимира Путина итогами «холодной войны»: *And Vladimir Putin, who nurses an unassuageable grudge about the way the Cold War ended, seems uninterested in Russia reconciling itself to a role as a normal nation* [24] — А Владимир Путин, затаивший неумолимую обиду на то, как закончилась холодная война, похоже, не заинтересован в том, чтобы Россия смирилась с ролью нормальной страны. Эпитеты *unassuageable* — «неумолимый», *normal* — «нормальный» помогают адресату воссоздать образ России и ее президента. Далее в статье автор раскрывает значение эпитета «нормальный» в контексте России, упоминая «необоснованное прибегание ко лжи» — *gratuitous resorts to mendacity* [Ibid.]. Тем самым создается образ «агрессивного государства», чей «лживый президент, затаивший обиду на страны Запада, не хочет быть нормальным государством». Из публикации следует, что нормальное

государство в представлении американских СМИ является смирением перед Западом, иначе говоря, подчиненное состояние, следование западным, а не собственным государственным курсом. Все то, что противоречит данному пониманию, вызывает осуждение в американских СМИ.

Это подтверждает и статья в газете *The New York Times*, причисляющая заявление Великобритании к «драматическим» — *a dramatic announcement* и «привлекающим (букв. захватывающим) внимание всего мира» — *seized the world's attention* [17]. Автор статьи, используя гиперболу, акцентирует внимание на заговоре России против Украины с целью усиления эмоционального воздействия устрашения на адресата путем утверждения, что это заявление произвело впечатление на всех в мире.

Противостояние России и Великобритании сравнивается с игрой, в которой Великобритания намерена сохранить для себя ключевую историческую роль: *They cast it as part of a concerted strategy to be a muscular player in Europe's showdown with Russia — a role it has played since Winston Churchill warned of an 'Iron Curtain' after World War II — Они считают частью согласованной стратегии — стать сильным игроком в противостоянии Европы с Россией — роль, которую она (Великобритания) играет с тех пор, как Уинстон Черчилль предупредил о «железном занавесе» после Второй мировой войны* [Ibid.].

Политическое клише «железный занавес» — *iron curtain* впервые прозвучало в Фултонской речи премьер-министра Уинстона Черчилля 5 марта 1946 г. «Железный занавес» — это политический и информационный барьер, который изолирует Россию от стран Запада. Издание РИА Новости характеризуют термин «железный занавес» как «символ тотальной несвободы при социализме, подавления основных прав личности, прежде всего права на свободу передвижения и получения информации» [2]. Появление данного термина в современных СМИ свидетельствует о том, насколько сильны сформированные массмедиа стереотипы восприятия того или иного государства в сознании адресата, в частности в закрепившейся ассоциации СССР с Россией.

Британские СМИ констатируют, что «железный занавес» в первую очередь характеризуется внутренними запретами и ограничениями, что наблюдается в России лишь частично. Ограничения коснулись независимых СМИ и иностранных интернет-платформ, таких как: Instagram, Facebook, Twitter: *Russia bans Facebook and Instagram under*

'extremism' law — В России запрещены Facebook и Instagram по закону об «экстремизме» [20].

В статье британского издания The Guardian освещаются результаты встречи министра обороны России Сергея Шойгу и министра обороны Великобритании Бена Уоллеса (Ben Wallace): *Cooperation between UK and Russia 'close to zero' — Сотрудничество между Великобританией и Россией «близко к нулю»* [19]. Для того чтобы дать характеристику сложившимся взаимоотношениям между Великобританией и Россией, при этом избегая грубой лексики, С. Шойгу использует эвфемизм «близко к нулю», что усиливает выразительность речи и дает адресату понимание того, что налаживания отношений между двумя государствами не ожидается в ближайшее время, так как ситуация развивается в худшую сторону: *...in danger of going into "negative" territory... — ...находится под угрозой перехода на негативную территорию...* [Ibid.]. В статье наблюдается антитеза, заключающаяся в резком противопоставлении понятий. Если С. Шойгу оценивает отношения с Великобританией «близкими к нулю», то Б. Уоллес характеризует взаимоотношения с Россией «выше нуля».

В статье The Guardian используется лексика с семантическими компонентами «агрессия» и «атака»: *Sergei Shoigu began his meeting with Wallace by attacking the UK's deliveries of lethal arms to Ukraine — Свою встречу с Уоллесом Сергей Шойгу начал с нападков на британские поставки смертоносного оружия в Украину* [Ibid.]. Несмотря на сложные взаимоотношения между Россией и Великобританией, Бен Уоллес положительно отзывается о С. Шойгу: *Shoigu is a professional and very experienced minister — Шойгу — профессиональный и очень опытный министр* [Ibid.]. Встречу с Сергеем Шойгу министр обороны Великобритании характеризует как *frank and constructive talks — откровенный и конструктивный разговор* [Ibid.]. В статье преобладают эмоционально-оценочные эпитеты, которые помогают создать положительный образ Сергея Шойгу, а соответственно, и государства, которое он представляет, в сознании адресата.

После 24 февраля 2022 г. в британских и американских СМИ наблюдается диаметрально противоположная точка зрения в отношении министра обороны Сергея Шойгу. The Washington Post в статье под названием *Russia's ultimate political survivor faces a wartime reckoning — Последнему политическому выжившему в России грозит расплата во время войны* [21] характеризует С. Шойгу как неотъемлемую часть российской политической жизни (*a fixture of Russian political life*), человека,

который может оказаться на крючке за военные неудачи (*could be on the hook for military failures*). В словаре Collins выражение *be on the hook for* относится к сленгу [16]. Исходя из контекста статьи, мы можем сделать вывод, что министр обороны России находится в опасном положении, в сложной ситуации.

Американская газета The Washington Post оценивает деятельность С. Шойгу как театральные учения: *...presided over theatrical exercises, rattled off statistics about personnel, and boasted of fearsome new weaponry — all to project the image of a Russian military on the rise under his guidance — ...руководил театральными учениями, оттачивал статистику личного состава и хвастался новым устрашающим вооружением, чтобы создать образ российской армии, набирающей силу под его руководством* [21]. В анализируемом фрагменте прослеживается скептическая ирония. Журналист использует ироническое осмеяние, подвергая сомнению все предыдущие достижения С. Шойгу, считая их «игрой на публику», преуменьшая образ государства Россия через минимизацию роли Российской армии и действий конкретного человека — министра обороны РФ.

Ранее положительный образ С. Шойгу в американской прессе сменяется на резко негативный: *...the facade that Shoigu meticulously presented over the past decade has disintegrated into an ugly reality, laying bare the incompetence and barbarity of one of the world's biggest militaries — ...видимость, которую Шойгу скрупулезно создавал в течение последнего десятилетия, превратилась в уродливую реальность, обнажив некомпетентность и варварство одной из крупнейших в мире армий* [Ibid.]. Использование гиперболы, основанной на осуждающем прилагательном *ugly* — *уродливая реальность*, на семантических антиномиях *incompetence* — *некомпетентность*, *barbarity* — *варварство* и *one of the world's biggest militaries* — *одной из крупнейших в мире армий* с использованием превосходной степени сравнения, нацелено на эффект диссонанса и преувеличения.

В американских СМИ подчеркивается, что переговоры между министром иностранных дел Великобритании Элизабет Трасс и министром иностранных дел России Сергеем Лавровым также не увенчались успехом: *...the talks resembled a discussion of the 'mute with the deaf'... — переговоры напоминают дискуссию «немого с глухим»...* [Ibid.]. Идиома *discussion of the 'mute with the deaf'* — «разговор немого с глухим» в данном случае носит саркастический характер, так как диалог между

министрами иностранных дел предполагает дипломатическую коммуникацию. Это означает то, что Великобритания и Россия не могут найти общий язык и достичь консенсуса даже с использованием дипломатического языка, что отражает противостояние, глубокий конфликт, нежелание договариваться, идти друг другу на уступки, слышать и понимать друг друга, что создает негативный образ государства Россия на международном уровне в американских массмедиа.

В своей статье *Judge Putin's intent by the poison flowing from his pen* для The Times министр обороны Великобритании Бэн Уоллес обвиняет президента России в грубом «этнонационализме» и предлагает судить о намерениях Путина по *the poison flowing from his pen* — «яду, вытекающему из его пера». По мнению ученых С. Сергеева и А. Салагаева, российский этнонационализм «неоднороден в идейно-политическом и стилевом отношении, имеет множество различных форм и проявлений. Авторы статьи также не отрицают тот факт, что этнонационализм характеризуется «склонностью к агрессии и проявлениям насилия» [13. С. 230].

В своей речи Бэн Уоллес использует термин *соломенное чучело* по отношению к заявлениям Кремля — *straw man*. Словарь Merriam Webster дает следующее определение данному термину: «слабый или воображаемый аргумент, созданный для того, чтобы его легко можно было опровергнуть» [18]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в речи министра Великобритании преобладают экспрессивные метафоры, которые имеют неодобрительный характер и способствуют формированию определенной точки зрения у читателей. Еще большей экспрессивностью обладают метафоры, содержащие в себе разговорную и просторечную лексику.

В ходе двухдневного визита премьер-министра Бориса Джонсона в Нью-Дели на повестке дня стоял не только вопрос экономического сотрудничества между Индией и Великобританией, но и попытка Великобритании повлиять на отношения между Индией и Россией. В статье The Guardian с заголовком *The Guardian view on Boris Johnson in India: flying into trouble* — *Взгляд The Guardian на поездку Бориса Джонсона в Индию: полет навстречу неприятностям* [23] подробно описывается встреча министров двух стран. Метафора в заголовке статьи, еще до ее прочтения, наводит на мысль, что переговоры между министрами Индии и России не увенчались успехом. Нарендра Моди отказывается высказаться о вторжении России в Украину.

Британская пресса отмечает, что Россия также столкнулась с проблемами в области культуры.

Признание Facebook и Instagram запрещенными социальными сетями в России оценивается британскими СМИ как «репрессии против западных медиа» — *crackdown on western media*, «...масштабные репрессии Кремля против западных социальных сетей» — *...the Kremlin's sweeping crackdown on western social media* [20]. По мнению службы безопасности, которое процитировано в рассматриваемой нами статье, Facebook и Instagram виновны в создании «альтернативной реальности» — *alternative reality* и «возгорании ненависти к русским».

Итак, нами рассмотрены военно-политические, экономические, социокультурные и идеологические аспекты взаимодействия России с Великобританией по медиасобытийному критерию «внешняя политика», которые представлены в американских и британских СМИ. Массмедиа наглядно демонстрируют, что военно-политические отношения между странами достигли своего апогея. Звучат угрозы применения ядерного оружия, речи дипломатов переполнены агрессией, жесткими заявлениями, политические деятели позволяют себе использовать сниженную лексику.

Установлено, что в американских и британских СМИ представлены экономические отношения, которые находятся в процессе полного прекращения. Великобритания намерена отказаться от российских нефти и угля, введено множество санкций в отношении российских бизнесменов и журналистов, работающих на федеральных каналах и поддерживающих военную спецоперацию, прекращено осуществление инвестиций в российскую экономику. Все эти меры направлены на ослабление российской экономики. Конфликты между Великобританией и Россией происходят в информационном поле и ограничиваются введением новых санкций в отношении друг друга.

Заключение

В данной работе была проанализирована вербальная специфика медиатрансляции образа России в медиасобытийном аспекте «внешняя политика» в американских и британских СМИ.

В проанализированных американских и британских СМИ медиасобытийный аспект «внешняя политика» представлен преимущественно следующими вариантами: «Взаимоотношения России и Великобритании», «Взаимоотношения России и США» и «Взаимоотношения России и Украины». Установлено, что СМИ констатируют, что напряженные отношения между государствами в 2022 г. претерпели изменения в еще более худшую сторону. Напряженные взаимоотношения

между Украиной и Россией достигли своего апогея, что привело к началу специальной военной операции в Украине и последующей ответной реакции рассматриваемых нами стран. Великобритания через СМИ открыто обвиняет Россию в незаконном присвоении территории Крыма, выражает свое несогласие с политикой Российского государства, что подкрепляют введением многочисленных санкций, как в экономической, так и в культурной сферах. США обвиняет Россию в незаконном проведении специальной военной операции в Украине. В статьях американских и британских СМИ превалирует военная и экономическая лексика, пейоративные метафоры и эпитеты с эмоциональным и оценочным компонентами. Во многих проанализированных статьях американских и британских СМИ доминируют ирония, сарказм. Все статьи о спецоперации России в Украине со-

провожаются фотографиями с мест боевых действий, отсутствует цензура. Проанализированные нами издания открыто демонстрируют агрессию и осуждение по отношению к Правительству России и его действиям. Обвинения представлены в американских и британских СМИ преимущественно эксплицитно. В статьях рассматриваемых нами изданий не приведены достоверные факты, которые подтверждали бы справедливость упреков в отношении России, а активно тиражируются эмоции, бездоказательные утверждения, порождаются и передаются фейки. Американские и британские массмедиа оказывают сильное эмоциональное воздействие на адресата — граждан США и Великобритании, а также других стран, читающих англоязычные издания, создавая в их сознании крайне негативный и устрашающий образ государства Россия.

Список источников

1. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О. А. Сулейманова. М.: URSS: Ленанд, 2018. 320 с.
2. Железный занавес в СССР // РИА Новости. 20.05.2021. URL: <https://ria.ru/20210520/zanaves-1732818087.html> (дата обращения 22.03.2022).
3. Желтухина М. Р., Гавриш А. Д. Эмоциогенность современных медиатекстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 120—125. URL: [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-120-125](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125) (дата обращения 17.07.2020).
4. Желтухина М. Р., Парамонова Д. В. Медиатрансляция образа России в дихотомии «власть — оппозиция» в американских, британских и испанских СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 147—162.
5. Истомина И. А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 20—33. URL: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/618/603> (дата обращения 02.07.2022).
6. Кашин В. Б., Тимофеев И. Н. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? // РСМД. 10.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-novoy-kholodnoy-voynе/> (дата обращения 10.04.2022).
7. Ковалев И. Г. Британо-российские отношения на современном этапе (2000—2020 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 4 (64). С. 26—36. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2020/04-KOVALEV.pdf (дата обращения 10.06.2022).
8. Кокорев В. Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (047). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-terrorizm-i-ekstremizm/viewer> (дата обращения 16.05.2022).
9. Коновалова Н. А. Внешняя политика России в рамках современной международной системы // РСМД. 2018. № 1 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-rossii-v-ramkah-sovremennoy-mezhdunarodnoy-sistemy/viewer> (дата обращения 02.07.2022).
10. Международные отношения и мировая политика / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2015. 290 с.
11. Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162—181.
12. Павлов П. В. Создание образа врага через посты и репосты политических медиановостей в социальной сети Facebook: семантический и прагматический аспекты воздействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (108). № 90—97.

13. Сергеев С. А., Салагаев А. Л. Современный русский этнонационализм: генезис, организации, перспективы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyyu-russkiy-etnonatsionalizm-genezis-organizatsii-perspektivy> (дата обращения 27.05.2022).
14. Шаклеина Т. А. Россия и США в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2012. 272 с.
15. Two Images of Russia in the British Political Mass Media Discourse of 1991—1993 and 2013—2019: Pragmastylistic Aspect / N. B. Boeva-Omelechko, K. P. Posternyak, M. R. Zheltukhina, E. B. Ponomarenko, E. V. Talybina, A. K. Kalliopin [et al.] // ONLINE J COMMUN MEDI. 2019. № 9 (4). URL: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5952>. (дата обращения 17.07.2020).
16. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 12.06.2022).
17. Landler M. Britain pursues more muscular role in standoff with Russia on Ukraine // The New York Times. 23.01.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/23/world/europe/uk-russia-ukraine.html> (дата обращения 15.02.2022).
18. Merriam Webster's dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 24.02.2022).
19. Roth A., Sabbagh D., Walker S. Cooperation between UK and Russia 'close to zero', Wallace told by Kremlin // The Guardian. 11.02.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/11/cooperation-between-uk-and-russia-close-to-zero-wallace-told-by-kremlin> (дата обращения 13.02.2022).
20. Sauer P. Russia bans Facebook and Instagram under 'extremism' law // The Guardian. 21.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/21/russia-bans-facebook-and-instagram-under-extremism-law> (дата обращения 16.05.2022).
21. Sonne P., Belton C. Russia's ultimate political survivor faces a wartime reckoning // The Washington Post. 08.05.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/05/08/russia-ukraine-shoigu-putin/> (дата обращения 25.05.2022).
22. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait / T. Y. Tameryan, M. R. Zheltukhina, G. G. Slyshkin, O. B. Abakumova, N. N. Volskaya, A. V. Nikolaeva // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2018. № 8 (4). P. 377—384.
23. The Guardian view on Boris Johnson in India: flying into trouble // The Guardian. 22.04.2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/22/the-guardian-view-on-boris-johnson-in-india-flying-into-trouble> (дата обращения 10.05.2022).
24. Will G. F. Civilized nations' efforts to deter Russia and China are starting to add up // The Washington Post. 16.07.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/07/16/some-welcome-pushback-russian-chinese-assaults-international-order/> (дата обращения 24.02.2022).

References

1. Suleimanova OA (ed.). Diskurs kak universal'naiia matritca verbal'nogo vzaimodeystviia = Discourse as a universal matrix of verbal interaction. Moscow: URSS: Lenand; 2018. 320 p. (In Russ.).
2. Iron Curtain in the USSR. *RIA Novosti*. 20.05.2021. Available from: <https://ria.ru/20210520/zanaves-1732818087.html> (accessed 22.02.2022). (In Russ.).
3. Zheltukhina MR, Gavrish D. Emotiogenicity of modern media texts. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018;(4(32)):120-125. Available from: [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-120-125](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-120-125) (accessed 17.07.2021). (In Russ.).
4. Paramonova DV, Zheltukhina MR. Media Broadcast of the Image of Russia in the Dichotomy of "Authorities — Opposition" in American, British, and Spanish Media. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;(4):147-162. (In Russ.).
5. Istomin I. Evaluation of the international system in Russian official discourse and academic analyses. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO. Review of international Relations*. 2016;(5):20-33. Available from: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/618/603> (In Russ.).
6. Kashin V, Timofeev I. American-Chinese Relations: Toward a New Cold War? *RIAC*. 06/10/2021. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-no-voy-kholodnoy-voyn/> (In Russ.).
7. Kovalev IG. British-Russian relations at the present stage (2000—2020). *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia = Global economy and international relations*. 2020;(4):26-36. Available

from: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2020/04-KOVALEV.pdf (In Russ.).

8. Kokorev VG. Correlation of concepts: “Terrorism” and “Extremism”. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*. 2013;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-terrorizm-i-ekstremizm/viewer> (In Russ.).

9. Konovalova N. Foreign policy of Russia in the contemporary international system. *RSM*. 2018;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-rossii-v-ramkah-sovremennoy-mezhdunarodnoy-sistemy/viewer> (In Russ.).

10. Tsygankov PA (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika = International relations and world politics*. Moscow: Yurayt Publ.; 2015. 290 p. (In Russ.).

11. Nisnevich YuA, Ryabov AV. Modern authoritarianism and political ideology. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political research*. 2016;(4):162-181. (In Russ.).

12. Pavlov PV. Creation of the image of an enemy by posting and reposting political media news in the Facebook social network: semantic and pragmatic aspects of influence. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016;4(108):90-97. (In Russ.).

13. Sergeev SA, Salagaev AL. Modern Russian Ethnonationalism: Genesis, Organizations and prospects. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Series Humanities*. 2013;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-russkiy-etnonatsionalizm-genezis-organizatsii-perspektivy>. (In Russ.).

14. Shakleina TA. Rossiia i SShA v sovremennom mire = Russia and the U.S. in Contemporary World. Moscow: Aspekt Press; 2012. 272 p. (In Russ.).

15. Boeva-Omelechko NB, Posternyak KP, Zheltukhina MR, Ponomarenko EB, Talybina EV, Kalliopin AK [et al.]. Two Images of Russia in the British Political Mass Media Discourse of 1991—1993 and 2013—2019: Pragmastylistic Aspect. *ONLINE J COMMUN MEDI*. 2019;9(4):e201926. URL: <https://doi.org/10.29333/ojcm/5952>.

16. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>.

17. Landler M. Britain pursues more muscular role in standoff with Russia on Ukraine. *The New York Times*. 23.01.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/23/world/europe/uk-russia-ukraine.html>.

18. Merriam Webster's dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>.

19. Roth A, Sabbagh D, Walker S. Cooperation between UK and Russia ‘close to zero’, Wallace told by Kremlin. *The Guardian*. 11.02.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/11/cooperation-between-uk-and-russia-close-to-zero-wallace-told-by-kremlin>.

20. Sauer P. Russia bans Facebook and Instagram under ‘extremism’ law. *The Guardian*. 21.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/21/russia-bans-facebook-and-instagram-under-extremism-law>.

21. Sonne P, Belton C. Russia's ultimate political survivor faces a wartime reckoning. *The Washington Post*. 08.05.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/05/08/russia-ukraine-shoigu-pu/ctin/>.

22. Tameryan TY., Zheltukhina MR, Slyshkin GG, Abakumova OB, Volskaya NN, Nikolaeva AV. Metaphor in Political Media Discourse: Mental Political Leader Portrait. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2018;(8(4):377-384.

23. The Guardian view on Boris Johnson in India: flying into trouble. *The Guardian*. 22.04.2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/22/the-guardian-view-on-boris-johnson-in-india-flying-into-trouble>.

24. Will GF. Civilized nations' efforts to deter Russia and China are starting to add up. *The Washington Post*. 16.07.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/07/16/some-welcome-pushback-russian-chinese-assaults-international-order/>.

Информация об авторах

М. Р. Желтухина — доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет.

Д. В. Парамонова — преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации Московского международного университета; аспирантка, Московский городской педагогический университет.

Information about the authors

Marina R. Zheltukhina — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Professor of the Germanic Studies and Linguodidactics.

Daria V. Paramonova — lecturer at the Department of Foreign Languages and Speech Communication of the Moscow International University, PhD student of Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 03.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.112.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10712

КОММУНИКАТИВНЫЙ БАРЬЕР В ИНТЕРВЬЮ-ПОРТРЕТЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

Екатерина Юрьевна Ионкина¹, Ирина Владимировна Бганцева²,
Екатерина Александровна Глебова³

^{1,2,3}Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

¹katya_dzhandalie@mail.ru, ORCID 0000-0001-5667-5881

²irina07085@rambler.ru, ORCID 0000-0001-5128-8858

³eaglebova@mail.ru, ORCID 0000-0002-2284-631X

Аннотация. Коммуникативные барьеры представляют собой коммуникативно-прагматическое явление, препятствующее эффективному общению в портретном интервью как диалогической форме коммуникации. Раскрывается психолингвистическая природа коммуникативных барьеров, которые являются разновидностью коммуникативных неудач и обусловлены непониманием прагматического плана высказывания журналиста адресатом, его коммуникативного намерения. Описаны причины возникновения коммуникативных барьеров, среди которых индивидуально-психологические особенности личности адресата, а также различия в ценностных и социальных установках собеседников интервью. Установлено, что реплика с коммуникативным барьером в интервью-портрете приобретает функцию психологической защиты и в языковом плане соответствует таким реакциям адресата, как перебивание и отказ отвечать. Выявлены две коммуникативные тактики преодоления коммуникативных барьеров: тактика поддержания имиджа и тактика удержания темы, — которые используются журналистом для локального развития интеракции, но для преодоления коммуникативного сопротивления адресата оказываются неэффективными.

Ключевые слова: коммуникативный барьер, интервью-портрет, психологическая защита, полная коммуникативная неудача, коммуникативное намерение, реакция адресата, тактика преодоления

Для цитирования: Ионкина Е. Ю., Бганцева И. В., Глебова Е. А. Коммуникативный барьер в интервью-портрете: психолингвистические особенности и способы преодоления (на материале немецкой прессы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 103—112. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10712.

Original article

COMMUNICATION BARRIER IN INTERVIEW: PSYCHOLINGUISTIC FEATURES AND WAYS TO OVERCOME (CASE STUDY OF THE GERMAN PRESS)

Ekaterina Yu. Ionkina¹, Irina V. Bgantseva², Ekaterina A. Glebova³

^{1,2,3}Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

¹katya_dzhandalie@mail.ru, ORCID 0000-0001-5667-5881

²irina07085@rambler.ru, ORCID 0000-0001-5128-8858

³eaglebova@mail.ru, ORCID 0000-0002-2284-631X

Abstract. Communication barriers are a communicative and pragmatic phenomenon that prevents effective communication in a portrait interview as a dialogical form of communication. The article reveals the psycholinguistic nature of communicative barriers, which are a kind of communicative failures and are caused by a misunderstanding of the pragmatic plan of the journalist's utterance by the addressee, his communicative intention. The reasons for the emergence of communicative barriers are described, including the individual psychological characteristics of the addressee's personality, as well as differences in the value and social attitudes of the interview interlocutors.

The utterance with a communicative barrier in a portrait interview was found to acquire the function of psychological defense and in linguistic terms corresponds to such reactions of the addressee as interrupting and refusing to answer. Two communicative tactics of overcoming communication barriers are identified: the image sustaining tactics and the tactics of keeping to the subject. They are used by a journalist for the local continuation of interaction but are ineffective for overcoming the addressee's communicative counteraction.

Keywords: communicative barrier, portrait interview, psychological defense, complete communicative failure, communicative intention, addressee's reaction, overcoming tactics

For citation: Ionkina EYu, Bgantseva IV, Glebova EA. The communicative barrier in the portrait interview: psycholinguistic features and ways of overcoming (based on the material of the German press). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):103-112. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10712.

Введение

В профессиональной деятельности журналиста, предполагающей непосредственное общение с собеседником, могут возникать явления, препятствующие эффективному взаимодействию. К таким явлениям, усложняющим, а иногда и блокирующим проведение интервью, относятся коммуникативные барьеры (КБ). «Коммуникативный барьер — это абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуациях общения, причинами которого являются мотивационно-операциональные, индивидуально-психологические, социально-психологические особенности общающихся» [11. С. 27].

Термин *коммуникативный барьер* как многоплановое явление находит свое рассмотрение в теории коммуникации, психологии, педагогике, а также в теории журналистики. Проблематика коммуникативных барьеров, классификация их типов представлены в работах отечественных исследователей-психологов и социологов Б. Ф. Поршнева (1979), Е. В. Залюбовской (1984), Н. И. Шевандрина (1995), Г. М. Андреевой (1999), В. А. Лабунской (2003) и др. В работах Е. И. Чаплиной (2006), Е. В. Карпенко (2009) коммуникативные барьеры рассматриваются как психолого-педагогическая проблема, предлагаются стратегии их преодоления в учебно-воспитательной и образовательной среде. В социальной психологии коммуникативные барьеры трактуются как проблема межличностного общения, определяются их социально-психологические детерминанты и возможности преодоления [15].

В лингвистических исследованиях коммуникативный барьер рассматривается как разновидность коммуникативных неудач (КН) [5; 17]. Коммуникативный барьер представляет собой «событие, влияющее на весь процесс коммуникации и препятствующее ее дальнейшему развертыванию» [5. С. 8]; а также приравнивается к «коммуникативному саботажу», который «выражается в уклонении от темы обсуждения и контроле над темой

(навязывании собеседнику своей позиции и темы разговора)» [2. С. 11].

Междисциплинарный характер рассматриваемого явления позволяет говорить о том, что, с одной стороны, исследователями признается психологическая природа коммуникативных барьеров, но игнорируется их лингвистическая составляющая. С другой стороны, рассматривая коммуникативные барьеры как явление коммуникации, исследователи не уделяют достаточно внимания причинам их возникновения, возможным способам их преодоления применительно к конкретным формам общения.

Недостаточное количество специальных исследований вышеназванной проблематики коммуникативных барьеров и определяет **актуальность** настоящего исследования, **цель** которого — рассмотреть коммуникативный барьер в совокупности его лингвистических и психологических свойств и выделить основные способы его преодоления в портретном интервью. Поставленная цель коррелирует со следующими **задачами**: 1) уточнить понятие *коммуникативный барьер* как лингвистическое явление и выделить языковые средства его выражения; 2) установить психологические причины возникновения КБ в интервью-портрете; 3) выделить возможные вербальные способы преодоления КБ в портретном интервью.

Интервью-портрет как публицистический жанр медиадискурса представляет собой диалогическую форму коммуникации, а основной стратегией журналиста становится стратегия презентации героя интервью. Интервью-портрет изобилует личными, оценочными и провокационными вопросами, которые используются журналистом с целью максимально раскрыть личность собеседника, показать «тайные» стороны его характера, положительные и отрицательные черты. В свою очередь со стороны адресата ожидаемы откровенные ответы, готовность охарактеризовать себя и дать оценку своим действиям, поступкам, словам, которые представляют интерес для широкой публики. В большинстве случаев герой интервью не стесняется

давать прямые, развернутые, аргументированные ответы, которые могут сопровождаться иронией или юмором. Однако наряду с удачными коммуникативными ходами могут иметь место и случаи непонимания/недопонимания высказывания (коммуникативного намерения) журналиста со стороны адресата, которые именуются коммуникативными неудачами. Коммуникативные неудачи свойственны портретному интервью как форме межличностного общения.

Материалы и методы исследования

В качестве фактического материала исследования послужили 75 текстовых фрагментов интервью с наличием коммуникативных неудач. Данные отрывки диалогов были отобраны методом сплошной выборки из 125 проанализированных немецких портретных интервью общим объемом 380 страниц, опубликованных в современных интернет-изданиях: Focus Online.de, Playboy.de, NOZ.de и др. Метод структурного анализа элементов диалогической последовательности с коммуникативной неудачей, разработанный Л. Голетиа-ни [9], позволил выделить базовые диалогические последовательности с КН, состоящие из трех реплик собеседников: реплика — источник КН, реплика — выявление КН и реплика — устранение КН. Отобранный языковой материал исследовался с помощью интерпретативного метода и контекстуального анализа, что дало возможность выделить коммуникативный барьер из общего объема явлений коммуникативных неудач. Также использовался прагматический анализ коммуникативной ситуации с КБ и элементы психолингвистического анализа для установления повторяющихся закономерностей в коммуникативном поведении журналиста и собеседника в портретном интервью. Количество диалогических единств с КБ в интервью-портрете составило 25 % среди всех случаев КН.

Коммуникативный барьер как психолингвистическое явление

В теории коммуникации распространено достаточно широкое понимание коммуникативных барьеров, как «все то, что препятствует эффективной коммуникации и блокирует ее» [6. С. 150]. Существует множество факторов, которые могут приводить к возникновению КБ, они могут быть как внешними (ситуативными), так и внутренними (собственно языковыми). В связи с этим предлагаются различные основания их классификации. Так, выделяют физические барьеры, семантические,

культурные, статусно-ролевые, организационные, а также личностные барьеры [19]. В психологии общения коммуникативные барьеры связывают с личностным фактором и понимают как «психологическое препятствие на пути адекватной передачи информации между партнерами по общению» [21. С. 100]. Существенным препятствием, которое мешает эффективному коммуникативному взаимодействию, становятся различия в характере, эмоциональном состоянии, ценностных и социальных установках собеседников.

Исследователи в области социальной психологии акцентируют свое внимание на психологических характеристиках человека, которые оказывают сильное влияние на его способность общаться, передавать и воспринимать информацию. Так, Б. Д. Парыгин дает следующее определение психологическому барьеру: это «такое состояние или свойство индивида, которое консервирует резервы его духовно-психического потенциала или тормозит их актуализацию в процессе его жизнедеятельности» [16. С. 165]. Как полагает исследователь, психологические барьеры свойственны всей системе человеческих коммуникаций, и по своей природе они могут быть продуктом индивидуальных, характерологических особенностей личности (замкнутость, излишняя застенчивость, повышенная впечатлительность, стыдливость) [Там же. С. 175].

В других исследованиях также указывается на психологические причины барьеров в общении. К ним относятся, например, индивидуальные психологические особенности общающихся (застенчивость, некоммуникабельность и т. п.) [12], сложившиеся психологические отношения между партнерами по общению (неприязнь друг к другу, недоверие и т. п.) [3], отрицательное психологическое состояние собеседников [7]. Кроме того, психологическим барьерам присуща такая характеристика, как «функциональная амбивалентность» [6. С. 155]. Она проявляется в том, что КБ выполняют две противоположные функции: функцию психологического препятствия, мешающего общению с другими людьми, и функцию психологической защиты, способствующей психологической защищенности личности, ее автономности и относительной независимости [6].

Как следует из приведенных точек зрения о сущности КБ, причины их возникновения связаны не только с объективными условиями коммуникации, но и с субъективным (психологическим) параметром общения, проявляющимся в индивидуально-психологических особенностях

личности коммуникантов. К числу субъективных факторов, которые могут создавать препятствия в общении, относят: установки, эмоциональные переживания и поведение [21]. В данном исследовании мы, вслед за Н. И. Шевандриным, склонны понимать КБ как «форму психологической защиты от постороннего психического воздействия, проводимого в процессе обмена информацией между участниками общения» [Там же. С. 101].

Говоря о лингвистической составляющей рассматриваемого явления, необходимо отметить, что традиционно в психологии общения и коммуникативистике КБ связывают с проблемой непонимания. Так, выделяют четыре типа КБ в соответствии с уровнем непонимания: фонетический, семантический, стилистический и логический [18]. В портретном интервью именно непонимание/недопонимание реплики собеседника приводит к явлению коммуникативных неудач, проявляющемуся главным образом на смысловом (семантическом) уровне высказывания. Тем не менее, в коммуникативном акте происходит постоянное взаимодействие между семантическим и прагматическим уровнем высказывания. При этом «понимание обеспечивается знанием значений слов и предложений (семантической компетенцией), а интерпретация — знанием механизмов употребления языка (прагматической компетенцией)» [4. С. 61—62]. Для понимания семантического содержания высказывания значительную роль играют контекст употребления и фоновые знания, общие для обоих коммуникантов, тогда как прагматическое понимание основывается на способностях слушающего правильно интерпретировать значение говорящего (намерение, передаваемое в конкретном высказывании).

Основываясь на дихотомии между семантическим и прагматическим содержанием высказывания, все проявляющиеся в интервью-портрете КН условно можно разделить на два типа: *частичные КН* и *полные КН*. В основе такого деления лежит степень несоответствия между коммуникативным намерением журналиста и его интерпретацией собеседником. В случае частичных КН имеет место не(до)понимание со стороны адресата только пропозиционального значения высказывания, и, хотя коммуникативное намерение журналиста реализуется не в полной мере, тем не менее высказывание выполняет свою коммуникативную функцию. При полных КН вербальная реакция адресата обнаруживает элемент полного непонимания коммуникативного намерения журналиста, которое в итоге остается нереализованным, а само высказывание

не выполняет своего функционального предназначения.

Проведенный анализ диалогических последовательностей с КН в интервью-портрете позволил разработать типологию КН, которая подробно представлена в более раннем исследовании [13]. Данная типология базируется на следующих основных критериях: исходный тактический ход журналиста (структурно-семантический тип реплики); тип реакции собеседника; успешная/неуспешная реализация коммуникативного намерения журналиста; причины, обуславливающие возникновение КН. Учет данных критериев в совокупности помогает не только выявить КН, но и предотвратить их возникновение.

В поле нашего рассмотрения в данной работе попадают КН, которые обусловлены не семантическим, а прагматическим непониманием высказывания, и общепринятые способы преодоления КН (тактики их устранения) в этом случае оказываются неэффективными. Речь идет о коммуникативных барьерах, возникающих на пути достижения коммуникативной цели журналиста. *Применительно к интервью-портрету КБ следует рассматривать как коммуникативно-прагматическое явление, обусловленное несоответствием между коммуникативным намерением говорящего и реакцией адресата, обладающее психологическими особенностями и лингвистическими средствами выражения.* Мы рассматриваем КБ как разновидность КН, как *полную КН*, которая вытекает не из непонимания смыслового содержания конкретного речевого акта, а из нежелания понимать коммуникативное намерение адресанта.

Любая диалогическая реплика представляет собой речевое событие, на которое влияют факторы говорящего и слушающего. «Она есть проявление двусторонней эгоцентричности: адресант учитывает фактор адресата, а последний, в свою очередь, принимает во внимание особенности речевой манеры исполнения первого, проявляя активность или пассивность в поддержании речевого контакта» [1. С. 53]. Подобная коммуникативная ситуация, как считает С. Е. Полякова, предстает как идеальный вариант протекания коммуникации [17]. Поскольку интервью — это диалогическая форма общения, ожидается взаимная активность обоих коммуникантов, если же один из них (адресат) оказывается пассивным, это и приводит к коммуникативному барьеру в общении, обмена информацией в таком случае не происходит. Адресатом осознанно блокируется канал передачи информации. При этом под информацией в данном случае следует пони-

мать «различные представления, идеи, интересы, настроения, чувства, установки и пр.» [3. С. 26]. По мнению С. Е. Бугровой, коммуникативный барьер имеет место в неофициальном общении наряду с «коммуникативным сбоем» и «коммуникативными задержками», но его основной характеристикой является нулевая степень эффективности [5. С. 8]. Полным непониманием коммуникативных намерений говорящего являются, например, случаи игнорирования вопросов говорящего, которые не поддаются корректировке и преодолению. Реплика — выявление непонимания коммуникативного намерения (реплика с КБ) в портретном интервью соответствует таким реакциям адресата, как *перебивание* и *отказ отвечать*.

Способы преодоления коммуникативных барьеров

Даже в случае возникновении коммуникативных барьеров акт общения осуществляется, хотя полноценного коммуникативного взаимодействия не происходит [3]. Однако и в таких ситуациях сохраняется возможность преодоления КБ. По мнению В. А. Тищенко, существуют психологические барьеры отношения, возникновение которых связано с «явлением перцепции», при котором адресант и реципиент познают и воспринимают друг друга. «Часто барьеры отношения — это возникновение чувства неприязни, недоверия к коммуниканту, что также распространяется на передаваемую информацию» [20. С. 370]. Вследствие этого как в возникновении, так и в преодолении КБ особое значение приобретает такое явление, как «фильтр доверия-недоверия» [18]. В профессиональной журналистской деятельности выделяются даже специальные технологии и техники устранения КБ: 1) технология снятия информационных барьеров, которая включает побуждающую к высказыванию технику; уточняющую технику; технику «выход на интерес»; технику выработки 11 решений; технику «адвокат дьявола»; 2) технология снятия эмоциональных барьеров, включающая технику вентилирования эмоций [8. С. 10—11].

В портретном интервью частичные КН, связанные с неверным пониманием реплики адресанта, приобретают «локальный характер». В целом они не нарушают процесс общения, но образуют некоторые помехи, которые устраняются по ходу интервью. Смены темы при этом не происходит [13]. Были выделены конкретные способы преодоления КН данного типа, которые помогают нейтрализовать возникшее недоразумение и продолжить общение в рамках заданной темы. К ним относятся

четыре коммуникативные тактики: разъяснения, перефразирования, уточнения, настаивания [14. С. 314]. Проведенное исследование также показало, что на некоторых отрезках интервью-портрета может происходить сбой в коммуникативном взаимодействии, который трактуется как КБ (*полная КН*).

Было установлено, что КБ могут возникать при реагировании собеседника на высказывания с положительной оценочной семантикой (похвала, комплимент), на провокационные вопросы, а также при введении журналистом новой темы, нежелательной для адресата. При этом реплика-выявление полной КН соответствует таким реакциям адресата, как *перебивание* и *прямой/косвенный отказ отвечать*, которые могут сочетаться с другими реакциями: опровержение оценки, непринятие похвалы, обвинение, оправдание / «преуменьшение заслуг», упрек в неискренности [13. С. 86]. В случае возникновения КБ речь идет не о непонимании высказывания как «неспособности интерпретировать смысл», а о «сознательном нестремлении» адресата правильно интерпретировать коммуникативное намерение журналиста. Перебивая и отказываясь отвечать, адресат нарушает главные принципы коммуникативного взаимодействия в диалоге — принцип кооперации и принцип вежливости. Принцип кооперации нарушается в связи с нежеланием адресата участвовать в развертывании интервью и вносить равноценный вклад в диалогическое взаимодействие. Поскольку в таких коммуникативных ситуациях также наблюдается недружелюбный настрой адресата по отношению к говорящему, сопровождающийся его отрицательной эмоциональной реакцией, то нарушается и принцип вежливости, который требует от адресата соблюдать «презумпцию невиновности» говорящего [9. С. 151].

Как считает Ф. Хинненкамп, достаточно редко можно встретить естественным образом развивающийся диалог, в точности и непрерывно следующий заданной теме. Гораздо чаще приходится сталкиваться с окружными путями, длинными или короткими, которые приостанавливают развитие естественного хода диалога на какой-то момент, прежде чем он вернется к первоначальной теме [22. С. 20]. Гейл Джефферсон назвал такие явления «побочные последовательности» (*side sequences*), возникающие в пределах ведущей последовательности смены реплик в диалоге (*on-going sequence*) [23. С. 294]. Возникающие в диалоге недоразумения как раз и приводят к таким типичным «побочным последовательностям», которые являются необходимыми, поскольку устраняют препятствия для дальнейшего протекания интеракции.

Исследование показало, что диалогические последовательности с КБ в интервью довольно часто являются сложными, то есть состоят из нескольких базовых последовательностей. По своей структуре они являются полными, состоят из трех основных реплик, при этом реплика — устранение КБ всегда принадлежит интервьюеру. Были выделены две основные тактики, применяемые журналистом для преодоления возникшего коммуникативного барьера:

- 1) тактика поддержания имиджа, которая реализуется через оценочные утверждения с положительной семантикой, через тактический ход — апелляцию к слухам, мнению третьих лиц.
- 2) тактика удержания темы реализуется через использование уточняющих вопросов, прямое побуждение к ответу, а также через тактический ход — введение микротемы.

Как показывает анализ фактического материала, похвала и комплимент, широко используемые журналистом для положительной характеристики героя интервью, не всегда приводят к заданной цели. Вместо положительных реакций могут наблюдаться совершенно противоположные ответные действия со стороны адресата, если он считает высказанную ему похвалу неуместной или излишней. Рассмотрим следующий пример:

- I. 1) **PLAYBOY:** *Aber Sie kriegen Millionen-Gagen, haben Häuser auf der ganzen Welt, fahren einen 100 000-Dollar-Range-Rover, tragen eine teure Uhr, Maßanzüge...*
- 2) **JACKMAN:** *Stop, stop, stop! Sie reden so wie einige meiner Freunde. Die verstehen auch nicht, dass mir an diesen materiellen Gütern überhaupt nichts liegt. <...> Ich mache mir wirklich nichts aus Luxusgütern.*
- 3) **PLAYBOY:** *Klingt sehr bescheiden.*
- 4) **JACKMAN:** *Mag sein. Ich bin eben so erzogen worden. <...>*
- 5) **PLAYBOY:** *„Mit Bescheidenheit schafft man es in Hollywood gerade mal zum Fußmatten-Vertreter“, hat Ihr Schauspieler-Kollege Russell Crowe gesagt. Also, Herr Jackman, warum haben Sie es weiter gebracht?*
- 6) **JACKMAN:** *Es ist ja kein Geheimnis, dass mich meine Wolverine-Rolle in den „X-Men“-Filmen populär gemacht hat. <...> Ich werde Wolverine ewig dafür dankbar sein. <...> [M, 26]¹.*

¹Superheld Hugh Jackman im Interview „Bei meiner Frau habe ich als Mann an Status verloren“ (http://www.focus.de/kultur/kino_tv/hugh-jackman-asdf_id_4011772.html; дата обращения 12.05.2022).

В данном отрывке интервью со швейцарским актером Х. Джекманом журналист желает знать, чем измеряется успех в карьере героя интервью. Возникший КБ (2) обусловлен тем, что собеседник оказывается в корне не согласен с похвалой-характеристикой, высказываемой ему журналистом (1). Форма реагирования адресата (2) сочетает в себе сразу три типа реакции: перебивание, обвинение и опровержение оценки. Журналист не отходит от темы и выносит свое оценочное суждение по поводу реакции собеседника (3) (*klings sehr bescheiden*), косвенно упрекая его в ложной скромности. Адресат соглашается, но аргументирует свою позицию (4). В последующей реплике (5) журналист приводит мнение другого актера, который считает, что скромность противоречит успеху, а также задает уточняющий вопрос: *...warum haben Sie es weiter gebracht?* Адресат поясняет, что своим успехом он обязан одной сыгранной роли (6). Сочетание различных коммуникативных ходов журналиста свидетельствует о том, что на данном отрезке интервью последовательно применяются сразу две тактики, позволяющие преодолеть возникшее коммуникативное разногласие и продолжить беседу. Установка журналиста на удерживание изначальной темы наблюдается в его коммуникативных ходах 3 и 5, о чем свидетельствует логическая и семантическая взаимосвязь между словами *bescheiden* и *Bescheidenheit*. Однако хотя журналист и удерживает тему до того момента, как она будет исчерпана, все же ему не удастся поддержать имидж своего героя — «богатого актера». Вместо этого собеседник старается произвести впечатление скромного и непритязательного человека, «не нуждающегося в роскоши».

Очевидно, что, готовясь представить портрет своего героя через интервью с ним, журналист заранее определяет круг обсуждаемых тем и вопросов. Однако, как показывает наблюдение, собеседник в ходе интервью сам может принимать решение, на какие вопросы ему реагировать, а какие темы неприемлемы для обсуждения. Отказ отвечать наблюдается в тех коммуникативных ситуациях интервью, когда журналист просит привести примеры из прошлой жизни героя, обсудить «личные недостатки» или предлагает поговорить на темы «будущее», «возраст», «смерть» и т. д. По мнению исследователей, «явная вина одного из коммуникантов обнаруживается лишь в тех немногих случаях, когда нарочито нарушаются конвенциональные законы общения» [10. С. 33]. В случае отказа отвечать, вина за некооперативное поведение возлагается именно на адресата, который в силу своих психологичес-

ких особенностей, желаний и устремлений создает коммуникативный барьер в развитии интеракции. Приведем отрывок из интервью немецкого модельера Карла Лагерфельда на тему религиозного воспитания и его отношения к Богу.

II. 1) Playboy: Kämen Sie denn in den Himmel oder in die Hölle?

2) Lagerfeld: Ich gehöre in die Hölle. Im Himmel ist es sicher langweilig.

3) Playboy: Gäbe es jemanden, den Sie gern treffen würden in der Hölle?

4) Lagerfeld: Oh, es gibt viele Leute, die ich nicht wiedersehen möchte.

5) Playboy: Zum Beispiel?

6) Lagerfeld: **Nein, da geben wir keine Beispiele.**

7) Playboy: Was soll denn von Ihrem Werk, von Ihnen übrig bleiben?

8) Lagerfeld: Ist mir egal, da bin ich ja nicht da, ist mir wurst. Ich arbeite in den Tag hinein, wie man sagt. Und damit hat es sich. Die anderen heben alle ihre alten Klamotten auf, als ob das Kunstwerke wären — das ist Quatsch. Ich mache ein Verbrauchsgut.

9) Playboy: Lassen Sie uns über Schönheit reden. Herr Lagerfeld, was ist schön?

Lagerfeld: Schön ist, was mir gefällt. Was ich in meinem ästhetischen Konzept als schön empfinde. Das sind Menschen, es können Objekte sein, es können Landschaften sein. <...> [М, 58]¹.

В данном диалоге журналист желает знать, где герой интервью предполагает оказаться после смерти — в раю или в аду (1) и кого он там рассчитывает встретить (3). Собеседник сначала дает неопределенный ответ (4) (...es gibt viele Leute...), а на конкретную просьбу журналиста привести пример (5) (Zum Beispiel?) реагирует прямым лексически выраженным отказом (6): **Nein, da geben wir keine Beispiele.** Следующая корректирующая реплика журналиста представляет собой уточняющий вопрос, заданный на несколько иную тему (7): «Что же тогда останется от вашей работы после вашей смерти?» Введенная журналистом микротема плавно вытекает из общей темы и логически связана с предметом беседы. Данный тактический ход позволяет журналисту обойти проблемный участок интервью и оставаться в рамках заданной темы

¹Karl Lagerfeld im Interview „Ich gehöre in die Hölle“. Available from: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/stil/tid-21602/karl-lagerfeld-ich-gehore-in-die-hoelle_aid_606642.html (дата обращения 08.05.2022).

до того, как будет предложена новая тема (9). Журналист получает ответ на свой последующий уточняющий вопрос (7), однако предыдущий вопрос (5) так и остается без ответа. Как видно из данного отрывка, тактика удержания темы способствует продолжению интервью, но не может преодолеть нежелание адресата реагировать на определенные вопросы.

Таким образом, для преодоления КБ / полных КН в интервью-портрете журналист прибегает к двум основным тактикам: тактике поддержания имиджа собеседника и тактике удержания темы. Данные тактики реализуются в нескольких коммуникативных ходах, помогают оставаться на некоторое время в рамках заданной темы, способствуя локальному развитию интеракции до момента смены основной темы. Однако для преодоления коммуникативного сопротивления адресата и достижения полного взаимопонимания эти тактики не имеют положительного эффекта.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что коммуникативные барьеры в интервью-портрете являются разновидностью коммуникативных неудач, обусловленных нереализованным коммуникативно-прагматическим намерением журналиста, высказывание которого не достигает своей цели. Они нарушают тематический ход общения в портретном интервью и приводят к смене темы, поскольку корректирующие ходы журналиста, используемые для их преодоления, оказываются неэффективными. Реплика с КБ представляет собой в языковом плане прямой речевой акт, явный смысл которого — демонстрация адресатом нежелания обсуждать предложенную тему. Данное нежелание (внутренняя установка несогласия) выражается преимущественно в таких реакциях адресата, как перебивание или прямой/косвенный отказ отвечать. Коммуникативный барьер, с одной стороны, представляет собой явную форму некооперативного общения, а с другой стороны, является эффективным средством психологической защиты от вторжения во внутрличностное пространство собеседника. Изучение психологических особенностей поведения адресата в ситуациях возникновения КБ (и КН) способствует повышению эффективности способов взаимодействия в диалогическом общении.

Список источников

1. Агапова С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов-н/Д: Феникс, 2004. 282 с.
2. Андреева В. Ю. Коммуникативный саботаж в сопоставлении с языковым насилием, языковым сопротивлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией и речевой демагогией // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 65—71.
3. Андреева Г. М. Социальная психология: учеб. для высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2007. 363 с.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Бугрова С. Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2013. 24 с.
6. Василик М. А. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
7. Воронина Т. Н. Причины коммуникативных неудач // Вузовская наука — Северо-Кавказскому региону: материалы VII регион. науч.-техн. конф. Ставрополь: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т, 2003. С. 15—23.
8. Гафнер К. Е. Медиация как социокоммуникативная технология конфликто разрешения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2019. 27 с.
9. Голетиани Л. Коммуникативная неудача в диалоге: на материале русского и украинского языков. Мюнхен: Otto Sagner Verlag, 2003. 412 с.
10. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30—64.
11. Залюбовская Е. В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 1984. 185 с.
12. Зимбардо Ф. Застенчивость: пер. с англ. М.: Педагогика, 1991. 208 с.
13. Ионкина Е. Ю., Тихаева В. В. Коммуникативные неудачи в интервью-портрете (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). Филологические науки. Вып. 116. С. 80—89. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10411.
14. Вербальные способы преодоления коммуникативных неудач в интервью-портрете (на материале немецкой прессы) / Е. Ю. Ионкина, В. В. Тихаева, И. В. Бганцева, И. А. Тисленкова // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 3. С. 307—330. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-307-330.
15. Матора О. В. Коммуникативные барьеры в межличностном общении курсантов вузов пограничного профиля: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 24 с.
16. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.
17. Полякова С. Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 7, № 1. С. 83—92.
18. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 1979. 228 с.
19. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. URL: <https://vocabulary.ru/termin/barer-kommunikativnyi.html> (дата обращения 25.05.2022).
20. Тищенко В. А. Барьеры общения в электронной коммуникации. Educational Technology & Society. 2008. № 11 (2). С. 366—377.
21. Шевандрин Н. И. Социальная психология в образовании. М.: ВЛАДОС, 1995. 544 с.
22. Hinnenkamp V. Mißverständnisse in Gesprächen: Eine empirische Untersuchung im Rahmen der Interpretativen Soziolinguistik: Leseproben aus der Monographie. Opladen; Wiesbaden: Westdt. Verl., 1998. 333 S.
23. Jefferson G. Side Sequences // Studies in Social Interaction / ed. by D. Sudnow. New York: Free Press, 1972. P. 294—338.

References

1. Agapova SG. Osnovy mezhlichnostnoj i mezhkulturnoj kommunikatsii = The basics of interpersonal and intercultural communication. Rostov on Don: Feniks; 2004. 282 p. (In Russ.).
2. Andreeva VYu. Communicative sabotage versus language violation, language opposition, communicative failure, manipulation and speech demagogu. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Bulletin of South-Eastern State University. Series: Linguistics and Pedagogy.* 2013;(4):65-71. (In Russ.).
3. Andreeva GM. Socialnaya psikhologiya = Social psychology. Moscow: Aspekt-Press; 2007. 363 p. (In Russ.).
4. Arutyunova ND. Tipy yazykovykh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt = Types of the language meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow: Nauka; 1988. 341 p. (In Russ.).
5. Bugrova SE. Kommunikativnye neudachi i sposoby ikh preodoleniya v neoficial'nom angloyazychnom obshchenii = Communicative failures and the ways to overcome them in unofficial English-language communication. Abstract of thesis. Nizhny Novgorod; 2013. 24 p. (In Russ.).
6. Vasilik MA. Osnovy teorii kommunikacii = The theoretical communication basics. Moscow: Gardariki; 2003. 615 p. (In Russ.).
7. Voronina TN. Prichiny kommunikativnykh neudach = The principles of communicative failures. In: *Vuzovskaya nauka = University Science.* Stavropol: North Caucasus State Technical University; 2003. Pp. 15—23. (In Russ.).
8. Gafner KE. Mediatsiya kak socio-kommunikativnaya tekhnologiya konfliktorazresheniya = Mediation as socially-communicative technology of conflict resolution. Abstract of thesis. St. Petersburg; 2019. 27 p. (In Russ.).
9. Goletiani L. Kommunikativnaya neudacha v dialoge: na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov = A communicative failure in a dialogue based on the Russian and Ukrainian languages. Myunkhen: Otto Sagner Verlag; 2003. 412 p. (In Russ.).
10. Ermakova ON, Zemskaya EA. On creating typology of communicative failures (based on the natural Russian language). *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt = The Russian language in its function. Communicative pragmatic aspect.* Moscow: Nauka; 1993:30-64. (In Russ.).
11. Zalyubovskaya EV. Preodolenie kommunikativnykh bar'erov v usloviyakh sovmestnoj deyatel'nosti = Communicative obstacles prevention in the context of cooperation. Thesis. Moscow; 1984. 185 p. (In Russ.).
12. Zimbardo F. Zastenchivost' = Modesty. Moscow: Pedagogika; 1991. 208 p. (In Russ.).
13. Ionkina EYu, Tikhaeva VV. Communicative failures in the interview-portrait (based on the German language). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2019;(116):80-89. (In Russ.).
14. Ionkina EYu, Tikhaeva VV, Bganceva IV, Tislenkova IA. Verbal ways to overcome communicative failures in the interview-portrait (based on the German Press). *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem = Modern research of social problems.* 2021;(3):307-330. (In Russ.).
15. Matora OV. Kommunikativnye bar'ery v mezhlichnostnom obshchenii kursantov vuzov pogranichnogo profilya = Communicative obstacles in interpersonal communication between cadets of military universities. Abstract of thesis. Moscow; 2009. 24 p. (In Russ.).
16. Parygin BD. Socialnaya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii = Social psychology. Problems of methodology, history and theory. St. Petersburg: IGUP; 1999. 592 p. (In Russ.).
17. Polyakova SE. The notion and reasons of communicative failures formation. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of Leningrad Pushkin university.* 2012;(7-1):83-92. (In Russ.).
18. Porshnev BF. Socialnaya psikhologiya i istoriya = Social psychology and history. Mjscow: Nauka; 1979. 228 p. (In Russ.).
19. Psikhologiya obshcheniya: entsiklopedicheskij slovar' = Encyclopaedic Dictionary. Available from: <https://vocabulary.ru/termin/barer-kommunikativnyi.html> (In Russ.).
20. Tishchenko VA. Communication obstacles in electronic environment. *Educational Technology and Society.* 2008;(2):366-377. (In Russ.).

21. Shevandrin NI. Socialnaya psikhologiya v obrazovanii = Social psychology in education. Moscow: Vldos; 1995. 544 p. (In Russ.).
22. Hinnenkamp V. Mißverständnisse in Gesprächen: Eine empirische Untersuchung im Rahmen der Interpretativen Soziolinguistik: Leseproben aus der Monographie. Opladen. Wiesbaden: Westdt. Verl.; 1998. 333 p.
23. Jefferson G. Side Sequences. Journal of Studies in Social Interaction. New York: Free Press; 1972. Pp. 294—338.

Информация об авторах

Е. Ю. Ионкина — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

И. В. Бганцева — доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Е. А. Глебова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the authors

Ekaterina Yu. Ionkina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages.

Irina V. Bgantseva — Doc. Sci. (Pedagogy), Professor at the Department of Foreign Languages.

Ekaterina A. Glebova — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 130.121.4

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ И АНТРОПОМОРФИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Андреевна Песина¹, Татьяна Юрьевна Солончак²

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, spesina@bk.ru

²Starglobe Ltd, Лугано, Швейцария, tanusha_mgn@mail.ru

Аннотация. Предлагается выявление особенностей антропоморфной парадигмы транспонирования качеств человека на окружающий мир с определением типа подобного взаимоотношения, включая перенос свойств человека на объекты и явления окружающей среды, связанные с выходом в язык результатов концептуализации и категоризации. Постоянно происходящее оязыковление реализуется с опорой на контексты употребления соответствующих концептов в обыденной речи. Антропоморфизм может являться зонтичным термином по отношению к таким смежным пересекающимся феноменам вторичной номинации, как анимизм, аниматизм, олицетворение (персонификация), гиголоизм. Вместе с тем в человеке в рамках концептуальной и языковой картин мира сталкиваются природа и культура со своим набором смыслов, идеалов, правил и норм.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, антропоморфизм, семантическая структура слова, многозначное слово, семантика, значение

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

Для цитирования: Песина С. А., Солончак Т. Ю. Антропоцентрическая и антропоморфическая парадигмы в современной лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 113—119. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713.

Original article

ANTHROPOCENTRIC AND ANTHROPOMORPHIC PARADIGMS IN MODERN LINGUISTICS

Svetlana A. Pesina¹, Tatiana Yu. Solonchak²

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, spesina@bk.ru

²Starglobe Ltd, Lugano, Switzerland, irinapulekha@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the general picture of the development of the anthropocentric paradigm and the approaches used in the study of anthropocentrism in linguistics. It is shown how the nomination of the most important worldview attitudes of a person is embodied through natural language, including the transfer of human characteristics to objects and environmental phenomena associated with the release of the results of conceptualization and categorization into the language. Constantly occurring linguistics should be implemented based on the contexts of the use of relevant concepts in everyday speech. Anthropomorphism can be an umbrella term in relation to such adjacent intersecting phenomena of secondary nomination as animism, animatism, epitome (personification), hylozoism. The concept of anthropomorphism is broader, since it assumes that the various characteristics of a person — physical, physiological, and mental - are extrapolated to objects and phenomena of the surrounding reality, whereas, for example, in the case of animatism and animization, it is only a question of enlivening (animatism) or animation (animism) of nature. However, nature and culture with their own set of meanings, ideals, rules and regulations encounter in a person within the framework of the conceptual and linguistic pictures of the world. All kinds of cultures conduct a dialogue through a person who comprehends meanings based on the possibilities of his anthropocentric and anthropomorphic perception.

Keywords: anthropocentric paradigm, anthropomorphism, semantic structure of a word, polysemantic word, semantics, meaning

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

For citation: Pesina SA, Solonchak TYu. Anthropocentric and anthropomorphic paradigms in modern linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465)):113-119. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713.

Введение

Для нас представляет интерес развитие исследований в области семантических внутрисловных связей в рамках утвердившейся в современной лингвистике когнитивной парадигмы. Человек пребывает в своей наивной, национально и культурно-обусловленной картине мира, которую он конструирует с неиссякаемой энергией и которая имеет выход в язык. Изучать особенности этих картин мира означает изучать генезис человеческого мышления. Ответы на вопросы о том, как посредством естественного языка воплощаются важнейшие мировоззренческие установки человека, включая перенос свойств его характера и эмоций, перенос принципов строения собственного тела на объекты и явления окружающей среды, являются первостепенными, если мы хотим знать важнейшие механизмы, управляющие мышлением человека.

В частности, антропоцентризм как базовый термин по отношению к таким понятиям, как антропоморфизм, аниматизм, олицетворение и другие, предполагает экстраполяцию свойств человека на объекты и явления окружающей действительности.

В исследовании механизмов мышления человека и их воплощения в языке и актах речи важен учет социального и антропоморфного факторов: «В действительности язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши понятность своих слов» [1. С. 293; см. также 2. С. 234 (В. фон Гумбольдт)].

В антропоцентризме, исследуемом в рамках лингвоантропологии, на первый план выдвигается общий субстанциональный характер человеческой сущности. В этом ракурсе рассмотрения явление *антропоморфизма* стоит ближе всего к языку. Исходя из этого, большой интерес вызывает изучение именно антропоморфной природы языка с выявлением конкретных лингвокогнитивных механизмов образования соответствующей лексики.

Несмотря на то что антропоморфная природа языка — это факт, признанный в филологии, следует признать, что понимание этого термина в имеющейся научной литературе не является однозначным. В этой связи можно наблюдать две крайние точки зрения: с одной стороны, его неоправданно сужают до религиозного антропоморфизма или до физического внешнего очеловечивания окружающего мира, с другой — его отождествляют с антропоцентризмом, понимаемым как исследование субъективности мышления человека, где в центр помещен он сам.

Человек как мера всех вещей

Пристальное внимание исследователей к сентенции «человек — мера всех вещей» и к проблеме «опредмечивания» ближайшего окружения человека обнажило противоречие, касающееся того, как со временем артефакты стали выходить из-под контроля их создателей, то есть как каждый предмет перестает пониматься человеком как фиксация своего поведения. Фактически речь идет о признании функционирования артефактов и объектов по собственным законам. Более того, в современном мире предметный мир превратился в форму контроля над человеком. Это произошло потому, что при общественном разделении труда человек перестал обладать созданными им объектами как чем-то личным. Подобное часто трактуется как отчуждение и характеризуется как явление, порожаемое развитием кибернетики в целом, когда наука и техника, составляя предметный мир человека, задают ему техническую меру (Н. А. Бердяев, С. Франк, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.).

Но сегодняшняя промышленная, кибернетическая, техническая среда обитания человека постепенно перестает быть враждебной, все больше окультуриваясь и приспособляясь под нужды человека. Сегодня человек утверждает реальность, расширяя свою среду, освобождаясь от многолетней нужды и одновременно восхищаясь красотой сотворенного им. Можно говорить о появлении новой реальности человека, связанной с новой, виртуальной средой обитания человека, а сама

действительность получает название «постдействительность» [3; 5—7].

По мере роста технического прогресса, освоения все большего объема жизненного пространства человек в меньшей степени находится в состоянии тревоги и растерянности и в большей — в состоянии построения новых отношений с природным и виртуальным миром, в которых не предметное, а все больше когнитивно-интеллектуальное существование является для человека основным. Смена парадигм в сторону виртуального конструирования характеризуется изменением вектора вторичной номинации (прежде всего метафоризации) в сторону опредмечивания мира (например, только глубоко понимающий компьютерную систему пользователь сайта с неограниченным доступом может называться *a root*, как если бы специалист, как и корень растения, был «укоренен» в компьютерную систему).

Подобные метафоры воспринимаются интуитивно, без особых усилий. Они настолько распространены, что кажутся естественными и самоочевидными описаниями нашей повседневной жизни. К интуитивно понимаемым метафорам мы относим ориентировочные, структурные, онтологические метафоры (подробно описанные в исследованиях Дж. Лакоффа, М. Джонсона [4]), а также синестетические метафоры типа *a green old age* (*happy*), *yellow silence*, *green envy*, *humid green*, *pale sound*, *bitter tone*, *low sound is classed as dim and high-pitched as bright*.

Даже четырехлетние дети демонстрируют некоторую способность переносить значения метафорически из одной модальности в другую [12]. В этой связи метафора все чаще рассматривается как ранняя когнитивная функция, связанная с синестезией, которая влияет на языковое развитие. Так, довольно частотны метафоры, используемые для передачи близости с точки зрения уровня тактильности: *a warm friendship / handshake* (теплая дружба / рукопожатие). Это объясняется тем, что объятия или иная физическая близость к людям создают ощущение тепла.

Мы используем интуитивные метафоры так часто, что часто даже не замечаем их, нам никогда не приходит в голову, что они метафоры. При их декодировании задействован кристаллизованный тип интеллекта, который включает в себя рассуждения (обычно вербальные), основанные на предшествующих знаниях. В отличие от него подвижный интеллект включает в себя рассуждения (часто невербальные) о новых проблемах, оторванные от предшествующих знаний [10]. Понимание раз-

вернутых ассоциативных нетривиальных метафор, похоже, задействует обе эти основные формы интеллекта.

Следующий пример касается метафоризации в области артефактов, например, метафора *a key*: *a piece of information used to encode or decode a message or messages* (фрагмент информации, используемый для кодирования или декодирования сообщений) — основана на функции ключа (*key* (*l*) — «открывать/закрывать доступ к чему-либо»), в данном случае — к информации.

Исходя из базового доминантного инвариантного компонента все значения можно разделить на пять кластеров:

- *something of primary importance, that prevents from moving* (e. g. *keystone in an arch*) — что-то первостепенное, что предотвращает перемещение (например, трапециевидный камень в арке);
- *something of primary importance, that initiates functioning* (e. g. *key of a valve / clock winding mechanism*) — что-то первостепенное, что инициирует работу (например, ключ клапана / механизма завода часов);
- *something of primary importance, that provides explanation / getting information* (e. g. *keys — signs, colours*) — что-то первостепенное, что дает объяснение / обеспечивает получение информации (например, ключи — знаки, цвета);
- *something of primary importance, that provides explanation/understanding* (e. g. *the key to a riddle*) — что-то первостепенное, что дает объяснение/понимание (например, ключ к загадке);
- *something of primary importance, that provides access to something* (to the success, to a riddle, to a good voice) — что-то первостепенное, что дает доступ к чему-то (к успеху, к загадке, к тому, чтобы иметь хороший голос).

В результате анализа 19 значений полисеманта *key* можно выявить инвариантные компоненты, скрепляющие семантику всего слова: *something of primary importance that can resemble a key in shape or function: can initiate functioning, provide or prevent from movement / explanation / getting information / understanding / access to something* (что-то, что имеет первостепенное значение, которое может напоминать ключ по форме или функции: может инициировать функционирование, обеспечивать или предотвращать движение / получение объяснения / получение информации / понимание / доступ к чему-либо).

Метафора, обеспечивая целостность контекстов, служит ведущим звеном и наиболее частотным

механизмом переноса, являя собой богатство структуры полисеманта и обеспечивая целостность его семантического контекста. Метафора, как мощное орудие персонификации окружающего мира, минимизирует разницу между языком, субъектом и предметом.

Следует отметить особый статус антропоцентризма в рамках когнитивной парадигмы, которая состоит в попытке вербализации знаний о мире с целью реализации прагматических установок коммуникации. Наряду с этим в процессе объяснения фактов языка важнейшее место продолжает занимать интуиция пользователя языка и языковое чутье.

Вместе с тем обращение к теме антропоцентризма в языке и определение его сущностных особенностей приводит к пониманию того, что сам этот термин не определен и зыбок. Несколько размыт и круг задач исследования, постановка которых зачастую носит слишком общий характер. В силу малочисленности попыток анализа конкретного языкового материала не совсем понятно, в какой именно форме он выступает: антропоцентричной, например, можно назвать всю человеческую речь, поскольку она носит большей частью субъективный характер.

Антропоцентризм и антропоморфизм в языке

Как и антропоцентризм, антропоморфизм представляет собой языковую универсалию, предлагая такие категориальные когнитивные механизмы, как соотнесение состояний своего духа с формами своего тела или соотнесение параметров своего тела и его функционирования с параметрами окружающих объектов, артефактов и явлений. Его можно трактовать как реальную форму освоения человеком окружающего его мира, что делает ближе и роднее то, что было для него далеким и чуждым. При этом в той же степени и человек может принимать на себя свойства тех объектов, которые он пытается осмыслить [8; 9; 11; 13].

В целом как тип мировоззрения антропоморфизм являет собой одно из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. Выделим далее в качестве важнейших следующие составляющие антропоморфизма:

- антропоморфизм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, углом зрения, под которым человек смотрит на окружающий мир и как бы просеивает все знания о нем сквозь сито своего эго; особенно

ярко языковой антропоморфизм проявляется в детстве;

- антропоморфичность является мыслительной и, следовательно, языковой универсалией, поскольку свойственна человеку независимо от его языковой, расовой, политико-экономической или какой-либо другой принадлежности;
- антропоморфический характер человеческого мышления вполне оправдан логически и вполне закономерно имеет глубинные родовые черты, отражает ход и итог мировой истории, представляя собой результат социальных явлений того общества, в котором индивид живет; итог мировой истории укоренен в глубинных архетипических чертах современного человека и отражает результат социальных и политико-экономических воздействий;
- антропоморфизм — это явление, которое затрагивает системные свойства мышления, воссоздающие стереотипы человеческого поведения, в том числе речевого;
- в то же время в любой исторический период особую роль играют индивидуальные качества человека, ищущего все смысловые и жизненные ориентиры в себе и живущего по законам, которые создал сам и по которым судит о своей собственной жизни; антропоморфичность возникает не потому, что с гуманизмом, как считают некоторые исследователи, рождается субъективность как особое свойство человека, антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком.

Тем не менее приходится констатировать, что антропоцентризм и его воплощение в языке — антропоморфизм — являлись в долгосрочной перспективе стопперами научного прогресса, поскольку упрощали мир и предлагали ненаучное обиходное объяснение природных явлений. Так, на протяжении многих столетий и даже не одного тысячелетия мифы являлись культурной формой мышления человека (а в некоторых культурах и до сих пор являются). Поэтому в науке антропоморфизм зачастую предстает перед нами как «приращенная форма сознания», как некоторое искажение объектов действительности.

Несмотря на этот факт, в современном мире можно повсеместно обнаружить антропоморфизм, который стал привычен в нашей повседневной современной речи и изобилует в ней («яростный/неистовый ветер», «жестокий мороз», «ласковое/

приветливое солнце», «слепой дождик» и т. п.). Употребляемые в обиходе, литературе и даже научной среде подобные вербализованные антропоморфные образы зачастую уже не осознаются как метафоры (за исключением антропоморфизации некоторых объектов в поэзии).

Особой разновидностью очеловечения объектов мира в языке можно назвать и социоморфизм, предполагающий перенесение на объекты окружающей природы различных характеристик общественной организации (приписывание им семейных, возрастных иерархических, производственных и тому подобных отношений и особенностей конкретной социальной общности).

Если исследования по проблемам антропоморфной семантики, хотя и немногочисленные, все же предпринимались в рамках эволюционной эпистемологии и отчасти лингвистики, то таким смежным явлениям, как анимизм, аниматизм и персонификация, менее повезло: ни со стороны аналитической философии, ни со стороны современной лингвистики они не получили должного осмысления.

Как лингвистический объект исследования анимизм представляет собой переосмысление, предполагающее одушевление предметов и объектов окружающего мира и приписывание им человеческих качеств, коими они, естественно, не обладают, таких как целеполагание, воля, креативность и др. Из двух наиболее часто используемых тропов — метафоры и метонимии — анимизм превалирует, по всей видимости, в метонимическом переносе, хотя и метафора в значительной мере способствует использованию анимизма. Метонимия включает такие частотные фигуральные переосмысления, как *собрание бросало ему вызов, зал встал/негодовал/приветствовал/рукоплескал* и т. п.

Термин *анимизм* был предложен Г. Шталем и в том или ином виде фигурирует в ряде направлений аналитической философии, связанных с религиозным дискурсом. В рамках данных исследований *анимизм* понимается как вера в одушевленность всей природы или отдельных ее частей (например, *природа дремлет/притаилась, водопад ревет, подснежники выглянули из-под снега*).

Даже если у экспертов и имеются точные сведения о каком-либо явлении или понятии, то на уровне «народного» сознания они зачастую игнорируются и используются ненаучные приблизительные понятия.

Эффективные антропоморфные метафоры отличаются яркостью и оригинальностью. Так, в ключевой речи о коронавирусе в мае 2020 г. премьер-министр Великобритании Борис Джонсон говорил о коварстве вируса и вместе с тем о том, что пик его опасности миновал: *...shining the light of science on this invisible killer; Its coming down the mountain...* («...проливая свет науки на этого невидимого убийцу»; «Его спуск с горы часто бывает более опасным...»).

Сегодня подобные актуализации кажутся привычными, поскольку отражают массовое быденное сознание и опираются на практический опыт многих поколений, накопленный в результате наблюдений за объектами или явлениями невооруженным глазом.

Заключение

Итак, в наши дни антропоморфная метафора способствует постижению объектов и явлений действительности «по образу и подобию» человека и тем самым пересекается с одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики — понятием телесности, «воплощенности» (embodiment) как проявлением антропоморфизма в языке и мышлении. Одним из главных разделов антропоморфизма в лингвистике должна быть *антропоморфическая семантика*, выдвигающая на первый план задачу моделирования образа человека по данным языка. Однако, чтобы вплотную к ней подойти, следует разобраться в смежных понятиях и явлениях [14].

Перечисленные явления свидетельствуют об онтологической связи между особенностями восприятия и отражения человеком окружающего мира и самим миром. Последний наделяется теми же физиологическими и духовными свойствами, что и сам человек, в силу потребности в создании собственного комфортного психологического пространства и объяснения законов и механизмов функционирования зачастую враждебной окружающей среды. При этом человек как центр мироздания приспособливает свою среду обитания под себя, задействуя, по всей видимости, врожденные механизмы антропоморфной категоризации действительности. Такое соотношение позволяет создать основу для системного представления антропоморфизма как важнейшей категории лингвокогнитивной антропологии в ряду смежных понятий.

Список источников

1. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
3. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) / Т. Акашева, С. Песина, Н. Рахимова, Е. Землянухина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5—10.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Песина С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. Вып. 4 (88). С. 12—16.
6. Песина С. А. Лексический прототип в семантической структуре слова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
7. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2016. № 2 (20). С. 120—128.
8. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения // Казанская наука. 2019. № 1. С. 104—107.
9. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1083—1089.
10. Cattell R. B. Abilities: Their Structure, Growth, and Action. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.
11. Kostina N., Zerkina N., Pesina S. Polysemous Words Functioning and Process of Concept Formation // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 192, 24. P. 690—694.
12. Perceiving Similarity and Comprehending Metaphor / L. E. Marks, R. J. Hammeal, M. H. Bornstein, L. B. Smith // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1987. № 52 (1). P. i—100.
13. Pesina S. A. Word functioning in the processes of thinking and speaking // Cognitive Language Studies. 2011. № 8. С. 79—81.
14. Pesina S., Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement // International Science Conference. 2014. Vol. 8, no. 6, pt. XI. P. 1000—1007.
15. Solonchak T., Pesina S. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words // International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol. 8, no. 6, pt. XI. Venice, Italy, 2014. P. 994—999.

References

1. Humboldt W von. Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and philosophy of culture. Moscow: Progress; 1985. 451 p. (In Russ.).
2. Potebnya AA. Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk = Complete collection of works: Thought and Language. Moscow: Labirint; 1999. 300 p. (In Russ.).
3. Akasheva TV, Pesina SA, Rakhimova NM, Zemlyanukhina EV. Interpreting cognitive strategies of intertextual inclusions in belles-lettres discourse (based on E. Jelinek's prose). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Questions of cognitive linguistics*. 2016;(2):5-10.
4. Lakoff Dzh, Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS; 2004. (In Russ.).
5. Pesina SA. Specificity of philosophical and linguistic approaches to the central problems of language. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. *Seriya "Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija" = Bulletin of the Adygea State University. Ser.: Regional studies: philosophy, history, Sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2011;(4):12-16. (In Russ.).
6. Pesina SA. Leksicheskiy prototip v semanticheskoj strukture slova = Lexical prototype in the semantic structure of a word. Thesis. St. Petersburg; 1998. (In Russ.).
7. Pesina SA, Vtorushina JuL. Concept as a Mental Culturally Significant Construct. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofija = Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philosophy*. 2016;(2):120-128. (In Russ.).

8. Jusupova LG, Pesina SA. Interaction of cognitive and linguistic structures through the prism of embodiment. *Kazanskaja nauka = Kazan Science*. 2019;(1):104-107. (In Russ.).
9. Jusupova LG, Pesina SA. Anthropocentrism as a source of language vocabulary replenishment. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2016;(21-4):1083-1089. (In Russ.).
10. Cattell RB. *Abilities: Their Structure, Growth, and Action*. Boston, MA: Houghton Mifflin. 1971.
11. Kostina N, Zerkina N, Pesina S. Polysemous Words Functioning and Process of Concept Formation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015;(192-24):690-694.
12. Marks LE, Hammeal RJ, Bornstein MH, Smith LB. Perceiving Similarity and Comprehending Metaphor. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1987;(2-1):i-100.
13. Pesina SA. Word functioning in the processes of thinking and speaking. *Cognitive Language Studies*. 2011;(8):79-81.
14. Pesina S, Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement. *International Science Conference*. 2014;(8-6-XI):1000-1007.
15. Solonchak T, Pesina S. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words. *International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2014;(8-6-XI):994-999.

Информация об авторах

С. А. Песина — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Т. Ю. Солончак — кандидат филологических наук, юрист.

Information about the authors

Svetlana A. Pesina — Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Tatiana Yu. Solonchak — Cand. Sc. (Law), Lawyer.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021; одобрена после рецензирования 08.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 17.01.2021; approved after reviewing 08.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'0

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10714

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Наталья Борисовна Попова¹, Борис Александрович Бобнев²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ popova@csu.ru

² bor337@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие языковых контактов, которые представляют собой источник сложных социолингвистических явлений и предмет их социолингвистического осмысления в рамках структурной и социальной типологии языков. Утверждается, что геополитические особенности в типологическом представлении языковых контактов носят исторически и географически перманентный социальный характер. Утверждается также, что нелинейная внешняя среда реальной жизни с ее политическими, экономическими и культурными изменениями включает в себя определенную часть «хаотичной материи», которая вносит свои флуктуации и бифуркации в типологию языковых образований, отражающую с точки зрения синергетики ее «автономную» самоорганизацию.

Ключевые слова: языковые контакты, геополитические признаки, заимствования, языковая ситуация

Для цитирования: Попова Н. Б., Бобнев Б. А. Геополитические признаки в типологическом освещении языковых контактов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). Филологические науки. Вып. 129. С. 120—127. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10714.

Original article

GEOPOLITICAL FEATURES IN THE TYPOLOGICAL COVERAGE OF LANGUAGE CONTACTS

Natalya B. Popova¹, Boris F. Bobnev²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ popova@csu.ru

² bor337@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of linguistic contacts, which are the source of the emergence of complex sociolinguistic phenomena and the subject of the theoretical study in structural and social typology of languages. We assert that linguistic contacts and linguistic situations initially have geopolitical features, which are historically and typologically permanent with all various linguistic formations, both in form and in content. We also posit that political, economic and cultural changes in the nonlinear external environment of real life introduce their fluctuations and crisis bifurcations influencing the typology of linguistic formations.

Keywords: linguistic contacts, geopolitical features, borrowings, linguistic situation

For citation: Popova NB, Bobnev BA. Geopolitical features in the typological coverage of language contacts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465):120-127. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10714.

Введение

Изучение языковых контактов и, соответственно, языковых ситуаций является важной составляющей социолингвистических и собственно лингвистических исследований. Проблема взаимодействия

языков в полиэтническом социальном пространстве представляется актуальной в связи с ситуацией многоязычия, которое не теряет своей значимости для языковых образований любого исторического периода и в рамках любых социальных устоев. В данном исследовании нас интересует социо-

лингвистический аспект проблемы, касающийся не столько социологии языка как раздела социологии, сколько социолингвистики как раздела лингвистики, а именно форм существования языков на разных этапах их развития, включая территориальное и социальное варьирование [8]. При этом в качестве исходной причины территориального и социального варьирования языковых контактов и, соответственно, языковых ситуаций выдвигаются геополитические признаки как первичные при существовании разных этносов, племен и народов.

Целью данного исследования, таким образом, является типологическое освещение языковых контактов с учетом геополитических признаков, непосредственно влияющих на появление тех или иных форм языковых образований в виде новых идиом или актуализации старых.

Термин «идиома», вслед за В. А. Виноградовым, использовавшим его для типологии языковых ситуаций, понимается в работе также широко. Это разные языки и конкретный литературный язык в их разных формах и вариантах: диалект, говор, междиалектные социальные, территориальные и профессиональные образования внутри одного языка и между разными национальными языками [5].

Геополитика и геополитические признаки

Основными понятиями нашего исследования являются «языковые контакты», «языковые ситуации» и их «геополитические признаки».

Рассматриваемое в исследовании понятие геополитических признаков восходит к понятию «геополитика», которое по своему происхождению относится к концу XIX в., хотя по сущности и по содержанию оно старо как мир. Термин принадлежит швейцарскому ученому Р. Челлену (1846—1922). Концептуальную разработку этого понятия, как отмечает А. А. Грицанов в своей энциклопедической статье, осуществляла немецкая геополитическая школа. Так, в концепции Ф. Ратцеля (1844—1904) особое социально-историческое значение придавалось народу с «особым чувством пространства» и, как следствие, со стремлением этого социума к расширению границ. В трактовке К. Хаусхофера (1869—1946) эта концепция приобретает агрессивно-экспансионистские акценты о необходимости расширения «жизненного пространства» именно германской нации [7. С. 173].

Не вдаваясь в социальные и политические аспекты рассматриваемого понятия, отметим, что народов и государств с «особым чувством пространства» история знает достаточное количество. Известны в этом плане завоевания Александра Ма-

кедонского в IV в. до н. э., экспансия Римской империи, просуществовавшая вплоть до V в. н. э. в рамках Западной Римской империи, экспансия Монгольской империи Чингисхана в XII—XIII вв., образование Османской империи в XV—XVI вв. на руинах Византии, становление и расширение Российской империи с выходом на Черное и Балтийское моря в XVIII—XIX вв., колониальная геополитика Великобритании и геополитическая «демократизация» так называемой американской политики глобализации. При этом расширение границ, связанное с «особым чувством пространства», в одних случаях параллельно несло элементы культуры и цивилизации (например, Римская, Византийская и Российская империи), а в других уничтожение культуры этносов и народов, включающее уничтожение людей с целью зачистки территорий.

Что касается геополитических признаков в рамках непосредственно контактирующих языков, у них тоже есть своя история. Такие области лингвистической науки, как история лингвистических учений, компаративистика и социолингвистика, рассматривают их в диахронии и синхронии, а базовыми понятиями для них являются понятия языковых контактов и языковых ситуаций.

Языковые контакты и заимствования

Языковые контакты — это «взаимодействие двух и более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [9. С. 237]. В большинстве случаев языковые контакты складываются в результате определенных социально-экономических условий, хозяйственных и культурных контактов между представителями разных культур, что является следствием войн и переселения народов. Длительное общение представителей разных этнических и языковых групп, проживающих в общих географических, климатических, бытовых, социально-экономических условиях, приводят к общности материально-бытовой культуры: общим орудиям труда, общим обрядам, общему устно-поэтическому творчеству [8; 10].

Непосредственным результатом языковых контактов на лингвистическом уровне являются, безусловно, заимствования. В ряде случаев заимствование идет от языка «дающего, как более престижного и отражающего более высокий уровень цивилизации, к языку «принимающему». Таким был, например, латинский язык римских завоевателей для покоренных италийских, иберийских и кельтских племен на территории Западной Европы. Тот же латинский язык в некоторых случаях сам был принимающим в результате так

называемого «межкультурного» общения с завоеванными римлянами племенами и приобщения к «нецивилизованному» быту племен (италиков, галлов, иберов и др.).

Принимающим может быть и язык агрессивных племен-завоевателей, не ведущих оседлый образ жизни и не обладающих «оседлой» культурой быта, завоевателей, которым в отличие от римской цивилизации мало что было передать завоеванным народам. У истоков становления европейской цивилизации такими были германские племена (франки, свевы, лангобарды, готы, вандалы и др.), которые с течением времени принимали и ассимилировали культуру завоеванного населения Римской империи с ее более высокой культурой быта, включая ассимиляцию языков романизованного населения. Тем не менее германские племена оставили в культуре и языке завоеванных племен свои следы, которые тоже можно рассматривать как заимствования, но уже со стороны романского населения. Это прежде всего заимствования в области военной лексики германских племен и лексики походного быта [1; 2].

Таким образом, в понятии «заимствование» как в бытовом, так и в лингвистическом аспектах изначально закрепляются семы «взять» и «дать» с двух сторон контактирующих народностей. В лингвистике в значении слова «заимствование» данное противоречие известно как явление энантиосемии (от греч. *enantios* — *противоположный*). Согласно словарному определению О. С. Ахмановой, энантиосемия — это «поляризация значений», или «способность слова выражать антонимические значения» [3. С. 526].

В принципе это один из аспектов явления многозначности на основе противопоставления значений в одном слове. При этом «занять» в значении «дать займы» подразумевает наличие значения ожидания возврата, которое не всегда осуществляется, так же как «взять займы» подразумевает обещание отдать, которое, в свою очередь, тоже не всегда осуществляется. Получается, что в слове «занять» в значении «взять и не отдать» просматривается значение «захватить», а это уже признак геополитического порядка.

Энантиосемические значения глагола «занимать», к которому восходит термин «заимствование», встречается кроме русского и в других языках, в частности в таких романских языках, как французский и итальянский: *фр.* *emprunt* — (заимствование) от гл. *emprunter* — *одолжить, дать (взять) займы*, *ит.* *prestato* — (заимствование) от гл. *prestare*: *prestare un libro* — *одолжить*

книгу, prestare del denaro — *дать займы денег*. Что касается испанского глагола *prestar*, он означает скорее движение дающего в значении *дать в долг, займы, одолжить кому-либо*, а не наоборот. Однако в латиноамериканском варианте испанского языка встречаем оба противоположных значения глагола *prestar*: *занимать, одалживать* в значении «дать»; *просить в долг* в значении «взять». Хотя если использовать уточняющие глаголы «давать» и «просить», то в латиноамериканском варианте испанского языка путаницы не будет: *dejar prestado algo a alguien* — *одолживать что-либо кому-либо* — и *pedir algo prestado a alguien* — *просить в долг что-либо у кого-либо*. Как, впрочем, в русском, итальянском и французском языках, уточняющие моменты также снимают двусмысленность. Так или иначе в значениях «взять» и «присвоить» у глагола «занять» геополитический признак присутствует.

Геополитические признаки теории стратов

Изначальный геополитический признак языковых контактов как лингвистического явления лежит в основе так называемой теории стратов итальянской школы неолингвистики, которая формируется в европейской лингвистической науке начала XX в. и которая известна также как ареальная или пространственная лингвистика. К этой школе принадлежат в основном итальянские ученые (М. Бартоли, Дж. Бертони, Дж. Бонфанте, В. Пизани, Г. И. Асколи) [2. С. 483]. Теория стратов предполагает исследование таких понятий, как субстрат, суперстрат и адстрат, в основе которых можно усмотреть рассмотренные выше геополитические признаки. То есть речь идет о значениях «взять», «занять», либо «отдать» не только в территориальном, но и в лингвистическом аспекте относительно элементов того или иного языкового уровня.

Субстрат, основателем теории которого является Г. И. Асколи, — это следы языка побежденного народа в языке победителя. Асколи приводит примеры субстрата, опираясь на фонетический уровень языковых явлений. В частности, это переход латинского [u] в специфическое французское [y], который иногда передается еще символом [ü], переход, который ученый объясняет влиянием кельтского субстрата. Это также переход латинского [f] в испанское [h] под влиянием иберийского субстрата [1. С. 110; 2. С. 492].

Явления субстрата наиболее очевидны на уровне лексики. Субстратами разговорного латинского языка, языка римских завоевателей, были на Апеннинском полуострове итальянские языки, на терри-

тории Галлии — кельтские языки, на территории Пиренейского полуострова — иберийские языки. Яркие примеры субстрата из диалектов будущих романских языков красноречиво представлены в работе «Введение в романскую филологию» романистов Т. Б. Алисовой, Т. А. Репиной, М. А. Та-ривердиевой [1. С. 108—113].

Более 120 слов *италийского* происхождения были заимствованы разговорным латинским языком в период римских завоеваний европейских территорий и впоследствии перешли во многие романские языки. Например, слово *casa* (деревенский дом, хижина) через разговорный латинский легко заимствуется всеми романскими языками, хотя слово *domus* (дом) в латинском языке существовало, но использовалось для обозначения домов знати, дворцов и соборов.

Примерами *кельтского* субстрата могут послужить такие слова, как *camisa* (*солдатская рубашка*) и *carrus* (*телега*), которые через разговорную латынь перешли в итальянский и испанский языки. *Camisa* (*рубашка*) преобразовалась во французском языке в *chemise*, в итальянском — в *camicia*, а в испанском — в *camisa*.

Явление субстрата предполагает широкое этническое смешение или скрещивание языков и их ассимиляцию, ибо в языке этноса-победителя также происходят процессы исторических изменений, но уже по законам побежденного языка, о чем свидетельствуют изменения в латинском языке в разные периоды на разных территориях Римской империи [1].

Термин суперстрат был введен швейцарским ученым Вальтером фон Вартбургом (1888—1971), учеником известного швейцарского диалектолога Жюля Жильерона (1854—1926). Суперстрат — это следы языка пришельцев-победителей, ассимилированные языком народа побежденного в результате принятия победителями языка местного населения. В своей работе «Разделение романских языков» (1936) В. фон Вартбург рассматривает влияние языка германских завоевателей (франков) на разговорную латынь Галлии. Понятие германского суперстрата отражает следующую идею. Территориально победили франки как германское племя, но лингвистически победил романский язык, который стал французским, но в котором сохранились германские следы. Например, на лексическом уровне французского языка само название языка «французский» и страны Франция идет от названия племени франков. Или примеры лексических единиц, отражающих такие бытовые понятия, как *hache* (*топор*), *fauteuil* (*кресло*). В фонетике это так

называемая гортанная смычка, указывающая на наличие германского придыхательного [h], в отличие от немоего французского [h]: (h)air (ненавидеть), (h)areng (селедка), (h)ors-d'oeuvre (закуска).

В любом случае элементы субстрата и суперстрата — это элементы «побежденного» языка. В термине суперстрат приставка «супер» указывает не на этнос победившего племени, а на язык, ибо от германского языка завоевателей остались только «следы». При этом понятие субстрата в истории лингвистики более распространено. Это понятие является важной составляющей в структуре современного сравнительно-исторического языкознания не только для родственных языков, но и при сопоставительном исследовании языков разных семей. Например, В. А. Виноградов использует термин субстрат в его узком смысле при описании особенностей вариантов литературного языка индивидом как его идиолект, как реализацию конкретного языка в устах того или иного индивида, как индивидуальную стилевую характеристику речи [5. С. 617].

Понятие адстрата вводится Маттео Дж. Бартоли, согласно которому адстрат — это два слоя сосуществующих языков, ни один из которых не господствует над другим. Термин адстрат приемлем в отношении длительного сосуществования и взаимовлияния греческого и латинского языков на юге Апеннинского полуострова. Примером также может послужить сосуществование на Иберийском (Пиренейском) полуострове таких языков, как романский язык иберийского типа и арабский язык. В отличие от субстрата и суперстрата адстрат не имеет геополитических предпочтений, так как означает «нейтральный тип» языкового взаимодействия, ибо оба языка в результате сохраняют свою идентичность, приобретая ряд заимствований, которые их обогащают. Оба языка приобретают, как отмечает В. А. Виноградов, «общую совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках» [6. С. 19].

Так или иначе теория стратов свидетельствует о геополитических признаках языковых контактов. Хотя, как уже нами было отмечено, понятие геополитики возникает позже и официально относится к периоду экспансии Германии времен Первой и Второй мировых войн, а также экспансии американского влияния после Второй мировой войны.

В современной лингвистике теория стратов получает свое развитие в таких понятиях, как *инстрат* и *перстрат* [8. С. 168]. Инстрат обозначает случаи территориального и географического контактов

языков, перстрат — случаи влияния в сфере духовной и материальной культуры так называемых «престижных языков» на языки других культур. Например, это тип влияния греческого, французского и английского языков на русский язык и культуру в разные исторические периоды. При этом английский язык в современной русской культуре представлен, скорее, американским вариантом языковой культуры.

В результате длительного речевого взаимодействия различных народов в сферах материальной и духовной культуры следует констатировать возможность образования определенных историко-социальных и лингвокультурных ареалов, объединяющих народы не только по этнокультурным признакам, свидетельствующим о родственности языков, но и по общности истории, социально-экономическому развитию и, безусловно, даже по признакам подобия и различия некоторых элементов в структуре контактирующих языков. Речь идет об образовании своеобразных языковых союзов, которые объединяют как родственные и неродственные языки и их диалекты на основе речевого взаимодействия в рамках бытового, экономического и культурного общения. О таких союзах писал еще Б. де Куртене, затем это понятие рассматривается в работе 1923 г. Н. С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» [8; 13; 16].

Балканский языковой союз и понятие балканизмов

Ярким примером языковых контактов, способствующих образованию специфического языкового союза многоязычного населения, может послужить наиболее изученный и репрезентативный в плане историко-социального и культурного-этнического аспектов языковой союз Балканского полуострова. И это не случайно, так как территория Балканского полуострова всегда была важнейшим геополитическим и культурным центром поселения и прохождения индоевропейских племен, центром формирования древних культур и цивилизаций. Достаточно вспомнить Микенскую цивилизацию (бронзовый век) и Македонскую цивилизацию (античный период). В дальнейшем Балканы становятся частью Римской империи, в рамках которой проживали греки, македонцы и фракийцы.

В эпоху Средневековья балканские территории подверглись нашествию остготов и славян, а после падения Римской империи Балканы стали частью Византии. При этом славянские племена с начала

VI в. расселялись по всему Балканскому полуострову, и византийские императоры этому не препятствовали, так как видели в них союзников против аваров, тюркоязычных племен. К середине VII в. из Северного Причерноморья на Балканы приходят другие тюркские племена, в частности тюркское племя болгар, которые в союзе с балканскими славянами образуют в дальнейшем крупное государство Болгарию.

В XIV в. уже османы завоевывают Болгарию и закрепляются на Балканах на целых три столетия. Далее на Балканах разворачиваются русско-турецкие войны (XVIII—XIX вв.), которые привели к образованию таких государств, как Греция, Румыния, Болгария, Черногория, Сербия.

XX в. на Балканах также отмечен крупными военными событиями. После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины Болгария, Сербия, Греция и Черногория начинают войну против Турции (октябрь 1912 г.). По завершении войны в мае 1913 г. османское присутствие в Европе сводится к минимуму. Геополитический раздел Балкан выглядит следующим образом: Болгария получает выход к Эгейскому морю, Македонию делят между собой Греция, Сербия и Болгария. От этого раздела удовлетворения не получает никто, никого не устраивает и образование государства Албания.

XX в. геополитически отмечен еще двумя мировыми войнами, которые также имеют непосредственное отношение к Балканам.

Первая мировая война заканчивается для Балкан после развала Австро-Венгрии появлением государства Югославия. На Балканах повсеместно разжигается жесткая национально-освободительная борьба, которая приводит некоторые страны полуострова к союзу с фашистской Германией.

Вторая мировая война — это уже война фашистской и нацистской коалиции против СССР и союзников, антинацистского сопротивления в Европе и Азии. После разгрома фашизма значительная часть Балканского полуострова находится под влиянием Советского Союза. В Греции происходит гражданская война, а затем размещение на ее территории американских военных баз и военная диктатура.

После обрушения СССР и ослабления постсоветских стран в результате вмешательства США и НАТО в 1998—1999 гг. разваливается Югославия, появляются государства Сербия, Хорватия, Македония, Черногория, Босния, Словения, а также новые геополитические конфликты. Народы Балканского полуострова постсоветского периода (албанцы, сербы, цыгане, греки, мусульманские этносы и др.)

находятся в ситуации реального геополитического «хаоса», как с социально-территориальной, так и с языковой точки зрения.

Если использовать синергетический подход к исследуемой нами проблеме, то понятие «хаоса» приобретает весьма упорядоченную картину. Согласно обобщенно изложенным положениям науки синергетики в энциклопедической статье М. А. Можейко, «хаос» выступает в качестве «физического обеспечения неравновесности». То есть неравновесность — это «фактор самоорганизации», когда та или иная часть «хаотичной материи» уже испытывает потребность в более упорядоченном состоянии и когда происходит ее «автономная» самоорганизация в направлении к более упорядоченным состояниям и к дальнейшему переходу к «порядку» от и из «хаоса». При этом понятие «порядка» определяется весьма неопределенно, как по длительности, так и по формам, и по содержанию [14. С. 681]. В нашем случае, случае лингвистического исследования, речь идет о языковой материи в состоянии хаоса, к которому приводят геополитические потрясения, происходившие на Балканском полуострове.

Представленный в историческом ракурсе общий геополитический контекст событий на Балканах и хаотичное передвижение на полуострове народов свидетельствует о том, что жители Балкан постоянно находились в языковой неопределенности. В процессе интенсивного взаимодействия и как результат самоорганизации в направлении к «порядку» от и из «хаоса», в балканских языках сформировался определенный комплекс «типологических схождений и различий», которые в лингвистике получили название «балканизмов».

Можно сказать, что балканизмы имеют тоже свою историю в виде так называемых «островков самоорганизации», которые мы усматриваем уже на этапах становления Балканского языкового союза. Это этап палеобалканских языков (фракийский, дакий и иллирийский), следы которых сохранились в качестве субстрата современных языков Балкан, это этап определенного влияния греческой цивилизации и влияния романской цивилизации. Разговорный латинский язык, например, конкретно стал субстратом для славянских и других языков Балтийского полуострова, после того как их носители обосновались на Балканских землях.

В целом балканские языки характеризуются наличием большого числа лексических соответствий. Речь идет о заимствованиях из греческого, латинского, славянских и турецкого языков. Так, латинское *mensa* (*стол*) дает в албанском языке

menca, в болгарском — *маса*, в румынском — *masa*, в македонском — *маса*. Турецкое слово *boya* (*цвет, краска*) дает в албанском языке — *bojë*, в болгарском — *боя*, в румынском, македонском и сербохорватском языках — *боја*.

Кроме прямых лексических заимствований для балканизмов характерны кальки в виде буквального перевода внутренней формы слова с одного языка на другой. Известно, например, что глагол «созревать» в албанском, македонском, болгарском, греческом и румынском языках образуется от корня со значением «выпекать». Лексико-синтаксический уровень устойчивого выражения благопожелания со значением «много лет» также имеет много общего. Сравним: «за много години» (болгарский), «за многу години» (македонский), *për shumë vit* (албанский), *la multi ani* (румынский), *ti multsa-anj* (аромунский), *ad multos annos* (латинский).

На уровне грамматики балканизмы характеризуются упрощенной падежной системой, наличием определенного артикля в нетипичной для европейских языков постпозиции, исчезновением инфинитива путем его замены аналитической формой придаточного предложения. Категория глагола также отмечена аналитической тенденцией словообразования. Например, будущее время в балканских языках образуется через перифразу с использованием глагола «хотеть» [16. С. 376].

Что касается фонетики, то и в этой области в языках языкового союза Балканского полуострова также встречаются общие черты. К ним можно отнести экспираторное ударение, отсутствие у гласных количественной дифференциации, а у согласных — наличие определенного смягчения в отличие от твердости согласных в романских языках [11; 16].

Заключение

Факт территориального освоения новых земель путем их военного захвата или мирного освоения в результате так называемого переселения народов, существовал всегда. Следовательно, языковые контакты предполагают изначальное наличие в них геополитических признаков, ибо они в целом являются результатом социальных, экономических, территориальных и культурных контактов между различными племенами, этносами и народами, приводящими к определенной языковой ассимиляции.

Наиболее убедительно геополитические признаки языковых контактов усматриваются в рамках сравнительно-исторического языкознания в так называемой *теории стратов*, разработанной итальянскими лингвистами начала XX в.

Интересным с точки зрения геополитических признаков представляется такая форма языковых образований, как *языковые союзы*, которые возникают в результате длительного речевого взаимодействия различных этносов и народов. Ярким примером такого союза является Балканский языковой союз со сложной геополитической историей Балканского полуострова на протяжении веков

и в связи с современной геополитической и языковой ситуацией [12; 13].

Думается, что геополитические признаки языковых контактов можно усмотреть и в таких формах языковых образований, как пиджин и креольские языки, но это будет уже другой аспект исследования языковых контактов.

Список источников

1. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007.
2. Амирова Т. А., Ольховиков В. А., Рождественский Ю. В. История языкознания: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. С. Ф. Гончаренко. М.: Академия, 2003.
3. Ахманова О. С. Энантиосемия // Словарь лингвистических терминов. М.: Совет. энцикл., 1966.
4. Березин Ф. М., Головин Б. И. Социоллингвистика // Общее языкознание: учеб. пособие для студентов пед. вузов. Репр. 1979 г. М.: Альянс, 2014. С. 366—383.
5. Виноградов В. А. Языковая ситуация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 616—617.
6. Виноградов В. А. Адстрат // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 19.
7. Грицанов А. А. Геополитика // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.; Минск: АСТ: Харвест: Современ. литератор, 2002. С. 173—174.
8. Захватаева К. С. Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. 2010. С. 165—170.
9. Иванов В. В. Контакты языковые // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 237—238.
10. Иванова В. И. Основы языкознания. Ч. I. Язык как психосоциальное явление: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013.
11. История Балкан // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
12. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие. 2-е изд. Минск: Амалфея, 2004.
13. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000.
14. Можейко М. А. Синергетика // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.; Минск: АСТ: Харвест: Современ. литератор, 2002. С. 677—687.
15. Нерознак В. П. Балканский языковой союз // Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 63—64.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Языковые контакты // Общее языкознание: учеб. пособие. 2-е изд. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 373—376.
17. Попова Н. Б. Типологический ландшафт балканских языков в геополитическом контексте // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Лингвистические чтения. 2016. № 1 (4). С. 4—9.
18. Шулежкова С. Г. История лингвистических учений: учеб. пособие для студентов филол. фак. М.: Флинта: Наука, 2004.

References

1. Alisova TB, Repin TA, Tariverdiev MA. Vvedenie v romanskiu filologiu = Introduction to Romance Philology. Moscow; 2007. (In Russ.).
2. Amirova TA, Olkhovikov VA, Rozhdestvenskij YV. Istoriia iazykoznanii = History of linguistics. Moscow: Academy; 2003. (In Russ.).
3. Akhmanova OS. Enantiosemyia = Enantiosemy. In: Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow; 1966. (In Russ.).
4. Berezin FM, Golovin BI. Sotciolingvistika = Sociolinguistics. In: Obsheee iazykoznanie = General Linguistics. Reprint of the 1979 edition. Moscow: Alliance; 2014. Pp. 366—383. (In Russ.).

5. Vinogradov VA. Iazykovaia situatsiia = Language situation. In: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Iazykoznanie = Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 1998. Pp. 616—617. (In Russ.).
6. Vinogradov VA. Adstrat = Adstrat. In: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Iazykoznanie = Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 1998. P. 19. (In Russ.).
7. Gritsanov AA. Geopolitika = Geopolitics. In: Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofii XX vek = World Encyclopedia: Philosophy XX century. Moscow; Minsk: AST: Harvest: Modern writer; 2002. Pp. 173—174. (In Russ.).
8. Zakhvataeva KS. Language contacts: basic concepts and their stratification. *Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Iazykoznanie i literaturovedenie = News of Herzen ped. university. Linguistics and literary criticism*. St. Petersburg; 2010:165-170. (In Russ.).
9. Ivanov VV. Kontakty iazykovye = Language contacts. In: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Iazykoznanie = Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 1998. Pp. 237—238. (In Russ.).
10. Ivanova VI. Osnovy iazykoznanii. Ch. I. Iazyk kak psihosotsial'noe yavlenie = Fundamentals of linguistics. Pt. I. Language as a psychosocial phenomenon. Tver; 2013. (In Russ.).
11. Istoriia Balkan = History of the Balkans. In: Vikipediia = Wikipedia. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (In Russ.).
12. Mechkovskaya NB. Obsheche iazykoznanie: Strukturnaia i sotsial'naia tipologii iazykov = General linguistics: Structural and social typology of languages. Minsk: Amalthea; 2004. (In Russ.).
13. Mechkovskaya NB. Sotsial'naia lingvistika = Social Linguistics. Moscow: Aspect Press, 2000. (In Russ.).
14. Mozheiko MA. Sinergetika = Synergetics. In: Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofii XX veka = World Encyclopedia: Philosophy XX century. Moscow; Minsk: AST: Harvest: Modern writer; 2002. Pp. 677—687. (In Russ.).
15. Neroznak VP. Balkanskiy iazykovoy soiuz = Balkan Language Union. In: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' = Big Encyclopedic Dictionary. Moscow; 1998. Pp. 63—64. (In Russ.).
16. Popova ZD, Sternin IA. Iazykovye kontakty = Language contacts. In: Obsheche iazykoznanie = General linguistics. Moscow: AST: East-West; 2007. Pp. 373—376. (In Russ.).
17. Popova NB. Typological landscape of the Balkan languages in the geopolitical context. *Eurasian Bulletin of Humanitarian Research. Linguistic Readings*. 2016;(1):4-9.
18. Shulezhkova SG. Istoriia lingvisticheskikh ucheniy = History of linguistic doctrines. Moscow: Flinta: Science; 2004. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Б. Попова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации.

Б. А. Бобнев — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации.

Information about the authors

Natalya B. Popova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication.

Boris A. Bobnev — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 30.11.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811'11

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10715

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОЛЛОКВИАЛИЗМОВ С ИМПЛИЦИТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Анастасия Вадимовна Фалеева

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан, faleyevanastya97@mail.ru

Аннотация. Анализируются лексико-семантические особенности имплицитного значения названий некоторых цветовых оттенков, имен собственных и связанных с ними понятий, показавшие высокую частотность употребления среди разговорного пласта английского языка. Автор также рассматривает преобладающие и единичные значения, эффект обманутого ожидания в коллоквиализмах.

Ключевые слова: коллоквиализм, символичность цвета, разговорная лексика, культурологические предпосылки, экстралингвистические факторы

Для цитирования: Фалеева А. В. Тематическая дифференциация коллоквиализмов с имплицитным значением в лексикографических источниках // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 128—136. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10715.

Original article

THEMATIC DIFFERENTIATION OF COLLOQUIALISMS WITH IMPLICIT MEANINGS IN LEXICOGRAPHIC SOURCES

Anastasiya V. Faleeva

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan, faleyevanastya97@mail.ru

Abstract. The lexical and semantic features of the implicit meaning of the names of some colors, shades, proper names and related concepts in modern electronic and printed dictionaries are analyzed in the article. Particular attention is paid to the analysis of the relationship between the symbolism of color and meaning, the study of the features of some models of colloquialisms with a proper name component, the analysis of the role of the diachronic aspect, context, situational use, gender indicators, phonetic characteristics, etymology, subjective approach, cultural images, contextual use, stereotypes. The author also considers the prevailing and singular meanings in colloquialisms. An important place is given to the analysis of the anthropocentric approach. The analysis of the defeated expectancy effect represents particular interest.

Keywords: colloquialism, color symbolism, colloquial vocabulary, cultural background, extralinguistic factors

For citation: Faleeva AV. Thematic differentiation of colloquialisms with implicit meanings in lexicographic sources. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(7(465):128-136. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10715.*

Многочисленные исследования по проблеме изучения разговорного пласта английского языка внесли неоспоримый вклад в мировую лингвистику. Однако по-прежнему актуальной является проблема анализа имплицитного значения современных коллоквиализмов с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Фиксирование в составе словарей большого количества слов и вы-

ражений, принадлежащих к разговорной лексике, обуславливает необходимость своевременного изучения лексико-семантических особенностей коллоквиализмов. Исследование коллоквиализмов с компонентом «имя собственное» и цветовыми наименованиями становится одной из ведущих проблем, которая требует тщательного анализа в силу постоянного пополнения лексического пласта данными единицами.

Научная новизна исследования заключается в выявлении современного состояния разговорных слов и выражений с имплицитной тематической направленностью в рамках словарных статей современных печатных и электронных словарей, в изучении вторичного значения коллоквиальной лексики при раскрытии влияния национальных, лингвокультурологических, исторических, фонетических факторов. Новое значение в свете изучения разговорной лексики приобретает анализ параметров яркости/бледности, символичности цвета, близости по местоположению на цветовой палитре оттенков, а также рассмотрение этимологии, антропоцентрического подхода для раскрытия некоторых особенностей имплицитного значения коллоквиализмов.

В освещении темы исследования использованы когнитивный, описательный, классификационный, системно-структурный методы анализа.

В ходе анализа параметров яркости/бледности того или иного цвета или его оттенка раскрываются некоторые особенности имплицитного значения коллоквиализмов. Так, более пастельные тона становятся образом объекта, субъекта или явления, обладающего спокойной, нейтральной, менее агрессивной природой поведения, состояния и т. д. В случае же с наименованиями ярких цветов будет наблюдаться возможность наличия в семантике таких компонентов, как неординарность, яркость, порой опасность и т. д. Ср.: *beige* (бежевый) образует коллоквиализмы со значением «блеклый, тусклый, неброский» [1. С. 58], *scarlet* (ярко-красный цвет с оттенком оранжевого, огненно-красный): *scarlet woman* — «1) яркая женщина; 2) женщина легкого поведения» [10].

Значение коллоквиализмов тесно связано с символичностью цвета. В некоторых культурах белый цвет выступает в качестве символа чистоты и непорочности, желтый — трусости, черный — смерти, зеленый — неопытности, голубой — непристойности, серый — невзрачности и т. д. Ср.: *yellow* имеет значение «трусливый; аморальный; ревнивый» (*yellow bellied* — трусливый, *yellow belly* — трус, *yellow streak (stripe)* — признак трусости [9]), *grey*, в свою очередь, символизирует «невзрачность» (*grey goods* — дизайнерские товары, продаваемые дешево из-под полы [5]) и т. д. В большинстве культур белый цвет выступает в качестве символа чистоты и непорочности. Однако подвижность английского разговорного языка в рамках словаря С. В. Семиволковой выявляет очевидное переосмысление позитивного контекста в сторону отрицательного, что наглядно отражает безграничные лексико-се-

мантические и лексико-стилистические возможности коллоквиализмов. Ср.: *white* — 1) амфетамин, морфин, 2) кокаин, героин, 3) никелевые монеты, 4) постельное белье; *white girl* — героин, кокаин; *white eye* — крепкий алкогольный напиток; *white lightning* (также *white mule, white satin*) — 1) крепкий алкогольный напиток, 2) наркотик; *white ants* — сумасшествие; *white lady* — 1) коктейль на основе джина и апельсинового ликера с лимонным соком, 2) метиловый спирт, 3) героин, кокаин; *white stuff* — 1) крепкий алкогольный напиток, 2) героин, кокаин; *white arsed* — отвратительный; *white knuckle* — страшный, ужасный; *white feather* — трусость; *white rabbit* — трусость; *white nigger* — 1) белый чернорабочий, 2) чернокожий, пресмыкающийся перед белыми; *white-shoe* — неопытный молодой сотрудник; *whitewash* — 1) полный разгром, поражение, 2) скрывать недостатки, 3) разгромить, победить [1. С. 779—781].

Близость цветов и их отдаленность на цветовой палитре, сочетаемость влияют на семантическое сходство или различие значений коллоквиализмов. В зависимости от этого можно рассматривать коллоквиализмы, разграничивая их на следующие группы:

- а) Отражение семантики близких по местоположению на цветовой палитре оттенков. Ср.: *pink elephants* в значении «галлюцинации» [11], *pink lady* — (наркотик) барбитурат [10], и *purple* — 1) героин, 2) (*haze*) смесь наркотиков и метедрина, 3) галлюцинации [1. С. 515]. Таким образом, следующие друг за другом на цветовой палитре фиолетовый и розовый цвет образуют коллоквиализмы с близкой тематикой для обозначения таких понятий, как «галлюцинации» и «наркотические средства». Однако существуют и другие коллоквиальные выражения, где выявляются иные значения, не связанные с данной тематикой. Ср.: *pink limit* в значении «полный восторг», *pink pound* — «богатство, покупательная способность людей с нетрадиционной ориентацией» [5].
- б) Отражение семантики цвета и его оттенков. Значение коллоквиализмов, заключенное в имплицитном значении цвета и его оттенков, может принадлежать к схожей тематике или называть те же понятия с отличием в степени приближенности/удаленности, яркости/бледности, интенсивности и других характеристик объекта, субъекта, явления от какого-то состояния, фазы, уровня, стадии, высоты, точки и т. д. В английском языке различают *rosy* (розоватый; также называемый «маргаритковый»)

и *pink* (отенок с преобладанием красного) как «бледные оттенки красного цвета» (*red*). Так, *pink*, *rosy* и *red* в качестве коллоквиализмов схожи по тематике, связанной со спиртными напитками и близкими им понятиями. Ср.: *pink eye* (*pinkie*, *pinky*) в значении «дешевое красное вино» [10]; *rosy* — слегка пьяный [1. С. 884]; *red-eye* — американский виски низкого качества [10]; *red bidy* — 1) дешевое красное вино, 2) смесь дешевого красного вина и метилового спирта [9] *red Ned* — дешевое красное вино [11]. Отенок *rosy* (розоватый) служит для обозначения бледно-розового, тем самым становится очевидным присутствие толкования коллоквиализма «слегка пьяный», то есть степень небольшого опьянения.

- в) Отражение семантики противоположных цветов с антонимичным и синонимичным значением. В коллоквиальной лексике особо ярко прослеживается противопоставление значений как среди антонимичных и даже близких цветов, что вызвано желанием участников речевого акта с наименьшими затратами лексических средств метко и сжато выразить информацию. Проведение антонимичных параллелей на уровне цветовых наименований типа *white* и *black* — один из ярких показателей оппозиционных отношений. Ср.: *black gentleman* (*man/prince/spy*) в значении «дьявол» (о человеке) / *white hat* — прекрасный человек, положительный герой [9]; *black meat* — чернокожая женщина легкого поведения [1. С. 78] / *white meat* — белая женщина как объект влечения [Там же. С. 884].

Такие цвета, как *black*, *brown*, *white*, *pink*, *yellow*, находят частое применение для прямого сопоставления цвета с расовой принадлежностью и индивидуальным взглядом на примерное соответствие цвета расе, коже и т. д. Ср.: *pink* — белый человек для чернокожего [1. С. 882]; *pink toe* — светлокожая негритянка [11]; *pink-chaser* — чернокожий, пресмыкающийся перед белыми [7]; *blue-eyed brother* — белый человек, с уважением относящийся к чернокожим [1. С. 90]; *brown (is new black)* — чернокожий [5]; *white nigger* — 1) белый чернорабочий, 2) чернокожий, пресмыкающийся перед белыми [1. С. 884]; *high yellow* — женщина легкого поведения смешанной расы [12]. В примерах *pink-chaser*, *blue-eyed brother* и *white nigger* (во втором значении) задействуется не только расовая принадлежность, но и положительное/отрицательное отношение одной расы к другой. *White nigger* включает в свой состав сразу два

значения. Если первое значение «белый чернорабочий» ассоциирует *black* по отношению к тяжелому труду и не связано с соответствием цвета кожи, то во втором значении «чернокожий, пресмыкающийся перед белыми» акцентируется внимание на соответствии цвета кожи расе. Розовый цвет ассоциируется у афроамериканцев с людьми с белой кожей, поэтому выражение *pink toe* задействует компонент *pink* для описания «светлокожей негритянки».

Эффект обманутого ожидания может возникнуть при начальном предположении конкретного значения того или иного разговорного слова или выражения исходя из накопленного фундамента образов, ассоциаций и т. д. В ходе дальнейшего изучения контекста выявляется несоответствие семантики коллоквиализма первоначальному толкованию. Ср.: эвфемизм *white knight* в значении «герой, рыцарь, спаситель» [7], *red cap* — британская военная полиция [9]. В первом примере *white knight* подается в нескольких значениях: о человеке, защищающем без надобности кого-то другого; о мужчине, защищающем женщину с целью добиться ее расположения [12]. Последнее из вышеприведенных значений подкреплено пометой *derog.* (уничижение, оскорбление), что подтверждает отрицательную характеристику, применяемую для описания человека. В словаре же *Urban Dictionary* приводится значение, связанное с отношением мужского пола к гендерному равенству. Тем самым процесс анализа словарных дефиниций способствует стиранию ожидаемого образа героя художественных произведений с заменой на иные ассоциации. Подобный эффект обманутого ожидания справедлив для примера *red cap* в случае, если человек использует лишь информацию о названии сказки «Красная Шапочка», не имея иных сведений, касающихся связи красного цвета с британской военной полицией.

Вариация цвета в составе коллоквиализмов не всегда ведет к изменению его семантики. Ср.: *green about the gills* (*white/yellow about the gills*) в значении «больной» [10]. В данном примере вариация цвета *green/yellow/white* выступает лишь в качестве вставочного компонента, не придает коллоквиализму нового значения. Выбор любого цвета служит в подобных коллоквиализмах главной цели: выделить отдельный признак, состояние, лицо из общей массы. Особая роль в подобных случаях отводится влиянию сопутствующих слов в выражениях с цветообозначением.

Таким образом, яркость, бледность, контрастность цвета не оказывают определяющего влияния на семантику коллоквиализма, а лишь вы-

ступают компонентами-заполнителями. Модель: цвет (вставочный компонент) + основной компонент выражения. Ср.: (больной): *green/yellow/white + about the gills*. Выделяется группа коллоквиализмов с вариацией сопутствующего компонента с сохранением цвета. Вариация сопутствующего компонента в коллоквиализмах с определенным цветом осуществляется за счет варьирования общего наименования с его частными видами, относящимися к одной группе. Ср.: *black money, black cash, black pounds* в значении «деньги, полученные незаконным путем» [5]. Другими примерами могут служить: *blue hair* (волосы) / *blue rince* (краска для волос) — старая женщина [9]; *cry blue murder / yell blue murder* — вопить о помощи [12]; *brown nose / brown tongue* — подлизываться, льстить [4]; *yellow streak / yellow stripe* — признак трусости [6].

В ходе изучения коллоквиальных слов и выражений с определенным цветом или оттенком становится возможным выделить преобладающие и единичные значения.

Разграничивая слова и выражения с *green*, можно сформировать три группы коллоквиализмов: а) со значением деньги: *long greens euphm.* — деньги [10]; *greenback euphm.* — доллар [9]; *green goods euphm.* — поддельные банкноты; *green goods man euphm.* — фальшивомонетчик; б) окружающая среда и люди, заботящиеся о ней: *green* — 1) человек, заботящийся об окружающей среде, 2) экологически чистый продукт, товар, прибор [1. С. 291] и т. п.; *green fingers (green thumb)* — прекрасный сад, любитель растений [4]; в) молодость, неопытность: *green-ass (greener, greenhorn, greenie. green pea)* в значении: 1) новичок, молодой неопытный человек, 2) простак [1. С. 291]; *green-assed* — молодой и неопытный [Там же], а также такие единичные значения и выражения: 3) *green grass* — марихуана плохого качества [Там же] и т. д. Примеры *green fingers (green thumb)* в значениях «прекрасный сад», «любитель растений» демонстрируют наличие части тела *fingers* во множественном и *thumb* в единственном числе не случайно. Ведь именно с помощью рук (пальцев) садовник осуществляет основной уход за растениями, а цвет *green* — представляет основной цвет, ассоциируемый с растительным миром.

Тематика коллоквиальных слов и выражений с *golden* преимущественно связана с крупными денежными средствами у сотрудников. Ср.: *golden goodbye (golden handshake, golden parachute)* в значении «крупное пособие в связи с увольнением» [LOEDTO]; *golden handcuffs* — высокая зарплата [6]; *golden hello* — денежное поощрение после приема

на работу [5]; *golden retriever* — сотрудник, вернувшийся на прежнюю работу в связи с повышением зарплаты [1. С. 881]. Примеры *golden hello* и *golden goodbye* демонстрируют антонимичные отношения посредством как самих слов *hello* и *goodbye*, так и части толкований, построенных на противоположных понятиях «прием на работу» и «увольнение». Однако оба примера имеют связующий компонент «денежное поощрение / денежное пособие» в толковании.

Начальный компонент *off* часто выступает в качестве компонента, изменяющего семантику коллоквиализма в сторону отрицательной оценки. Ср.: *off-white wedding* в значении «свадьба беременной невесты»; *off-colour* — больной [Там же. С. 462] и т. д. В примере *off-white wedding* замещение белого цвета на грязно-белый посредством первичного компонента *off* нейтрализует символическое обозначение белым цветом понятий чистоты и непорочности невесты, в примере же *off-colour* происходит изменение цветного на бесцветный, что ассоциируется с нездоровым состоянием человека.

Анализ коллоквиализмов с компонентом цвета выявил разговорные слова, служащие для выражения одного цвета посредством коллоквиализма с другим цветообозначением. Ср.: *yellow Labrador* в значении «белый лабрадор» [Там же. С. 885], *blue (bluey)* — рыжий человек [9] и т. д.

В ходе анализа лексикографических источников помимо обширного пласта коллоквиализмов с цветовыми наименованиями был обнаружен также значительный объем разговорных слов и выражений, представляющих имена собственные. Данные единицы употребляются в художественных произведениях, кинофильмах или являются авторскими образованиями. Ср.: *Artful Dodger* — персонаж произведения Диккенса «Оливер Твист». Артфул Доджер — способный вор, хитрый проныра. В словаре С. В. Семиволковой *Artful Dodger* выступает в качестве существительного-коллоквиализма с пометой *fig.* — «метафорический, переносный». Ср.: *Some may see President Clinton as an Artful Dodger who just got caught* (Многим президент Клинтон покажется пронырой Артфулом Доджером, которого поймали с поличным) [1. С. 26]. Ср.: рифмованный сленг *Artful Dodger = lodger* (жилец) со значением «квартиросъемщик, жилец» [Там же]. Другими примерами могут служить разговорные выражения, образованные от имени героя фильмов «Пираты Карибского моря» Дейви Джонса: *Davy Jones's locker* в значении «могила в море», *Davy Jones's natural children* — пираты [4]. Оба выражения связаны с морской тематикой. Так, основное

имплицитное значение определяется в этом случае за счет обращения к сведениям из литературных произведений и фильмов. Имя собственное в составе рифмованного сленга часто предполагает соответствие семантики или ее тематической схожести со вторым компонентом. Ср.: *Robin Hood(s) = goods* в значении «краденые товары»; *Robin Hood(s) = woods* — лес [3]. Так, *Robin Hood* — герой книги и серии фильмов о лесном воре, который обкрадывает богатых людей в пользу бедняков. К другим примерам имен собственных, образующих новые коллоквиализмы, часто переносящие семантическую нагрузку имени/фамилии/прозвища и прочего на новое слово или выражение в разговорном английском, относят: *Eeyore* — ослик, герой сказок о Винни Пухе. Ср.: *eeyorish* в значении «ворчливый, недовольный» [12].

Употребление имени собственного при обозначении нации в отрицательном ключе связано с субъективной оценкой одной нации других, с желанием выявить их недостатки и слабые стороны. Ср.: *Eric/ch* — немец [1. С. 221] с пометой *derog.* (оскорбительное (о слове, выражении)) и т. д.

Особое место занимают разговорные слова и выражения, значение которых представлено развернутой характеристикой, образуя небольшой контекст, выявляющий особые характеристики, вкладываемые в то или иное значение. Ср.: *Kate and Sidney = stake and kidney* в значении «традиционный английский пирог с говядиной и почками»; *Joe* — человек из толпы, обычный англичанин; *Old Dart* — Великобритания (для жителей Австралии и Новой Зеландии) [9]; *Rick* — помощник мошенника в толпе; *Harvey Smith* — оскорбительный знак двумя пальцами руки, поднятыми вверх в виде буквы V [7], и т. д. Наиболее часто подобные развернутые толкования представлены среди разговорных слов и выражений, описывающих культурологические реалии, по причине раскрытия особенностей национальных блюд, индивидуальных параметров характера отдельных наций, национальностей. В примере *Kate and Sidney = stake and kidney* характеризуется присущее английской культуре национальное блюдо с задействованием главных ингредиентов *stake and kidney* не только в толковании, но и в самом выражении. Некоторые словарные дефиниции снабжены дополнительной информацией, подающейся в скобках. Ср.: *Old Dart* — Великобритания (для жителей Австралии и Новой Зеландии) — использует именование страны относительно взглядов граждан других англоязычных стран, *Mickey (Mickey Finn, Mickey Flynn)* — таблетка наркотика (добавляемая

в алкогольный напиток) [12]. Коллоквиализм же *Rick* в значении «помощник мошенника в толпе» включает в описание место и назначение человека, задействованного в воровстве.

Коллоквиальные слова и выражения в толковании могут содержать одно из значений, описывающее общее понятие, и также характеризовать частное понятие. Ср.: *Little Mary* — живот, все внутренние органы [2]. Первое значение — «живот» — можно рассматривать как относительно частное значение по отношению ко второму, общему — «все внутренние органы».

Имена собственные, относящиеся к женскому полу, в большинстве случаев используются для создания новых разговорных слов, описывающих род занятий, особенности поведения и другие характеристики представителей женского пола. Такая же тенденция характерна для коллоквиализмов с компонентом «мужское имя собственное». Ср.: *Sheila* в значении «женщина»; *Jane* — 1) женщина, 2) девушка легкого поведения, 3) женский туалет, 4) детская коляска [1. С. 348] (четвертое значение характеризует более общее понятие); *Jane Doe* — неопознанная потерпевшая; *Joe* — сутенер, шпион [1. С. 356] и т. д. Однако имя собственное женского рода, образующее коллоквиальное значение по отношению к мужскому роду, возможно зачастую при описании мужчин с нетрадиционной ориентацией. Ср.: *Lissie* в значениях «лесбиянка», «пассивный мужчина с нетрадиционной ориентацией» [Там же. С. 867]. В случае если имя собственное используется и для мужских, и для женских имен, коллоквиализм также приобретает семантику, соотносимую с женским и мужским полом. Ср.: *Sloane* — имя, популярное в настоящее время как среди мальчиков, так и среди девочек. Оно образует коллоквиализм со значением для описания «молодежи из богатой семьи» [7].

Выбор того или иного имени собственного в качестве слова с новым разговорным значением происходит не спонтанно, а обусловлен определенными лингвистическими и экстралингвистическими причинами: этимологическими особенностями, культурологическими предпосылками, фонетическим оформлением, контекстуальным и ситуативным использованием, гендерными параметрами и т. д. Ср.: *Calamity Jane* в значении «кликлуша» [1. С. 864] (корни уходят к прозвищу исторической личности — женщины Дикого Запада Марты Бёрк). Так, выбор имени *Andrew* для толкования «королевского Военно-морского флота Великобритании» [Там же. С. 19] объясняется обращением к этимологическим данным. Рассмотрим три предположительные вер-

сии происхождения разговорного слова *Andrew* из архивов Королевских музеев Гринвича:

- 1) XVIII в.: Эндрю Уокер — человек, знавший и имевший влияние на большое количество офицеров флота Великобритании.
- 2) XIX в.: Эндрю Миллер — имя «человека-монополиста», поставлявшего продовольствие на военные корабли Королевского флота.
- 3) В «Адмиралтейском руководстве по морскому делу» приводится имя собственное *Andrew* в значении «королевский военно-морской флот Великобритании». Оно связано с именем офицера Эндрю Миллера, жившего в эпоху Французской революции и войны с Наполеоном. Эндрю Миллер в силу своих личностных качеств сумел привлечь огромное количество людей на Королевский флот и имел тем самым огромное влияние на военнотружущих Великобритании.

Первые две версии, относимые к более ранним периодам, не могут полноценно рассматриваться как сведения по этимологии в связи с отсутствием предполагаемых людей в официальных источниках того времени. Третья версия становится наиболее приемлемой в связи с исторической достоверностью документа.

Фонетическая схожесть между начальной и конечной частями рифмованного сленга позволяет создать эффект рифмы. Зачастую имена собственные с данной конструкцией не содержат вне выражения имплицитное коллоквиальное значение. Ср. коллоквиальный эвфемизм: *Brahms and Liszt = pissed* обозначает «пьяный» [7]. Однако в отдельности имена собственные *Brahms* и *Liszt* — это имена великих композиторов. Альтернативной версией рифмованного сленга со значением «пьяный» выступает эвфемизм *Mozart and Liszt = pissed* [7] с заменой первого компонента еще на одно имя — известного композитора Моцарта.

Сочетание двух имен собственных в одном выражении с имплицитным коллоквиальным значением можно классифицировать следующим образом:

Модель 1: имя + фамилия: *Alderman Lushington* в значении «пьяница» [3]. Употребляется также с изменением форм второго компонента. Ср.: *Lush, lushy*.

Модель 2: имя (мужское/женское) + and / или без союза + имя (мужское/женское): *Adam and Eve = believe* в значении «верить» [2] (библейские персонажи); *Betty* (сокращение от женского имени *Elizabeth*), *Martin* (полное мужское имя) — чушь [7].

Модель 3: имя (мужское/женское) + имя (мужское/женское) + and + имя (мужское/женское): *Tom, Dick and Harry* в значении «любой человек» [4].

Модель 4: начальный компонент, используемый при обращении (типа *Sir, Miss*) + имя + фамилия: *Sir Walter Scott = pot* в значении «кувшин с пивом (в пивной)» [7].

Наличие одного из компонентов имени собственного (имя / уменьшительная форма имени или его вариант / прозвище/фамилия и т. д.) может служить для создания часто/реже используемых или единичных случаев употребления коллоквиальных значений по моделям:

Модель 5: имя собственное / имя нарицательное + имя нарицательное / имя собственное: *Hobson's choice* в значении «безвыходное положение» [2]; *farmer Giles = piles* — геморрой [7].

Модель 6: прилагательное + имя собственное: *Smart Alec* в значении «хитрец, проныра, выскочка» [6]; *Brian (Best Brian)* — услужливый недалекий человек [1. С. 860]; *Old Nick* — дьявол [4].

Модель 7: имя + национальная принадлежность: *Zorba the Greek = leak* в значении «испускать мочу» [Там же].

Модель 8: имя собственное + цифровое обозначение: *Richard (the Third) = bird* в значении: 1) молодая привлекательная женщина, 2) оскорбительный знак двумя пальцами в виде буквы V, = *word* — клятва, = *turd* — экскременты [1. С. 870]; *George the third = turd* — экскременты [Там же. С. 863].

Модель 9: именование родственных отношений + имя собственное: *Uncle Wilf = filth* в значении «полиция» [Там же. С. 872]; *Uncle Willie = chilly* — холодно [7]; *Aunt Edna* — ретроград, консервативный человек [6]; *Aunt Nelly = belly* — живот [5].

Имена собственные при использовании в новом разговорном значении в качестве имени нарицательного часто оформляются на письме как с прописной, так и строчной букв. Ср.: *Dickens* с прописной буквы обозначает имя великого английского писателя, а *dickens* со строчной — служит коллоквиализмом для обозначения дьявола. Другими примерами могут служить *Fanny/fanny* в значении «трёп, ерунда; побег» [1. С. 225].

Антропоцентрический подход становится одной из первостепенных задач при ведении исследовательских работ редакционной командой словаря. Сайты с электронными версиями англоязычных словарей ведут ежедневный сбор информации, осуществляемый при участии пользователей. Викторины, опросы по причине поиска слова в лексикографическом источнике, языковые игры и прочее способствуют фиксации данных по тому или иному слову с присутствием мнения, оценки пользователей словарей. Электронные сайты с опросами по значению имени позволяют выявить наиболее

частые признаки, вкладываемые в понимание значения имени/прозвища пользователями онлайн-ресурсов. Ср. данные по значению имени среди европейских пользователей сайта <https://www.behindthename.com/>. Так, сравним прилагательные, ассоциирующиеся у пользователей со значениями английских и русских имен, и их схожесть/различие с коллоквиальным значением:

1) Люди характеризуют имя собственное *Garfield* следующими прилагательными: *классический, зрелый, коварный, сильный, странный, комедийный*. Прилагательные *коварный, комедийный* выбраны не случайно и связаны с героем-котом *Garfield*, ставшим популярным персонажем кинофильмов и мультфильмов. В коллоквиальном значении в онлайн-словарях используется коллоквиализм *Garfield* со значением «кот» [7].

2) При характеристике имени *Ivan* использовалось достаточно большое количество прилагательных: *классический, молодой, формальный, классный, натуральный, здоровый, сильный, изысканный, странный, сложный, комедийный*. Этот высокий показатель может быть связан с распространенностью имени среди славянских народов и в литературе. Ассоциация с прилагательным *сложный* может возникать среди пользователей по причине обращения к исторической личности Ивана Грозного. *Молодой, здоровый, сильный, комедийный* могут формировать общественное представление некоторых групп лиц по причине обращения к героям русских сказок типа Иван-дурак, Иван — крестьянский сын и т. д.

Двойные имена, принятые в некоторых странах, также используются в формировании коллоквиального пласта лексики английского языка. Ср.: *Mary Ann, Mary Jane, Mary Warner* в значении «марихуана» [11], *Mary (Mary Ann)* — мужчина с нетрадиционной ориентацией [Там же]. В вышеприведенном примере *Mary* выступает в качестве основы для обозначения наркотика, а вариация второго имени не призвана изменить семантическую нагрузку.

Вариации форм имен собственных сохраняют ту же семантическую нагрузку, что и основная форма. Изменение форм имени собственного на сокращенные варианты, уменьшительно-ласкательные и иные формы зависит от ситуативного использования и авторского предпочтения, а также для создания иронического эффекта, экономии времени и т. д. Ср.: *Mickey (Michael, Mike, Miku)* в значении «шутка, издевательство» [5].

Тематически имена собственные с имплицитным коллоквиальным значением были подразделены нами на следующие группы:

- а) о мужчине/женщине и связанных с ними понятиями: *Oscar* в значении «мужчина с другой ориентацией» [1. С. 869]; *Moll* — подруга бандита [5], *Darby and Joan* — 1) чета простых англичан; 2) чета гомосексуалистов [1. С. 176];
- б) о моральных и умственных особенностях человека (например, «дурак/дура»): *Charlie, Nellie, Berkeley (Hunt) = cunt* [5]; *Silly Billy* [6]; *Mutt and Jeff* [11]; *Dumb Dora* [6];
- в) социальное и материальное положение: *Alec* в значении «неуважаемый человек из среднего или высшего сословия»; *Sloane* — девушка/парень из богатой семьи [7], *Hooray Henry* — высокомерный и нахальный молодой человек из богатой семьи [9];
- г) национальность: *Mick* в значении «ирландец» [8], *Fritz* — немец, *Jimmy (Grant) = immigrant* — англичанин-иммигрант [7], *Ivan* — русский [1. С. 863], *Abdul* — турок [Там же. С. 859], *Joe* — человек из толпы, обычный англичанин [2] (с вариацией второго компонента *Joe Bloggs, Joe Blow, Joe Doakes, Joe Dokes, Joe Public, Joe Soap*) и т. д. В словаре к рифмованному сленгу *Jimmy (Grant) = immigrant* приводится уточнение стран места пребывания англичанина: Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка. Ср.: *I'm a former Jimmy Grant, but now I'm back to Cotswolds* (Я бывший иммигрант из Австралии, но теперь вернулся в Котсволд) [1. С. 353]. *Let's say that an MP gets a letter from a regular Joe. Should he answer?* (Предположим, член парламента получает письмо от какого-то там избирателя. Должен ли он отвечать на письмо?) [Там же. С. 356];
- д) профессия, работа: *Bill* (также *Old Bill*) в значении «полицейский» [9], *Bobby* — патрульный полицейский [6], *Gay Gordon = traffic warden* — патрульный полицейский, следящий за парковкой машин [7], *Jack* — полицейский, детектив [1. С. 343], *John* (также *Johnnie*) — полицейский [7], *Uncle Wilf = filth* — полиция [1. С. 872], *Shylock* — ростовщик [7], *private Dick* — частный детектив [9] и т. д. Ср.: *In Central London Gay Gordons are permanently preying on stressed motorists, which does not improve the popularity of the Mayor* (В центре Лондона приткие дорожные инспекторы постоянно охотятся на запуганных автомо-

- билистов, что не содействует популярности мэра города) [1. С. 259];
- е) части тела: *Cinderella* = *smeller* в значении «нос» [9], *Darby bands* = *hands* — руки [1. С. 176];
- ж) болезни, понятия, связанные с медициной: *charley(-horse)* в значении «судорога» [10], *Conan (Doyle)* = *boil* — фурункул [1. С. 158], *Mutt and Jeff* = *deaf* — глухой, *Hopkins* — хромой [8], *hopping Giles* — хромой [1. С. 863];
- з) географические названия и связанные с ними понятия: *Taff (Taffy)* в значении «уроженец Уэльса», «деревенщина», *Mickey Mouse* = *Scouse* — скауз (диалект жителей Ливерпуля) [7];
- и) наркотики: *Adam* [7] в значении «наркотик», *Benny* — таблетка бенедила (наркотик) [9], *Peter* — сильный наркотик [1. С. 485], *Lucy* — наркотик [Там же. С. 404], *Jones* — наркомания [7].
- к) еда и напитки: *Murphy* в значении «картошка» [10], *Tom Collins* — коктейль из джина и газированной воды с сахаром и лимоном [11], *Nelson's blood* — ром, *Molotov cocktail* — подожженная бутылка с горючим [MWDO], *Nancy Lee* = *tea* — чай [9];
- л) деньги: *Bob* в значении «один фунт стерлингов» [1. С. 92], *Jimmy (O'goblin)* = *sovereign* — один фунт стерлингов [2], *Harry (Tate)* = *eight* — восемь, восемь фунтов стерлингов [4].

Распределение некоторых коллоквиализмов вызывает затруднение ввиду сложной семантической нагрузки. Вследствие этого они могут быть

отнесены к двум и более подгруппам. Ср.: *Taig* в значении: 1) ирландец, 2) ирландский католик [1. С. 691], *Jock/jock* — шотландец, еда [Там же. С. 355].

Интерес представляют коллоквиализмы, когда имя собственное было отобрано по схожему буквенному или фонетическому составу с конкретным названием объекта или субъекта. Так, имя *Benny*, сокращенная форма от имен Бенджамин, Бернард, Беннет, служит для обозначения сокращения от наркотического средства бенедрила. Ср.: *Maggie (Maggie Ann, Maggy)* со значением «маргарин», *Marge (Marg)* — маргарин [Там же. С. 408].

Использование в коллоквиализмах мужских и женских имен собственных служит для обобщения понятия для обоих полов, а также прямого обозначения пар: жена и муж, девушка и парень и т. п. Ср.: *Darby and Joan* в значении: 1) чета простых англичан; 2) чета гомосексуалистов [Там же. С. 176]. Однако в рифмованном сленге *Darby and Joan* = *alone* второй компонент *alone* вносит значение «в одиночестве», «одиноким» [Там же].

Таким образом, коллоквиализмы с имплицитным значением имен собственных и цветовых наименований активно пополняют разговорный пласт лексики современного английского языка. Диахронический аспект, фонетические характеристики, этимология, субъективный подход, культурологические образы, контекстуальное использование, стереотипные представления становятся ведущими факторами в появлении определенного вторичного значения разговорных слов и выражений.

Список источников

1. Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: Астрель, 2010. 896 с.
2. Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 31.01.2021).
3. Hawker S. Pocket Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 1104 p. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 25.01.2021).
4. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 1539 p. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения 22.01.2021).
5. McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 1852 p. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 25.01.2021).
6. Merriam Ch. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, 2004. 939 p. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 09.04.2021).
7. Peckham A. Urban Dictionary. Kansas: Andrews McMeel Publishing, 2005. 343 p. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения 25.01.2021).
8. Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 1664 p. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 23.01.2021).

9. Sinclair J. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London: HarperCollins Publ., 2018. 1904 p. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 29.03.2021).
10. Stein J. Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY: Random House, 1997. 2230 p. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения 22.02.2021).
11. Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. München: Longman, 2000. 1668 p. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения 03.02.2021).
12. Wiktionary: The free dictionary. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения 25.01.2021).

References

1. Semivolkova SV. Sovremennyyj anglo-russkij slovar zhivogo anglijskogo yazyka = Modern English-Russian Dictionary of Alive English. Moscow: Astrel; 2010. 896 p. (In Russ.).
2. Dalgish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House; 1997. 868 p. Available from: <https://www.thefreedictionary.com> (accessed 31.01.2021).
3. Hawker S. Pocket Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press; 2013. 1104 p. Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 25.01.2021).
4. Hornby AS. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press; 2000. 1539 p. Available from: <https://www.lexico.com/en> (accessed 22.01.2021).
5. McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2009. 1852 p. Available from: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 25.01.2021).
6. Merriam Ch, Merriam G. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster; 2004. 939 p. Available from: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 9.04.2021).
7. Peckham A. Urban Dictionary. Kansas: Andrews McMeel Publishing; 2005. 343 p. Available from: <https://www.urbandictionary.com> (accessed 25.01.2021).
8. Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan; 2005. 1664 p. Available from: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 23.01.2021).
9. Sinclair J. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London: HarperCollins Publishers; 2018. 1904 p. Available from: <http://www.collinsdictionary.com> (accessed 29.03.2021).
10. Stein J. Random House Webster's Unabridged Dictionary. New York: Random House; 1997. 2230 p. Available from: <https://www.dictionary.com> (accessed 22.02.2021).
11. Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. München: Longman; 2000. 1668 p. Available from: <http://www.ldoceonline.com> (accessed 3.02.2021).
12. Wiktionary: The free dictionary. Available from: <https://ru.wiktionary.org> (accessed 25.01.2021).

Информация об авторе

А. В. Фалеева — докторант кафедры лексикологии и стилистики английского языка.

Information about the author

Anastasiya V. Faleeva — doctoral student of the department of lexicology and stylistics of the English language.

Статья поступила в редакцию 19.02.2022; одобрена после рецензирования 20.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 19.02.2022; approved after reviewing 20.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10716

О ДИНАМИЧЕСКОМ И СТАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Андрей Александрович Яковлев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, mr.koloboque@gmail.com

Аннотация. Представлен обзор и анализ публикаций последних лет, посвященных изучению языкового сознания. Анализ выявил два основных типа психолингвистических исследований: те, которые нацелены на описание особенностей некоторых фрагментов языкового сознания некоторой группы людей, и те, которые нацелены на сопоставление фрагментов языкового сознания разных групп людей. Сопоставление основано, как правило, на характере той деятельности, которую представители двух групп осуществляют регулярно. Первый тип исследований назван статическим подходом к языковому сознанию, второй — динамическим подходом. Статический подход выявляет наличие или отсутствие соотношения между некоторыми социально-культурными явлениями и явлениями ментального лексикона. Динамический подход выявляет закономерную зависимость между явлениями ментального лексикона и социально-культурными, а также личностными явлениями. Для динамического подхода к языковому сознанию необходима иная интерпретация этого понятия, которая фиксирует закономерность изменения языкового сознания разных групп людей. Автор определяет языковое сознание как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достоинства человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Языковое сознание как теоретическое понятие фиксирует закономерности изменения ментальных лексиконов группы людей в зависимости от социально-культурных и индивидуально-личностных факторов. Перспективность такой интерпретации языкового сознания состоит в том, что основанные на ней сопоставительные исследования позволяют выявлять и предсказывать, каким образом та или иная деятельность переживается и оценивается личностно множеством людей.

Ключевые слова: языковое сознание, статика, динамика, психолингвистика, терминология психолингвистики

Для цитирования: Яковлев А. А. О динамическом и статическом подходе к изучению языкового сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 137—145. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10716.

Original article

ON THE DYNAMIC AND STATIC APPROACHES TO THE STUDY ON LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Andrey A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, mr.koloboque@gmail.com

Abstract. The article provides an overview and analysis of recent publications devoted to the study of language consciousness. The analysis revealed two main types of psycholinguistic research: those aimed at describing the characteristics of some fragments of the language consciousness of a certain group of people, and those that are aimed at comparing fragments of the language consciousness of different groups of people. The comparison is based, as a rule, on the nature of the activities that representatives of the two groups carry out regularly. The first type of research of language consciousness is called the static approach and the second one – the dynamic approach. The static approach reveals the presence or absence of a relationship between some socio-cultural phenomena and language phenomena. The dynamic approach reveals the relationship between language phenomena and socio-cultural, as well as personal phenomena. The dynamic approach to language consciousness requires a different interpretation

of this concept, one which fixes the pattern of changes in the language consciousness of different groups of people. The author defines language consciousness as a psycholinguistic concept that shows how the internal and external factors for the functioning of a language as a human property are associated with changes in the meanings and senses of linguistic signs. Thus, language consciousness is a theoretical concept that fixes the patterns of change in the mental lexicons of a group of people depending on socio-cultural and individual-personal factors. The promise of such interpretation of language consciousness lies in the fact that comparative studies based on it make it possible to identify and predict how an activity is experienced and evaluated personally by a group of people.

Keywords: language consciousness, statics, dynamics, psycholinguistics, psycholinguistic terminology

For citation: Yakovlev AA. On the dynamic and static approaches to the study on language consciousness. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465)):137-145. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10716.

Вводные замечания

Понятие «языковое сознание» встречается в огромном множестве лингвистических работ последних лет. К сожалению, для многих из них характерно использование этого выражения не терминологически, а лишь в качестве маркера декларируемой актуальности и современности проводимого исследования. В настоящей статье мы намерены рассмотреть именно те исследования, которые по материалу, целям и методам посвящены изучению языкового сознания или его особенностей. Ниже мы будем говорить в основном о тех работах, которые по методам и исходным положениям соответствуют психолингвистическому подходу к анализу языковых явлений. Поэтому исследования корпусного, лексикографического, лингвокультурологического и другого характера не рассматриваются.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить сходства и различия в исследованиях языкового сознания последних лет и обобщить их по их гносеологической, общетеоретической и методологической базе и выводам. Такое обобщение даст возможность наметить пути дальнейшего изучения языкового сознания, в частности перспективу построения общей теории языкового сознания.

Анализ исследований языкового сознания

Если проанализировать публикации, так или иначе затрагивающие языковое сознание (ЯС), то все их можно разделить на четыре типа.

Первый тип — труды, посвященные одному концепту или одному слову, а не собственно ЯС. В них ЯС является не предметом изучения, а лишь своего рода «фоном», на котором данный концепт или данное слово рассматриваются [См., напр.: 10; 16; 27; 30; 31; 42]. Никаких выводов о преломлении общих особенностей ЯС в исследуемых концептах или словах обычно не делается, а если и делаются, то выглядят недостаточно обоснованными и даже спекулятивными.

Второй тип исследований — это именно исследования ЯС, причем такие, которые нацелены на вы-

явление некоторых частных особенностей ЯС без дальнейшего сопоставления этих особенностей [2; 12; 20; 21; 23; 32; 35; 41]. Как правило, в таких исследованиях эмпирический (экспериментальный) материал получен от одной группы испытуемых. Эта группа может быть выделена по какому-то признаку (чаще всего географическому или возрастному), а может представлять собой группу людей, никак особо не отграниченную от других носителей того же языка. В таких работах отсутствие сравнения полученных данных с данными другой возрастной или социально-культурной группы позволяет авторам констатировать некоторые особенности ЯС, но не выявить закономерности их изменения.

Третий тип исследований ЯС — те, которые основаны на сопоставлении разных групп людей (это могут быть носители одного языка или нескольких), однако результаты сопоставления позволяют сделать лишь самые общие выводы [1; 5; 15; 19; 28; 38; 39; 40]. Как правило, изученные авторами слова не имеют прямого отношения к деятельности, регулярно осуществляемой участниками экспериментов. А эти последние рассматриваются просто как представители двух разных культур (причем авторы выносят за скобки вопрос «близости», сходства этих культур), безотносительно к тому, осуществляют ли они регулярно одну и ту же деятельность. Отсутствие общей регулярной деятельности, объединяющей исследуемые группы людей, не дает возможности для более детальных выводов о причинах разной или одинаковой эмоционально-ценностной оценки исследуемых слов и стоящих за ними явлений. Следовательно, такие данные и выводы из них лишь начало сопоставления, подготовительный этап изучения ЯС разных групп людей.

Наконец, четвертый тип исследований ЯС — это те, в которых имеет место одновременно и сопоставление групп носителей языка по какому-либо признаку, и выявление личностного переживания ими некоторого явления [4; 7; 11; 13; 18; 22; 24;

33; 37]. Причем и фактор сопоставления двух групп людей, и переживаемые ими явления связаны с регулярно осуществляемой ими деятельностью. Эти исследования показывают, что индивидуальные, этнокультурные, социальные и общечеловеческие ценности **схожим и закономерным образом** влияют на значения и смыслы **разных** слов. Это значит, что значения и смыслы языковых знаков изменяются и функционируют в речи под одновременным влиянием как социально-культурного, так и индивидуально-личностного опыта людей. Это-то одновременное влияние внешних (социально-культурных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов как раз и стремятся выявить названные исследования.

Факторы внешнего порядка могут быть различными, но и факторы внутреннего порядка тоже неоднородны. Однако в работах по ЯС чаще всего фигурирует только разграничение значения и личностного смысла языкового знака, которого (разграничения) может быть недостаточно для объяснения наблюдаемых закономерностей. Поэтому в исследованиях ЯС мы считаем целесообразным опираться на некоторую психологическую концепцию, которая дифференцирует понятие «смысл». Примером такой концепции может быть концепция Д. А. Леонтьева, который вводит родовое понятие «смысловая структура», реализующееся в форме личностного смысла, личностной установки, мотива, смысловой диспозиции, смыслового конструкта, личностной ценности. «В наиболее общем определении **смысловые структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта**» [17. С. 126]. Личностные смыслы и установки имеют место в рамках какой-то конкретной деятельности, в то время как более стабильные смысловые конструкты и личностные ценности обладают транзитивным и наддеятельностным характером [Там же. С. 127—129, 167—251].

Как видно, исследования ЯС различаются по общеметодологическим принципам (наличие или отсутствие сопоставления) и по эмпирическому материалу (полученному от групп испытуемых, различающихся характером регулярно осуществляемой деятельности). Между ними есть «переходная зона» — исследования, определяющие дальнейшее более подробное сопоставительное изучение некоторых фрагментов ЯС.

Таким образом, представленный краткий обзор работ позволяет наметить **два магистральных направления**, или подхода, в исследованиях ЯС, первое из которых можно назвать **статическим** (изучение ЯС в статике), а второе — **динамическим**

(изучение ЯС в динамике). Первое направление названо статическим потому, что такие исследования устанавливают характер влияния социально-культурных явлений на языковые явления, рассматриваемые в психолингвистической перспективе. Второе направление названо динамическим потому, что такие исследования устанавливают характер влияния социально-культурных и личностных явлений на языковые явления, рассматриваемые в психолингвистической перспективе. Статический подход к ЯС констатирует некоторое состояние языковых явлений, динамический подход к ЯС выявляет закономерности того, как (в зависимости от каких разнородных факторов) языковые явления пришли к такому состоянию.

Кроме всего сказанного, статический подход к ЯС, коль скоро он лишь констатирует наличие некоторых особенностей в языковом опыте представителей некоторой группы, не связывает эти особенности с личностным опытом, переживанием и смысловыми структурами, которые могут лежать в основе выявляемых особенностей. Динамический подход к ЯС, напротив, выявляет закономерные связи именно между личностным опытом, переживанием и смысловыми структурами, а также регулярно осуществляемой деятельностью, с одной стороны, и особенностями языкового опыта некоторой группы людей — с другой. Поэтому, даже если индивид входит в несколько социальных групп, в которых выполняет разные деятельности, динамический подход к ЯС позволяет заключить (через выявление смысловых конструктов и личностных ценностей, то есть транзитивных, наддеятельностных смысловых структур), в какой степени каждая из этих деятельностей переживается им лично.

Две интерпретации языкового сознания

Наиболее распространенная на сегодняшний день интерпретация ЯС определяет его как часть индивидуального сознания, обеспечивающая речевую деятельность, или знания, ассоциированные с языковыми знаками для выражения мыслей и чувств в речи [14. С. 28; 26. С. 45—46; 34. С. 206; 36. С. 20]. Данная интерпретация ЯС указывает на некоторую совокупность языковых явлений и их основную характеристику, но не подразумевает возможных факторов, влияющих на закономерные изменения этой характеристики. В ней нет указания на связь ассоциации (между языковыми знаками и сознательными образами) с регулярно осуществляемой деятельностью, а также с личностным переживанием, которые (деятельность

и переживание) могут влиять на характер такой связи, ее актуальное состояние и возможные изменения.

Такая интерпретация ключевого понятия хорошо подходит для статических исследований ЯС. В качестве теоретической базы таких исследований понятие ЯС фиксирует в обобщенном виде то, какая часть индивидуального сознания человека, какая часть его знаний ассоциирована с теми или иными словами. Попросту говоря, это понятие позволяет утверждать, что выявляемые в эмпирическом материале особенности действительно связаны с такими-то знаниями, представлениями, убеждениями и прочим некоторой группы людей.

Однако такая интерпретация не вполне подходит для динамических исследований ЯС. Для того чтобы ЯС соответствовало методологии и материалу динамического подхода к изучению ЯС, в его определении должна выражаться закономерность влияния социально-культурных и эмоционально-личностных факторов на упорядочивание языкового опыта группы людей, объединенных некоторой регулярной деятельностью. Иначе говоря, исследования ЯС в динамике требуют другого определения ключевого понятия, соответствующего их методологии и целям. В свете этой необходимости мы даем ЯС другое определение. **Языковое сознание — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков.** Внутренними факторами являются особенности личностного переживания и эмоциональной оценки мира, внешними — особенности регулярно выполняемой деятельности. Это определение ЯС фиксирует закономерную связь языкового опыта со свойствами других, индивидуально-личностных и социально-культурных явлений и ориентирует исследователя на объяснение такой связи через регулярно осуществляемую деятельность. Этим наше определение ЯС содержательно отличается от классического, которое просто указывает на совокупность языковых явлений и ориентирует исследователя на поиск языковых экзотизмов, выявление некоторых особенных черт в языковом опыте группы индивидов.

Предложенное определение ЯС предполагает следующую его интерпретацию, то есть содержание и связи с другими понятиями. Эту интерпретацию условно можно назвать **неклассической**.

Во-первых, приведенный выше анализ работ по ЯС показывает, что по методам и материалу

они вполне могут быть отнесены к исследованиям ментального лексикона (МЛ). Весьма симптоматично, что авторы этих исследований как будто не замечают этой нестыковки. Мы полагаем, что вопрос разделения ЯС и МЛ нужно решать следующим образом. ЯС — это не отдельный фрагмент МЛ, в сознании и памяти человека нет некоего отдельного устройства, которое можно назвать ЯС. Однако в МЛ есть закономерным образом повторяющиеся и закономерным же образом изменяющиеся связи между разными языковыми знаками и разными фрагментами МЛ. Вот эта-то закономерность связей внутри МЛ и есть то, что мы обозначаем понятием «языковое сознание». И приведенное выше определение ЯС вполне вписывается в такое разграничение ЯС и МЛ.

На каждый языковой знак в МЛ влияет множество факторов. Если на значение знака и его связи с другими знаками в МЛ влияют одновременно регулярно осуществляемая деятельность человека и его личностное переживание обозначаемого словом явления, то такое влияние и есть часть ЯС этого человека. Поэтому при неклассической интерпретации исследования ЯС отличаются от исследований собственно МЛ, хотя проводятся в целом теми же методами. Исследования ЯС можно охарактеризовать как взгляд на ментальный лексикон в обратной перспективе. С помощью этого понятия и его интерпретации можно показать, каким образом языковые знаки из разных фрагментов ментального лексикона оказываются связанными закономерным образом благодаря регулярно осуществляемой деятельности и регулярному смысловому переживанию себя в этой деятельности.

Во-вторых, исследования, опирающиеся на неклассическую интерпретацию ЯС, отличаются от исследований по социолингвистике. Не только антропоцентричностью и экспериментом, но в первую очередь тем, что изучается преломление социальных явлений в личности человека, личностная оценка этих явлений. ЯС позволяет диалектически соединять социальное и личностное. Кроме того, исследования ЯС отличаются и от исследований по социопсихолингвистике. Именно тем, что изучается деятельность группы людей и ее влияние на ментальный лексикон, шире — на языковую способность человека. Изучаются не социальные группы как таковые, но личностное отношение членов этих групп к некоторым компонентам регулярно выполняемой деятельности.

В-третьих, интерпретация ЯС как понятия языкознания должно в целом соответствовать интерпретации понятия «язык» (отметим, что нам неизвестны

работы по ЯС, в которых этому важному теоретико-методологическому пункту уделялось бы серьезное внимание). В качестве такого общелингвистического базиса исследований ЯС хорошо подходят, например, идеи Е. Д. Поливанова (см. об этом нашу статью [43]). Согласно его определению, язык есть всегда лишь относительное, но никогда не абсолютное «тождество между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами в сознаниях представителей коллектива, экономическими условиями предопределенного к регулярному перекрестному общению» [25. С. 344]. Так же точно и ЯС в выраженной выше интерпретации есть понятие относительное. Нельзя ничего сказать (за исключением самых общих суждений) о ЯС самом по себе, взятом в деятельностном и личностном «вакууме». Но можно сказать что-то о ЯС в связи, в соотношении с регулярной деятельностью множества людей и ее регулярным эмоционально-личностным переживанием.

Некоторые выводы

Выраженные в настоящей статье суждения не следует считать попыткой доказать превосходство динамического подхода к ЯС над статическим. Традиционная, **классическая интерпретация** ЯС как научного понятия является **частным, предельным случаем** выраженной выше **неклассической интерпретации** ЯС. Эти две интерпретации ЯС и соответствующие им теоретико-методологические подходы (статический и динамический) находятся не в отношениях противопоставления, а в отношениях взаимного дополнения. Следовательно,

имеются исследования, которые по своим целям, материалу и методу должны опираться на классическую интерпретацию ЯС. В силу интерпретации и определения основного понятия, методологии и материала такие исследования реализуют статический подход к ЯС. При этом имеются и исследования, которые по своим целям, материалу и методу должны опираться на неклассическую интерпретацию ЯС. В силу интерпретации и определения основного понятия, методологии и материала такие исследования реализуют динамический подход к ЯС.

Статический или динамический подход к изучению ЯС включает в себя не только подбор соответствующего материала и выработку соответствующей методологии, но также и опору на соответствующую интерпретацию ЯС как теоретического понятия.

При динамическом подходе и неклассической интерпретации ЯС есть теоретическое понятие, фиксирующее **закономерности изменения** ментальных лексиконов группы людей в зависимости от социально-культурных и индивидуально-личностных факторов. Связывая степень общности ментальных лексиконов разных людей с их деятельностью, ЯС как теоретическое понятие и соответствующий ему антропоцентрический подход к языковым явлениям позволяют изучать язык как достояние не абстрактного человека, но активного члена некоторой социально-культурной группы, общающегося по нормам этой группы, оценивающего и лично переживающего свое взаимодействие с другими ее членами.

Список источников

1. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. «Конфликтные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник ВолГУ. Сер.: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 28—40.
2. Башиева С. К., Геляева А. И., Табакоева И. Р. Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодежи // Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 8—20.
3. Белоусов К. И., Павлова Д. С. Геоконцепты российских городов в языковом сознании воспитанников образовательного центра «Сириус» // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 61—70.
4. Бронникова Ю. О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников // Современный ученый. 2017. № 2. С. 37—42.
5. Васильева Г. М., Виноградова М. В., Мячина В. В. Динамика культурно-географических представлений в языковом сознании российских студентов (на материале образов стран) // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 262—270.
6. Вашунина И. В., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Некоторые корреляции образов языкового и неязыкового сознания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 50. С. 9—26.
7. Гаранович М. В. Экспериментальное исследование стереотипного восприятия человека человеком в языковом сознании в зависимости от социальных факторов говорящего // Глобальный научный потенциал. 2020. № 4 (109). С. 142—148.

8. Гуц Е. Н., Худякова Н. О. Социальные стереотипы старости в языковом сознании молодежи (на материале психолингвистических экспериментов) // Этнопсихолингвистика. 2020. № 3. С. 157—165.
9. Давлатмирова М. Б. Лингвокультурные аспекты макроконцепта «судьба» в арабском языковом сознании: результаты ассоциативного эксперимента // Вестник Таджикского национального университета. Сер.: Филологические науки. 2019. № 3. С. 138—145.
10. Исаева Э. С., Васильева Э. Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 241—252.
11. Кафтанов Р. А. Ассоциативная связь «война — победа» в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 312—324.
12. Колышева О. Н. Война в русском языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 339—358.
13. Кротова М. Н., Ушакова А. П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 276—289.
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
15. Лаппо М. А. Россия и русская культура в языковом сознании носителей венгерского языка // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 84—92.
16. Лемяскина Н. А. Концепт «свой/чужие» в языковом сознании младшего школьника // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 68—69.
17. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.
18. Лопсан А. П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480—481.
19. Лукьянова Е. Е. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания школьника (на материале слов широкой семантики) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2020. № 4. С. 244—249.
20. Мельник Н. В., Макрушина Ю. А. Образ Кузбасса в обыденном языковом сознании школьника // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 451—455.
21. Миллер В. А. Стилистический статус эмоционально-оценочной лексики в словарях и в языковом сознании молодежи // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 88—93.
22. Никаева Т. М., Сизых А. А. Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 234—237.
23. Пак М. К., Долгова Т. В. Понятие жизнь в языковом сознании школьников // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 3-6 (59). С. 70—73.
24. Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 5—15.
25. Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
27. Ращупкина Е. И. Концепт «учитель» в языковом сознании учащихся (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. № 42. С. 207—210.
28. Рев В. С. С. Т., Харченко Е. В. Образ семьи в языковом сознании носителей разных лингвокультур (на примере Шри-Ланки и России) // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 40—48.
29. Селютин А. А., Селютина Е. А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). Филологические науки. Вып. 122. С. 125—130.
30. Сюй Лили. Ассоциативное поле концепта «упрямство» в русском языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 282—285.
31. Таирова Г. А. Специфика концепта «женщина» в английском языковом сознании (на основе свободного ассоциативного эксперимента) // Общество. 2019. № 2 (13). С. 74—77.
32. Талицкая А. А., Ананьева И. И. Понятия лингвистической экспертизы в обыденном языковом сознании // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 4. С. 396—406.

33. Устьянцева Е. В. Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания) // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 17—23.
34. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011.
35. Уфимцева Н. В. Особенности языкового сознания билингва // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 2. С. 156—167.
36. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18—25.
37. Хвесько Т. В., Крюкова И. В., Врублевская О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) // Язык и культура. 2020. № 50. С. 115—128.
38. Хохлова И. С., Павлова И. А. Патриотизм в языковом сознании французов и русских // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 682—684.
39. Цзя Шуюе. Этнокультурная специфика языкового сознания образа «госслужащего» в материалах свободного ассоциативного эксперимента // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2021. № 2. С. 63—77.
40. Цыбенкова Ч. С. Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 98—109.
41. Шпильная Н. Н. Невербализуемые высказывания как проявления полифонии языкового сознания при психозе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 150—156.
42. Щурина Ю. В., Вырупаева М. В. Концепт «родная земля» в региональном языковом сознании в контексте забайкальского приграничья // Сибирский филологический форум. 2021. № 4 (16). С. 72—82.
43. Яковлев А. А. Изучение языкового сознания в свете общелингвистических идей Е. Д. Поливанова // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4 (50). С. 176—191.

References

1. Balyasnikova OV, Ufimtseva NV. “Conflict zones” of language consciousness in intercultural interaction. *Vestnik VolGU. Seriya “Iazykoznanie” = Bulletin of VolsU. Series “Linguistics”*. 2020;(19-1):28-40. (In Russ.).
2. Bashieva SK, Gelyaeva AI, Tabaksoeva IR. Tolerance and intolerance in the linguistic consciousness of modern student youth. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2020;(4(46)): 8-20. (In Russ.).
3. Belousov KI, Pavlova DS. Geo-concepts of Russian cities in the linguistic consciousness of pupils of the educational center “Sirius”. *Sotcio- i psiholingvisticheskie issledovaniia = Socio- and Psycholinguistic Studies*. 2020;(8):61-70. (In Russ.).
4. Bronnikova YuO. Associative experiment as one of the methods of identifying evaluative connections in the linguistic consciousness of primary schoolchildren. *Sovremennyy uchenyy = Modern Scientist*. 2017;(2):37-42. (In Russ.).
5. Vasilyeva GM, Vinogradova MV, Myachina VV. Dynamics of cultural and geographical representations in the linguistic consciousness of Russian students (based on images of countries). *Perspektivy nauki i obrazovaniia = Prospects for Science and Education*. 2019;(5(41)):262-270. (In Russ.).
6. Vashunina IV, Nistratov AA, Tarasov EF. Some correlations of images of linguistic and non-linguistic consciousness. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroliubova = Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*. 2020;(50):9-26. (In Russ.).
7. Garanovich MV. Experimental study of the stereotypical perception of a person by a person in linguistic consciousness depending on the social factors of the speaker. *Global'nyy nauchnyy potencial = Global Scientific Potential*. 2020;(4(109)):142-148. (In Russ.).
8. Guts EN, Khudyakova NO. Social stereotypes of old age in the linguistic consciousness of young people (based on psycholinguistic experiments). *Etnopsiholingvistika = Ethnopsycholinguistics*. 2020;(3):157-165. (In Russ.).
9. Davlatmirova MB. Linguocultural aspects of the macro concept “fate” in the Arab language consciousness: the results of an associative experiment. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya “Filologicheskie nauki” = Bulletin of the Tajik National University. Series “Philological Sciences”*. 2019;(3):138-145. (In Russ.).

10. Isaeva ES, Vasilyeva EG. The associative field of the concept “fire” in the linguistic consciousness of Russian speakers against the background of the Latvian linguoculture. *Rusistika = Russian Studies*. 2021;(19(3):241-252. (In Russ.).
11. Kaftanov RA. Associative connection “war — victory” in the Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2021;(2):312-324. (In Russ.).
12. Kolysheva ON. War in the Russian linguistic consciousness of young Russians: an associative experiment. *Vestnik RUDN. Seriya “Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika” = Bulletin of RUDN. Series “Theory of Language. Semiotics. Semantics”*. 2021;(12(2):339-358. (In Russ.).
13. Krotova MN, Ushakova AS. Research of the linguistic consciousness of Russian and foreign military specialists by the method of associative experiment. *Vestnik IarGU. Seriya “Gumanitarnye nauki” = Bulletin of YarGU. Series “Humanities”*. 2021;(15(2):276-289. (In Russ.).
14. Kubryakova ES. V poiskah sushhnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya = Search for the Essence of Language. Cognitive Studies. Moscow: Znak; 2012. 208 p. (In Russ.).
15. Lappo MA. Russia and Russian culture in the linguistic consciousness of Hungarian speakers. *Psicholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deiatel'nosti = Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*. 2020;(18):84-92. (In Russ.).
16. Lemyaskina NA. The concept of “friends/foes” in the language consciousness of a junior schoolchild. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika = Bulletin of Voronezh SU. Series “Philology. Journalism”*. 2020;(4):68-69. (In Russ.).
17. Leont'ev DA. Psihologijasmysla: priroda, stroenie i dinamika myslovoireal'nosti = Psychology of the sense: nature, structure and dynamics of the sense reality. Moscow: Smysl; 2007. 511 p. (In Russ.).
18. Lopsan AS. Representation of the image of the father in the linguistic consciousness of Tuvans, Russians and Americans. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2018;(6(73):480-481. (In Russ.).
19. Lukyanova EE. Associative experiment as a method of studying the linguistic consciousness of a schoolchild (on the basis of words of broad semantics). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya = Bulletin of Tver State University. Series “Philology”*. 2020;(4):244-249. (In Russ.).
20. Melnik NV, Makrushina YuA. The image of Kuzbass in the everyday language consciousness of a schoolchild. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2018;(5(72):451-455. (In Russ.).
21. Miller VA. The stylistic status of emotional-evaluative vocabulary in dictionaries and in the linguistic consciousness of young people. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research*. 2020;(2(27):88-93. (In Russ.).
22. Nikaeva TM, Sizykh AA. The system of associations “law” and “crime” in the linguistic consciousness of students. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020;(13(6):234-237. (In Russ.).
23. Pak MK, Dolgova TV. The concept of life in the linguistic consciousness of schoolchildren. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire = Actual Scientific Research in the Modern World*. 2020;(3-6):70-73. (In Russ.).
24. Palkin AD. The image of time in the linguistic consciousness of Russians and Japanese. *Vestnik NGU. Seriya “Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiya” = Bulletin NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2018;(16(4):5-15. (In Russ.).
25. Polivanov ED. Trudy po vostochnomu i obshchemu iazykoznaniiu = Works on oriental and general linguistics. Moscow: Nauka; 1991. 623 p. (In Russ.).
26. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaya lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad; 2007. 314 p. (In Russ.).
27. Rashchupkina EI. Concept “teacher” in the linguistic consciousness of students (based on a free associative experiment). *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty = Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*. 2018;(42):207-210. (In Russ.).
28. Rev VSST, Kharchenko EV. The image of the family in the linguistic consciousness of speakers of different linguistic cultures (on the example of Sri Lanka and Russia). *Filologicheskii klass = Philological Class*. 2019;(4(58):40-48. (In Russ.).

29. Selyutin AA, Selyutina EA. Features of the linguistic consciousness of university students. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(12(446)):125-130. (In Russ.).
30. Xu Lili. The associative field of the concept of “stubbornness” in the Russian linguistic consciousness. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = World of Science, Culture, Education*. 2020;(1(80)):282-285. (In Russ.).
31. Tairova GA. Specificity of the concept “woman” in the English language consciousness (based on a free associative experiment). *Obshchestvo = Society*. 2019;(2(13)):74-77. (In Russ.).
32. Talitskaya AA, Ananyeva II. The concepts of linguistic expertise in the everyday languageconsciousness. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia = Social and humanitarian knowledge*. 2020;(6-4):396-406. (In Russ.).
33. Ustyantseva EV. Socio-cultural type of a teacher in a small town in the Krasnoyarsk Territory (perceived level of linguistic consciousness). *Sibirskiy filologicheskiy forum = Siberian Philological Forum*. 2021;(2(14)):17-23. (In Russ.).
34. Ufimtseva NV. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' = Language consciousness: dynamics and variability*. Moscow: Institute of Linguistics RAS; 2011. 252 p. (In Russ.).
35. Ufimtseva NV. Features of bilingual linguistic consciousness. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki = Polylingualism and Transcultural Practices*. 2019;(16-2):156-167. (In Russ.).
36. Ufimtseva NV, Tarasov EF. Problems of studying language consciousness. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2009;(10):18-25. (In Russ.).
37. Khvesko TV, Kryukova IV, Vrublevskaia OV. Proper connotative names of the postsoviet period in the linguistic consciousness of Russian speakers (experimental research). *Iazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2020;(50):115-128. (In Russ.).
38. Khokhlova IS, Pavlova IA. Patriotism in the linguistic consciousness of the French and Russian. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = World of Science, Culture, Education*. 2020;(6(85)):682-684. (In Russ.).
39. Jia Shuyue. Ethnocultural specificity of the linguistic consciousness of the image of a “civil servant” in the materials of a free associative experiment. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal = World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*. 2021;(2):63-77. (In Russ.).
40. Tsybenova ChS. Reflection of traditional values in the linguistic consciousness of Tuvinians (according to the associative experiment). *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2020;(1(43)):98-109. (In Russ.).
41. Shpilnaya NN. Non-verbalized statements as manifestations of polyphony of linguistic consciousness in psychosis. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2019;(2(40)):150-156. (In Russ.).
42. Shchurina YuV, Vyrupeva MV. The concept of “native land” in the regional linguistic consciousness in the context of the Trans-Baikal border area. *Sibirskiy filologicheskiy forum = Siberian Philological Forum*. 2021;(4(16)):72-82. (In Russ.).
43. Yakovlev AA. The study of language consciousness from the perspective of ED Polivanov's general linguistic ideas. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*. 2021;(4):176-191. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Яковлев — кандидат филологических наук.

Information about the author

Andrey A. Yakovlev — Cand. Sci. (Philology).

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.